КУРТ ПФЁЧ

ЭСЭСОВЦЫ ПОД ПРОХОРОВКОЙ

1-я ДИВИЗИЯ СС «ЛЕЙБШТАНДАРТ АДОЛЬФ ГИТЛЕР» В БОЮ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

Курт Пфёч

ЭСЭСОВЦЫ ПОД ПРОХОРОВКОЙ

1-я ДИВИЗИЯ СС «ЛЕЙБШТАНДАРТ АДОЛЬФ ГИТЛЕР» В БОЮ

Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2010

УДК 355/359
ББК 68
П 91

Scan By Vitaulas & Kali

Оформление серии *П. Волкова*

Пфёч К.

П 91 Эсэсовцы под Прохоровкой. 1-я дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» в бою / Курт Пфёч ; [пер. с нем. С. Липатова]. — М. : Яуза-пресс, 2010. — 320 с. : ил. —(Вторая Мировая война. Жизнь и смерть на Восточном фронте).

ISBN 978-5-9955-0171-8

Уникальные фронтовые воспоминания ветерана 1-й дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», участвовавшего в знаменитом сражении под Прохоровкой. Величайшая танковая битва глазами простого эсэсовца, из боевых порядков немецких гренадеров и танкистов. «Тридцатьчетверки» против «тигров», скорость и маневренность против мощной брони и цейсовской оптики, русская отвага против германской стойкости, советская гвардия против войск СС!

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-9955-0171-8

© Липатов С., перевод, 2010
© ООО «Яуза-пресс», 2010

Введение

БИТВА ПОД КУРСКОМ В ИЮЛЕ 1943 г.

После поражения под Сталинградом и стабилизации Восточного фронта в марте 1943 г. немецкое руководство задалось вопросом о предстоящей стратегии. То, что вермахт должен перейти к стратегической обороне, принимая в расчет советское превосходство и угрозу вторжения союзников в Южную Европу, было ясно. Однако имелось желание в ходе стратегической обороны нанести Красной Армии чувствительное поражение, чтобы улучшить соотношение сил и в конечном счете добиться «ничьей». Отвод войск с двух больших выступов позволил освободить около 30 дивизий, и это позволяло запланировать проведение ограниченной наступательной операции. И только в случае достижения в ней большого успеха возникала возможность прийти к сепаратному миру со Сталиным. Этот шанс казался реальным, так как отношения Советского Союза с западными державами заметно ухудшились в апреле 1943 г. после обнаружения массовых захоронений в Катыни.

Военное руководство выступило за проведение операции на окружение против советских войск, сосредоточенных на стыке немецких групп армий «Центр» и «Юг» в районе Курска, где три советских фронта занимали выступ, далеко врезающийся в территорию, занятую

немецкими войсками. Идея этой операции исходила не от Гитлера, а от фельдмаршала Эриха фон Манштейна, командующего группой армий «Юг». За ее проведение высказались также начальник Генерального штаба генерал-полковник Курт Цайтцлер и командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Гюнтер фон Клюге. Операция получила кодовое название «Цитадель».

Приказ о проведении операции от 15 апреля утвердил в качестве цели ее проведения окружение советских войск на Курской дуге. В результате ее удачного исхода планировалось взять в плен от 600 до 700 тысяч человек и сократить протяженность фронта на 200 километров. Кроме того, для других целей освободились бы многочисленные резервы. Немецкий Генеральный штаб знал о растущей силе противника. В конце марта 1943 г. предполагалось, что в его войсках насчитывалось 5,7 миллиона человек в 62 общевойсковых армиях, трех танковых армиях и 28 танковых и механизированных корпусах на Европейском фронте. При этом ежемесячный выпуск танков оценивался в 1500 штук. Фактически в июле в советских войсках насчитывалось 6,6 миллиона человек и 10 200 танков. Немецкая армия на Восточном фронте располагала только 3,14 миллиона человек и 3700 танками и штурмовыми орудиями.

Альтернативное предложение Манштейна заключалось в том, чтобы отвести войска из Донбасса, а затем нанести удар в северный фланг наступающего противника, окружить его и прижать к Азовскому морю. Эта альтернатива хотя и предлагала гениальное решение, однако вызывала необходимость временной потери Донбасса и могла быть затруднена отвлекающими наступлениями.

С точки зрения военной стратегии наступление на Восточном фронте необходимо было начать как можно скорее и успешно завершить его, прежде чем союзники высадятся в Италии. Требовалось ведение подвиж-

ных «экономичных» боевых действий с целью нанесения противнику максимальных потерь при минимальных собственных. Кроме того, предлагался вывод войск с выступов, например, с «орловской дуги» или кубанского плацдарма, в то время как штаб оперативного руководства вермахта в целом выступал против проведения «Цитадели» до тех пор, пока не выяснится общая обстановка.

В ходе подготовки операции возникли обстоятельства, способствовавшие отказу от нее. Советское командование имело преимущество в том, что могло выжидать до тех пор, пока союзники не перейдут в наступление. 12 апреля оно приняло решение о переходе к преднамеренной обороне, цель которой заключалась в том, чтобы измотать и обескровить противника и лишь потом перейти в наступление. Заблаговременно были выяснены приготовления немецких войск к наступлению на Курский выступ. Это позволило создать там глубоко эшелонированную оборону. На важных с тактической точки зрения направлениях были оборудованы противотанковые районы обороны и намечены рубежи сосредоточенного и заградительного огня артиллерии. Во вторых эшелонах были сосредоточены многочисленные танковые и механизированные корпуса для проведения контратак и контрударов, кроме того, был создан стратегический резерв. В составе Центрального и Воронежского фронтов, которые должны были действовать на направлении главного удара, были сосредоточены особо крупные силы, а именно десять общевойсковых и две танковые армии с 3500 танками.

В качестве наиболее раннего срока начала наступления с немецкой стороны было намечено 3 мая, но Гитлер медлил и по убедительным причинам настоял на его переносе, так как казалось, что наступательные группировки не имеют достаточных сил для прорыва обороны. В середине мая выяснилось, что развертыва-

ние осуществляется недостаточно быстро. Кроме того, действовавшие в немецком тылу партизаны отвлекали некоторые соединения на себя. Но если принималось решение в пользу наступления, то его необходимо было начинать немедленно, несмотря на очевидную слабость, или совершенно отказаться от него. И если генерал-полковник Гейнц Гудериан, будучи генерал-инспектором танковых войск, желая сохранить новые танки «Тигр» и «Пантера», выступал за отказ от операции, то Цайтцлер, фон Клюге и фон Манштейн настаивали на ее проведении. Они, очевидно, не хотели признавать, что нарастание сил обеих сторон в этом районе складывалось в пользу Красной Армии.

Немцы, располагавшие здесь 2600 танками и штурмовыми орудиями, которых прикрывало более 1800 боевых самолетов, полагались на свой опыт и боевое мастерство. Еще никогда они так тщательно не готовились к проведению ограниченной операции. Однако их главный недостаток заключался даже не в отсутствии фактора внезапности, а в том, что удар был направлен на наиболее сильный участок фронта противника. При этом нарушался тот принцип, в соответствии с которым наступление имеет успех только тогда, когда удар направлен по наиболее уязвимому месту в обороне противника.

После того как 5 июля наступление, наконец, началось, очень скоро проявились преимущества обороняющегося. 9-я армия, наступавшая на северном фасе, несмотря на ожесточенные сражения, была остановлена на 4-й оборонительной линии. Напротив, южная группировка, а именно 4-я танковая армия, ведя тяжелые бои, к 11 июля все же продвинулась на 35 километров и была уже близка к тому, чтобы прорваться к Курску. Однако противник бросил против немецких танковых войск 5-ю гвардейскую танковую армию и 5-ю армию из своих стратегических резервов, чтобы любой ценой не допу-

стить дальнейшего продвижения 2-го танкового корпуса СС, представлявшего собой основную ударную группировку. В нее входили три дивизии СС: «Рейх», «Мертвая голова» и «Лейбштандарт Адольф Гитлер». О военных испытаниях некоторых их гренадеров рассказывается читателю в воспоминаниях, помещенных в этой книге.

«Танковое сражение под Прохоровкой» с 11 по 13 июля — события 11 июля представляют собой кульминацию предлагаемого читателю повествования — в связи с ошибками советского командования закончилось тяжелыми потерями для Красной Армии. Немецкие танковые дивизии не понесли таких больших потерь, какие утверждались советской пропагандой. Сражение под Прохоровкой, «крупнейшая танковая битва мировой истории», с оперативно-тактической точки зрения закончилось «вничью», так как ни немецкая 4-я танковая армия, ни ее противник не оказались в состоянии выполнить поставленные перед ними задачи.

Но исход битвы решился в другом месте. После того как 11 июля советские войска нанесли удар по немецкой 2-й танковой армии, оборонявшей северный и восточный участки «орловской дуги», 9-я армия была вынуждена прекратить наступление, вывести из боя четыре боеспособные дивизии и направить их для ликвидации глубоких прорывов советских войск. Хотя дальнейшее советское наступление было временно остановлено, возобновить свое наступление на Курской дуге 9-я армия уже не смогла.

Несмотря на протесты Манштейна, хотевшего ввести в сражение свой танковый корпус из резерва, чтобы добиться намеченных целей, 13 июля Гитлер принял решение прекратить операцию «Цитадель». Для этого было много причин: наступление пяти советских армий на северном фасе «орловской дуги» могло создать угрозу для тыла немецкой 9-й армии и вынудить ее к немедленному отходу. Продолжение наступления на Курск с

юга могло привести к сражению на истощение огромного размаха, которое было выгодно только противнику. Кроме того, приходилось считаться с советским наступлением в Донбассе, которое могло начаться в любой момент и вскоре действительно началось, а резервы пришлось использовать для его отражения.

Еще одна причина заключалась в том, что 10 июля британцы и американцы при массированной поддержке авиации высадились на Сицилии, а союзные немцам итальянские войска почти не оказывали им сопротивления. Было необходимо немедленно усилить оборонявшиеся на Сицилии войска, чтобы предотвратить развал итальянского фронта. Для этого было принято решение направить туда войска с Восточного фронта. Теперь пришла расплата за то, что операция «Цитадель» была начата так поздно. Но критическое положение на Восточном фронте потребовало нового перераспределения сил за счет наступательных группировок. Другими словами — у немецких войск не хватало сил для наступления на Курск и одновременного обеспечения устойчивости соседних участков фронта.

Таким образом, операция «Цитадель» провалилась не из-за поражения немецких танковых сил под Прохоровкой, а была прекращена по другим серьезным причинам. С немецкой стороны это не было обусловлено материальными потерями, решающую роль здесь сыграла скорее потеря инициативы. С сегодняшней точки зрения имелся только выбор между более ранним началом «Цитадели» (до середины мая) или отказом от проведения операции. Вопрос о том, оставалась ли возможность заключения сепаратного мира в случае немецкой победы в операции под Курском, остается открытым.

Воспоминания Курта Пфёча описывают боевой путь отделения 2-й роты 2-го мотопехотного полка дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Записки охваты-

вают период времени с ночи с 1 на 2 июля по 15 июля 1943 г. Отделение, состоявшее сначала из двенадцати человек, за эти несколько дней понесло большие потери.

Отделение — наименьшее пехотное подразделение времен Второй мировой войны — славилось своей большой огневой мощью, основывавшейся на том, что командир отделения самостоятельно вел своих подчиненных — пулеметчиков, стрелков и иногда снайпера. Он сам ставил им боевые задачи и управлял ими в ходе боя голосом и сигналами рукой. Такое поддержание контакта и среди солдат отделения между собой, взаимное информирование, предупреждение, прикрытие и оказание помощи были типичными для боевых действий опытного отделения. Полковник американской армии С.Л.А. Маршалл оценил эти типичные качества, присущие немецкому отделению, такими словами: «В Европе мы, американцы, часто удивлялись несмолкаемым разговорам и выкрикам в немецких рядах во время боя. Мы считали это примитивизмом. Но то, что между этой методой и феноменальной энергией, с которой наши враги организовывали и проводили контратаки на местности, имеется прямая связь, нам не приходило в голову»[1].

Воспоминания Курта Пфёча имеют большую ценность еще и потому, что он сегодня единственный, оставшийся в живых солдат отделения этого 2-го мотопехотного полка СС. Тем, что поделился с общественностью своими живыми и образными воспоминаниями, он способствовал тому, чтобы поддержать у последующих поколений память о ставшем трагедией для многих солдат «аде под Курском».

Доктор Гейнц Магенхаймер

[1] S.L.A. Marshall. Men against Fire: The Problem of Battle Command in Future War. N.Y.: Morrow, 1947, p. 83.

Отделение

Ганс — командир отделения
Пауль — первый номер 1-го пулеметного расчета
Йонг — второй номер 1-го пулеметного расчета
Зепп — третий номер 1-го пулеметного расчета
Вальтер — первый номер 2-го пулеметного расчета
Петер — второй номер 2-го пулеметного расчета
Куно — третий номер 2-го пулеметного расчета

Цыпленок– стрелок Курт Пфёч, «Блондин с льняными волосами»
Эрнст — стрелок
Камбала — стрелок
Ханнес — стрелок
Уни — стрелок

Дори — водитель и связной-мотоциклист

Пролог

1 ИЮЛЯ 1943 ГОДА

Их было двенадцать. Ханс, командир отделения, длинный, как жердь, две трети — ноги, остальное — маскировочная куртка и стальной шлем. Расчет первого пулемета: Пауль и Йонг, неразлучные как близнецы, одного роста, одинаково упрямые, один — из Тюрингии, другой — из Гамбурга. За «Шокаколу»[1] они могли умереть. Их третьим номером был Зепп — спокойный, безупречный, незаметный. Откуда он был родом — вопрос спорный. Этого не знал никто. Одни думали, что откуда-то из Баварии, другие говорили про Богемию. Но все были едины в том, что для жителей тех мест лишь недавно стало возможным ходить в полный рост.

Второй пулеметный расчет: Вальтер, Петер и Куно.

Вальтер был первым номером у пулемета, первым номером по внешнему виду, манере разговаривать, воспитанности и элегантности. Петер — его второй номер, словно ученик Вальтера, совсем не подходил к нему по типажу — длинноволосый, повзрослевший мальчуган. А Куно? Худой, несколько медлительный, осмотрительный, родом с юга, горец, хозяйственный и богобоязненный, самый настоящий баварец.

---

[1] Шокакола — шоколад с кофеином и орехом коки, входивший в солдатский паек в вермахте и войсках СС. — *Прим. пер.*

Стрелки: их по-прежнему называли так, несмотря на то что они предпочитали автоматы старым добрым 98-м карабинам; по сроку службы они распределялись так: Камбала, лучший друг Куно, очень светлый, очень любопытный и очень молодой. Уличный мальчишка из Веддинга и (как же может быть иначе!) непревзойденный острый на язык говорун, которому часто не хватало слушателей. Следующий, Ханнес — рыжий, веснушчатый, постоянно обгорающий на солнце ганноверец, дружил с Уни. Прозвища у него не было, просто звали его по сокращенной форме имени. Сын штирийского мелкого крестьянина был ветераном отделения, как и мюнхенец Эрнст — непревзойденный организаторский гений. И там, где был Эрнст, рядом был его друг — Блондин, житель франконской столицы по кличке Цыпленок.

Двенадцать — круглое число.

Тринадцатый — счастливое или несчастное число, как всегда хотелось видеть его положение в отделении или при нем — был Дори. Водитель и связной-мотоциклист, сам себя причислял к отделению, если там было что выпить, и заявлял об отсутствии какой-либо принадлежности к нему, если речь шла о военных играх.

Двенадцать или тринадцать?

Шпис[1] говорил — двенадцать, а шпис знал, что говорил!

Огромный палаточный городок...

Покосившиеся крестьянские хаты с маленькими подслеповатыми окнами. Заборы палисадников — косые и поваленные ветром, в них больше дыр, чем досок. Широкая ухабистая деревенская улица пуста,

[1] Шпис (*нем. жарг.*) — старший фельдфебель или унтер-офицер в роте, отвечавший за порядок, организацию внутренней службы и снабжение роты. То же, что в Красной Армии старшина. — *Прим. пер.*

раскалена летней жарой. Бедность, безутешность, жара...

У входа в дом без ворот в тени лежит неподвижно пес, уткнувшись носом в серый от пыли сапог. Он постоянно жмурится, когда в сапоге что-то шевелится, и погляды-вает на спокойно лежащие на серых танкистских брюках руки, белый обнаженный торс и красно-коричневое за-горелое лицо с короткой трубкой в зубах.

— Хорошо, Комиссар.

Пес устало один раз махнул хвостом, довольно по-ворчал, сунул нос еще глубже в складку сапога, вытянул передние лапы и положил их одна на другую.

Вторая пара сапог стояла чуть выше, на последней ступеньке лестницы. Коленки, острые, как пирамиды. Серые суконные брюки высоко засучены, и худые маль-чишеские ноги создают резкий контраст с неуклюжими сапогами и слишком широкими штанинами. Второй ле-жал спиной на полу хаты, закинув руки за голову, и смо-трел мимо крыши в безоблачное небо.

— А почему ты его зовешь Комиссаром?

— Почему? — тот, что был с трубкой, крепко при-жал табак большим пальцем, улыбнулся и посмотрел на собаку: — Черный от морды до хвоста, а на шее — две красные петлицы!

— Снаружи — похож, но внутри — нет.

— Как внутри?

— Ну, ведь его взгляды, его идеологические убежде-ния совсем не соответствуют.

— Собаке?

— Нет, комиссару. Глянь на этого малого. Во-первых, он дрыхнет. Во-вторых, мирно лежит у ног немецкого бойца. А в-третьих — машет хвостом, если ты ему что-нибудь говоришь. Ты когда-нибудь встречал такого ко-миссара?

— Быть может, один из лучших?

— Да, перебежчик!

Приподнявшийся опять улегся на пол.

Курящий трубку покачал головой, наклонился немного вперед и рукой, почти с нежностью, погладил лохматую шерсть.

Послышались усталые шаркающие шаги.

— Привет, Эрнст!

Курящий трубку перестал гладить собаку, ткнул сапоги перед собой:

— Поднимайся, Цыпа, Дори здесь! — а только что подошедшего спросил:

— Дори, ты почту привез?

Дори покачал головой, извиняясь, пожал плечами и усердно почесал нос указательным и большим пальцами.

— Садись сюда, Дори. Привез новые сортирные новости или надо тебе чего?

Дори подошел, осторожно переступил через собаку и присел на колоду, прислонившись спиной к высокой поленнице дров, стянул с головы покрытую масляными пятнами маскировочную кепку и постучал пальцами по карманам брюк.

— Н-да, новости для обоих, а кроме того...

— Что «кроме того»? — Эрнст усмехнулся и толкнул блондина в бок: — Ну, что я говорил, Цыпа? Этой заднице чего-то понадобилось.

Он протянул Дори пачку «Юно». Тот тонкими пальцами вытянул из нее сигарету, сунул ее за ухо и потянулся за другой:

— Эрнст, одной не хватит, рассказывать долго...

Когда сигарета, наконец, задымила, Дори благодарно кивнул и начал декламировать:

— Не знаю, что стало со мною, печалью душа смущена...

— Дори, заткнись! — Эрнст ухватил сигарету у Дори. — Знаем мы, что ты когда-то ходил в какую-то вонючую гимназию! Давай, не тяни!

Автор книги в бытность юнкером в 1944 г.

Дори. 1943 г.

— Н-да, как говорится, прошли наши спокойные деньки. Снова был в штабе дивизии, специальное задание, и все такое...– Эрнст и Блондин улыбались, однако не прерывали. Они знали Дори, который всегда нагнетал обстановку. А что будет дальше — может, и ничего, все-то он видел и все слышал — этот замасленный индивидуалист имеет обширные связи. То, что он узнает, — самые горячие новости! Дори, что касается его информированности, всегда опережает свое время на день.

— Говорю же, я как раз ехал в дивизию. Да, и по дороге сломался...

— Отлично! — засмеялся Эрнст и снова толкнул Блондина в бок: — Было бы удивительно, если бы не случилось аварии! Они же — твой коронный номер! Я правильно говорю?

— Во, придурок! — Дори обиделся. — Тогда, господа, больше ни слова!

— Ладно, ладно, — Эрнст, извиняясь, поднял руки. — Может, еще одну?

Когда Дори увидел пачку «Юно», лицо его сразу разгладилось:

— Да... Так на чем я остановился?

— На аварии!

— Точно. Поломался я как раз у связистов. А там у меня старый приятель. Поломка была почти запланирована. Мой «катушечник» иногда знает больше, чем наш

командир. По крайней мере, узнает все раньше. Ну вот, и я там немножко набурил.

— И что дало твое бурение? — Эрнст и Блондин насторожились.

Дори посмотрел, как столбик пепла с сигареты падал прямо на масляное пятно на его брюках. Он тут же глянул на камуфляжную кепку и шлепнул ею по коленке.

— Прямое попадание! — довольно усмехнулся он и надел кепку на голову. — Н-да, и знаете, что рассказал мой друг-связист, а?

Блондин потерял терпение:

— Мы с ним, что ли, трепались или ты?

— Разумеется, я. Значит, так: нашему прекрасному отдыху на этом курорте пришел конец.

— Нас что, переводят? Во Францию? Или в...

Дори сморщился, как будто хотел чихнуть, шлепнул себя обеими ладонями по ляжкам и захохотал. Комиссар вдруг вскочил, оскалил зубы и зарычал. Смех тут же смолк.

— Ну и фантазия у вас, друзья мои. А речь идет о дерьме, и очень густом!

— Хорошо, Комиссар. — Эрнст был спокоен, как обычно, погладил пса, и он сразу же снова улегся у ног своего хозяина, при этом недовольно уставился на Дори и для профилактики оставил губы приподнятыми.

— Значит, Дори, опять начнется?

Дори кивнул:

— Будет большое дело. Операция под кодовым названием... «Замок»?.. Нет — «Крепость»... Нет, вертится на языке... Цу... Ци... «Цитадель»! Вот!

— Ага, — пробурчал Эрнст.

— Ага, Эрнст, и больше — ничего? «Рейх» и «Мертвая голова» уже поехали. От вермахта — «Великая Германия», полно танков и артиллерии и прежде всего — реактивных установок... Есть еще закурить?

Эрнст кивнул, пошарил пальцами в мешке с бельем и дал Дори щепотку мелко нарезанного табака и папиросную бумажку.

— Раньше у тебя были настоящие сигареты, Эрнст!

— Раньше не было «Цитадели»! Сейчас пока еще есть время, чтобы свернуть цигарку. Если начнется, то будет некогда, будешь радоваться, что есть «настоящие», усёк?

Блондин тоже, чертыхаясь, скрутил себе цигарку и сразу заулыбался, увидев усилия Дори, который многочисленными плевками стремился склеить слишком толстую самокрутку.

— Дори, а когда все это начнется?

— В течение следующих двенадцати часов.

— А куда двинем?

— На Курск.

— И это будет «Цитадель»?

— Ну что ты, Эрнст, она будет гораздо больше, — Дори взял щепку и проковырял далеко одна от другой две ямки в сухой земле.

— Это — Харьков, — он указал на нижнюю точку, — мы где-то здесь. А вон та точка, наверху, — Орел. Пока ясно?

Эрнст и блондин посмотрели на точки и кивнули.

— Русский фронт проходит как-то так, — щепка описала по земле полукруг. — Это — балкон, выступ, который далеко выдается на запад севернее Харькова и южнее Орла, и на нем находится несколько русских армий. Если мы ударим на север, а от Орла — на юг, то встретимся вот здесь. — Он проковырял третью точку между двумя первыми в середине полукруга. — И это — Курск!

— Дуга фронта выровняется и одновременно...

— Кот окажется в мешке, — завершил фразу Блондина Эрнст.

Некоторое время они курили молча.

— И все это ты узнал от своего тянульщика проводов?

— Конечно. И кроме того, у меня есть собственные глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, и что...

— С какого времени ты что-то видишь и слышишь?

Дори пропустил колкость мимо ушей:

— В штабе дивизии как в муравейнике. Все совершенно секретно. А кроме того, нам везут маркитантские товары.

— Ну, тогда, я думаю, действительно...

Дори засмеялся и махнул рукой:

— Пропитание для великой битвы поступит уже сегодня вечером: баночное пиво, говяжья тушенка и сигареты.

Эрнст загасил свой окурок:

— А я хотел ехать в отпуск! — Он вытянул ногу, собачий хвост соскользнул с его сапога. — Ничего не выйдет! — и, обращаясь к собаке, заметил: — И для тебя, Комиссар, дело тоже дрянь. Надо тебе искать другого хозяина. Прежний отправится за фюрера, народ и фатерланд! Понял?

— До окончательной победы!

Никто не засмеялся. На деревенской дороге послышался треск мотоцикла. Блондин поднял голову и прислушался:

— Что, уже везут баночное пиво?

— Еще рано.

— Да и вряд ли на мотоцикле. Что на нем можно привезти? Разве только что-то для нас троих?

Ночью они отправились. Когда проезжали мимо последних хат, Эрнст достал из бельевой сумки краюху хлеба, отрезал толстый кусок и бросил его из машины. Раздался лай собаки.

— Поешь, Комиссар, набей себе еще разок полное брюхо, кто знает, когда тебе еще чего-нибудь дадут!

Блондин попробовал свернуть цигарку. Дори навис над рулем и всматривался в корму впереди идущей машины. Он ориентировался по белому тактическому знаку, нанесенному сзади на кузов. Если «наискось лежащий Дитрих»[1] виднелся ясно — ногу с газа, если исчезал — давить на всю железку, а если едва различался — дистанция была самой подходящей.

Все молчали. Это было ночью с 1 на 2 июля 1943 года.

[1] «Наискось лежащий Дитрих» — шутливое название тактического знака дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». — *Прим. пер.*

День первый

2 ИЮЛЯ 1943 ГОДА

Они ехали. Так было уже не в первый раз. И они знали куда. Они привыкли, и, несмотря на это, они ехали, и их сопровождало слабое чувство, это тупое давление в желудке, что-то среднее между голодом и дурнотой. И к тому же — сухость в горле, не дававшая насладиться сигаретой. И все же они курили и при этом смотрели на руки друг друга. Дрожат ли они точно так же у других, как и у тебя? Нет, не дрожат. И мои спокойны, по крайней мере, внешне. Потому что эта легкая дрожь, это нервное беспокойство чисто внутреннее. Это — вопрос без ответа, неопределенное ожидание и сомнительная надежда.

Они ехали и молчали. И все то, что касалось предстоящего дела, то, что относилось и ко всем предыдущим боям, не оставляло их. Когда начнется? В кого попадут? Как много будет потерь? Останусь ли я цел или меня ранят? Останусь инвалидом или умру? Как долго и как часто это будет продолжаться?

Блондин сидел в машине сзади. Можно сказать, он полулежал, опершись спиной о ранец, правая нога загнута вокруг уложенных на соседнем месте битком набитых бельевых мешков, а левая вытянута почти до сиденья водителя. Голова прислонена к задней стойке кузова. Машина шла по ухабистой дороге. А Блондин

прислушивался к неприятному ощущению в животе, к громкому стуку в груди. Он пытался анализировать. От чего это? Возбуждение? Нервозность или страх? «Трясутся поджилки — не что иное, как вполне обычный, дешевый страх. Глубоко дышать — медленно и глубоко». Воздух теплый сухой и пыльный — и лучше от него не становится. Неприятное ощущение в желудке и сердцебиение остаются, и зудящее беспокойство — до кончиков пальцев ног. «Несмотря на то что и раньше так бывало, до сих пор все проходило хорошо. Не будь лягушкой, мужик! Не хватало еще только наделать в штаны, как младенцу, или начать блевать. Блевелуя! Вот-вот! Так Эрнст называет такое состояние. Большая Блевелуя!» Блондин потянулся, и его мысли продолжали вращаться вокруг младенца и «блевелуи». Он незаметно покачал головой. «Нет, так далеко я не могу погружаться в воспоминания, но когда же я впервые испытал это проклятое чувство? В детском саду? В школе? В... Ясно, усатое загорелое лицо с кустистыми, сросшимися на переносице бровями, волосатое тело и громкий голос — преподаватель плавания». Тогда, когда он учился плавать, был первый раз, а потом перед каждым уроком плавания — все то же отвратительное чувство — «блевелуя». Было так плохо, что его тошнило, а облегчение не наступало! Неприятное чувство в желудке оставалось, и возбужденный стук в груди, и отсутствие понимания дома. «Трус!», «Трусливый зайчишка!» Он слышал это так, как будто это было сейчас. И он ничего с этим не мог поделать, в лучшем случае — утопиться. И это продолжалось до тех пор, пока не вмешался его дед. Блондин подтянул верхнюю губу к носу. Он снова увидел бассейн с раздельными душевыми для мужчин и женщин и шестью выровненными фаянсовыми раковинами для ополаскивания ног. В одной из них в теплой воде стоял он, трясясь всем телом, словно один сплошной комочек страха, и ждал гориллоподобного

учителя плавания. А потом произошло чудо! Вместо усача появилась молодая женщина в белом купальном костюме и рассмеялась над ним. Страх моментально как рукой сняло, и он поплыл как дельфин или почти как дельфин. Он снова увидел доброе лицо деда и услышал его тихую добрую похвалу: «Смотри-ка, как все замечательно получилось!»

Блондину захотелось поменять положение левой ноги. Толкнул коленкой противогазную коробку, а ногой попал во что-то мягкое, находившееся выше сиденья водителя. Дори вскрикнул:

— Ау! — и начал массировать себе шею.

Эрнст пробурчал:

— Дай поспать, Дори, и смотри получше за дорогой!

Блондин снова закрыл глаза и продолжил свои размышления под раскачивание машины. Фельдфебельский тип — преподаватель плавания — и дедушка поняли, почему и кого боится внук. С тех пор вода и плавание стали наслаждением. Да, а потом пришел вступительный экзамен, потом были работы по математике и зубной врач. И так было в течение всей учебы в школе. Особенно тяжело пришлось в дни перед отправкой на службу. Черт возьми! Что в ней такого! Как долго это уже здесь? Последний год в школе был самым хорошим. Учеба совершенно не донимала. Школа была лишь алиби, прикрытием внутреннего удовлетворения, отлыниванием от работ ради девушек и отговоркой для окружного военного командования. Первые были доступным настоящим, а второе было пугающим будущим, которое должно было начаться после подачи заявления о добровольном поступлении на службу и призыва. На самом деле и то и другое — не что иное, как мужское самоутверждение. Бегали все равно за чем — за юбками или за «Пройсенс

Глория»[1]. *Прекрасное время.* Блондин опять подтянул к носу верхнюю губу. — *Нет, глупое время, и даже по-свински глупое!* Угловатое, ничего не выражающее лицо фельдфебеля, который при ежедневных справках, естественно, за счет учебного времени, не мог выдавить из себя ничего иного, кроме вбитой ему муштрой в голову философской сентенции: «Терпение, господа, терпение. В армию еще никто не опаздывал!» Идиотская болтовня дряхлых недорослей! Никакого понятия о школьной программе! Ведь ясно сказано: поступление в армию, по возможности, до сдачи экзаменов, тогда можно будет избавить себя не только от страха перед экзаменами, но и от их результата, а учителей — от дополнительной работы! И что важнее в это великое время: зубрежка названий охраняемых законом растений или функции кишечника? Что главнее, герундий или умение читать карту? Пересказ текста по-английски или умение действовать в дозоре? Столько энергии потрачено бессмысленно! Танку в конечном счете все равно, знает ли экипаж латынь. Его необходимо уметь водить, стрелять и попадать! Да, школа и армия — совершенно два разных сапога, а вовсе не пара. И различаются точно так же с первого взгляда, как здание школы и казарма. А потом все же наступил решающий день. Фельдфебель снова пробубнил свою обычную поговорку и при этом улыбнулся — что было для него ново. А потом добавил: «Иди домой, парень, кто знает, сколько тебе там еще осталось быть!» Тупица! Куда нужно было тогда идти, если уже было время обеда и все были уже голодны!

Блондин помнил каждую мелочь. Была среда. На обед он заказал картофельные оладьи с яблочным муссом — его любимое блюдо в середине недели. Шел

[1] «Пройсенс Глория» — традиционный бравурный прусский военный марш. — *Прим. пер.*

дождь. Был ветреный осенний день. Он положил школьный портфель на голову и шел, перепрыгивая через лужи, и при этом насвистывал: «Вперед, вперед, труба зовет!» Да, а в дверях квартиры стояла мать. Она стояла какая-то беспомощная, бледная и постаревшая, а он не знал, почему. Когда он увидел серый почтовый конверт, одиноко лежавший на столе, он понял. Повестка!

Вот радости было! Он нетерпеливо распечатал конверт. В него был неправильно вложен листок бумаги — он был перевернут «вниз головой». На нем было всего несколько строк: его имя, адрес, дата и войсковая часть, «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Получилось! Наконец-то получилось! Да еще к тому же в часть, которая была предметом его мальчишеских мечтаний. Лейбштандарт! Что может быть выше! Только добровольцы, отборные солдаты, как минимум элитный полк, гвардия Третьего рейха! Дорогой мой, это было что-то! Но что случилось с родителями? Они что, не замечают его радости? Не видят, как ему хорошо?

Дед пробормотал:

— Берлин—Лихтерфельд, Финкенштайн—Аллее.

А потом сказал:

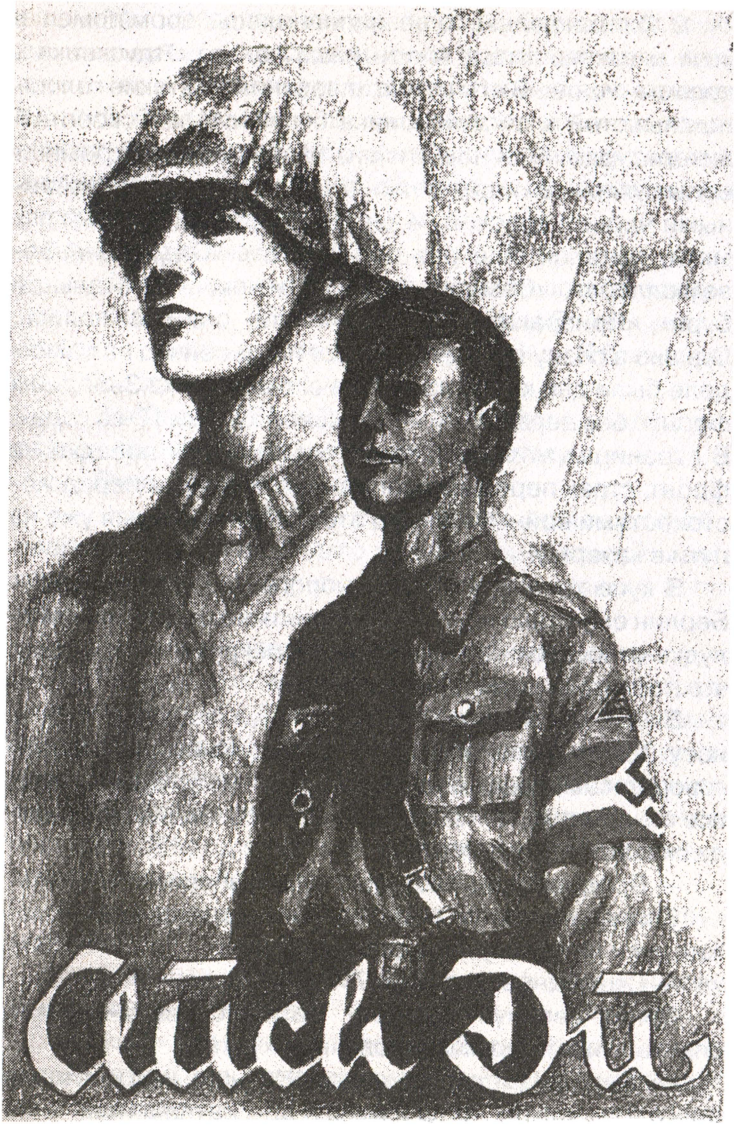
— Тебе нужно будет явиться туда, мой мальчик? Именно в Лейбштандарт и уже через восемь дней?

Когда он смеялся над своими предками, вдруг почувствовал это неприятное тянущее ощущение в желудке, имени которому не было, во всяком случае, в словаре немецкого парня. А потом случилось еще нечто, что его сначала удивило, а потом, постепенно усиливаясь, навело на размышления: насколько уменьшалась день ото дня его радость, настолько усиливалась вялость. Под конец это состояние стало просто невыносимым. А накануне дня отправления он вообще лежал с температурой. Поезд отправлялся в 11.09, с пересадкой в Лихтенфельзе.

Это похмельное прощание в грязно-сером помещении вокзала! Подавленное настроение. Отпускники с фронта. Их семьи. Пискляво-слезливые детские голоса. Сдавленный плач. Ожидание и незнание, как скоротать время. Наконец — платформа. Добрые советы: «Следи за собой, будь осторожен!» Принужденные улыбки: серьезные лица и судорожно растянутые уголки губ. Слезы, крики! Взмахи рукой, и вот вся родня становится все меньше и меньше. Потом — круговорот собственных мыслей. «Когда мы увидимся теперь снова? И увидимся ли вообще?»

В этот миг он понял, почему несколько дней кряду ходил, словно желудочный больной. Что-то безвозвратно прошло. А вместо этого к нему пришло что-то новое, из которого он мог представить себе только начало: то, о чем он слышал и читал, то, что можно назвать рекрутчиной. Достаточно плохое время.

Когда замок — достопримечательность его родного города — исчез из вида, он закурил сигарету и достал повестку из конверта. Он снова и снова вглядывался в название полка, и мысли его плясали в хороводе вокруг букв. *Я хотел туда, и я этим доволен! И теперь у меня получилось — великая «блевелуя»! Возьми себя в руки, старая квашня. Не у одного у тебя такое. У одного? Разве я один еду здесь с этим неопределенным чувством? Ведь у других тоже тянет желудок и стоит ком в горле.* Он знал, что перед учителями или перед зубным врачом бледнели даже самые крепкие из его друзей. Но после призыва? Он не мог вспомнить, чтобы читал об этом или слышал. О рекрутских временах — да. О бессмысленной казарменной тупой муштре на плацу, о феномене безотказной власти голоса обучающего, о его изобретательности в мучениях рекрутов, о его неиссякаемом запасе крепких выражений — да, но о тянущем чувстве в желудке, страхе?


Auch Du

В Лихтенфельзе купе наполнилось. Он забился в угол и закрыл лицо воротником пальто. Разгулялись воспоминания. В его комнате верхний ряд книжных полок высотой в рост человека был заставлен военной литературой. В основном это были книги в скромных серых льняных переплетах с заглавиями, напечатанными черной краской. И он перебирал их в своей памяти, пытался еще раз перелистать «Отделение Бёземюллера», «Семерку под Верденом», «В стальной буре», «Призраки у мертвеца» — так они назывались. Однако в созвучии с его настроением сейчас на самом деле были две книги из шкафа его деда: «На Западном фронте без перемен» и «В стальной купели 17-го года». В страницах этих книг сидел страх, страх поездки на фронт, страх перед крещением огнем, страх перед жестокостями войны. А у него этот страх появился уже на пути в казарму!

В купе третьего класса скорого поезда Мюнхен — Берлин ему стало ясно, что неприятные ощущения в желудке относятся не к призыву и к рекрутчине, а к тому, что последует затем, — к фронту!

Блондин выпрямился и подтянул верхнюю губу к носу. Так он делал всегда, когда задумывался и, как он говорил сам, когда обдумывал проблему. Эрнст видел все по-другому, не так сложно, зато более реально, когда сказал по этому поводу:

— Продолжаешь сходить с ума, Цыпленок?

Блондин вытянул ноги, наклонился вперед и положил руки на спинку переднего сиденья.

— Сколько мы уже едем?

Эрнст свернул сигарету, затем снова аккуратно спрятал кисет под маскировочную куртку.

— Долго, Цыпленок, долго. Но еще недостаточно долго. На, закури. Тогда и мысли другие появятся.

— Другие мысли? Почему? — Блондин глубоко затянулся.

— Мысли о чем-нибудь другом. Так всегда, смотришь в ночь — тогда мысли все время про ночь. Каждый сжался, сидит в кузове, смотрит, ничего не видя перед собой, и медленно сходит с ума. Но это не поможет. Ночь от этого светлее не станет, дорога не будет короче, а самочувствие не улучшится. И все равно ничего не изменить.

Дори ухмыльнулся:

— Тогда надо выйти из машины, положить каску в грязь, карабин — рядом и сказать: «Все! С меня хватит! Нет сил продолжать эту дерьмовую войну! Я больше не могу, Господи, помоги! Аминь!»

— Вот болван! Если бы твой Лютер был в «Лейбштандарте», то, по крайней мере, дал бы цитату!

— Смешное представление!

— Что, Цыпленок? — Эрнст прислонился спиной к дверце, чтобы можно было не так сильно поворачивать голову. — Что ты подразумеваешь под смешным представлением?

— Да чтобы Лютер служил в «Лейбштандарте».

— Ерунда! Это все идиотизм, Дори. У меня представление другое. Трясешься здесь с двумя задницами вроде вас, едешь через эту чертову ночь, и ведь никто даже рта не откроет! Ты, Цыпленок, сидишь сзади и потихоньку одуреваешь. А Дори все мои усилия пускает насмарку. Я вот думаю, как Адольф с такими слабаками хочет выиграть «Цитадель»? Ведь все рухнет!

Блондин хотел улыбнуться, но опять притянул губу к носу:

— Хочу вам рассказать, что мне пришло в голову. Я размышлял о страхе.

— Отлично! Ну, что я говорил, Дори? Сидит целыми часами в машине, предается мыслям, ничего не делает, молчит, но думает! Ты слышал, Дори? Наш Цыпа думает! И от этого ему становится по-настоящему тяжело. — Эрнст обычно говорил на диалекте, а эту фразу сказал

на литературном немецком: — Он, видите ли, пытается разрешить проблему человеческого страха!

— Нет, Эрнст. У него ничего не выйдет! Он еще не «старик». Лишь заслуженные бойцы имеют необходимый опыт в том, как можно наложить в штаны.

— Дори, а они у тебя уже полные?

— Уже почти, Цыпленок. Жду только, когда поедем побыстрее, тогда будет не так вонять.

Все рассмеялись.

Блондин положил руку на плечо Дори:

— Скажи только честно: у тебя тоже тянет желудок?

— Тянет? Ты что думаешь, одного тебя мутит со страха? Эрнст прав, Цыпленок. Так всегда. Сначала ты почти готов навалить в штаны, зато потом, когда вся эта чепуха позади, чувствуешь себя героем. Может быть, получишь орден и даже сам поверишь...

— И в отпуске на родине будешь разыгрывать твердого, как сталь фронтовика, и подваливать к бабам, — ухмыльнулся Эрнст и устало махнул рукой в воздухе: — Чаще всего они откликаются на желание.

— Ну, сейчас-то тебе, наверное, и не хочется прижать какую-нибудь?

— Н-да... — задумчиво протянул Эрнст. — Не теряй сил, и тогда Ла-Яна будет знать, что с тобой делать.

Они снова расхохотались.

— Ну вот, стало получше.

— Естественно, Дори, ведь тебе всегда становится лучше, когда речь заходит о бабах.

— Ты не понял, Эрнст, — Дори вяло отмахнулся. — Я хотел сказать, что всем нам стало лучше. Мы разговариваем друг с другом, рассказываем дурацкие анекдоты, подкалываем друг друга. Понятно, о чем я говорю? Обмануть самого себя, чтобы отвлечься от дум. Размышления — это полная бессмыслица. Размышления и военная служба — несовместимы. Кто может или даже должен думать — самый несчастный человек. На службе

всегда за тебя думают другие. А тебе остается только делать то, что они придумали. Сверни-ка, Эрнст, мне еще одну. Хочу я вам рассказать историю, что-то вроде военной философии.

Мой инструктор в Лихтерфельде был высшим проявлением лейб-гвардейца. Как говорится: «В частной жизни — я приятный человек и только на службе — свинья. Но я всегда на службе!» Этот эксперт в области муштры потом, когда я вез его домой в отпуск из Белгорода в Харьков, рассказывал мне, за что он ценит акробатику на казарменном плацу. В центре его рассуждений причудливым образом оказался индивидуум. Только представьте себе: «ЛАГ» и личность! Смеетесь? Я тогда чуть не поперхнулся. Но слушайте дальше, как он рассуждал: «Посмотри-ка, однажды ты окажешься там и познакомишься с казарменным двором. Нос твой будет лежать в грязи, и ты чешешься, словно обожженная солнцем собака. Выжатый как лимон, пустой, рассчитавшийся с миром и с Богом. А потом сквозь грязь и пот ты видишь пару начищенных сапог и слышишь проклятый голос, и этот голос бьет тебя сильнее, чем пинок в задницу: «Ну, вы, герои. Вы, гордость нации! Разве я что-нибудь говорил про отдых?» И ты хочешь вцепиться этому в начищенных сапогах в глотку, набить ему морду, а с тобой и твои друзья, которые видят сапоги только снизу. И ты видишь — это первый номер! Ты и твои товарищи слились воедино в бессильном бешенстве по отношению к сапогам и голосу. Вы, бедные казарменные дворовые свиньи, становитесь единым целым в поту, проклятиях, ненависти и молитвах. Всё, что было раньше, — стерто. Воспитание, образование, богатство или бедность, жир и худощавость, ум и глупость».

Дори прервал рассказ и поправился:

— Нет, жир — это неправильно. В любом случае жирных в «ЛАГе» я еще не видел. «Сапоги и голос, что они хотят, то вы и делаете: не раздумывая, без причины, без понимания. Ваши действия — автоматические, все про-

исходит независимо от вашего желания, вопреки вашей воле, до тех пор, пока вы еще можете дышать. Вы не думаете — вы повинуетесь! Вашего прежнего «я» уже нет. Чем меньше вы думаете о прошлом, о цивилизации, о гуманистических идеалах, тем меньше вас придется переучивать для автоматического действия, инстинктивного рефлекса, непоколебимой тупости — тем больше ваш шанс выжить!»

Блондин невольно кивнул головой и притянул верхнюю губу к носу:

— Обратно к неандертальцу!

Дори утвердительно поднял кверху указательный палец и показал вперед, где «Дитрих» вдруг ярко засветился белым цветом.

— За ним я еду уже несколько часов. А это можно делать только от тупости, при полном духовном одурении!

— Дори, а что еще рассказывал этот казарменный педагог?

— А, ну да... Когда я его упрекнул в том, что, несмотря на весь глубокий психологический смысл, у одного из акробатов с казарменного двора неожиданно наступит момент просветления и он вмажет в спину начищенным сапогам в горячке боя, по невнимательности, конечно, или из-за того, что, может быть, просто перепутал направление стрельбы. Тогда он просто усмехнулся и сказал: «А ты попытался сделать такое со мной?» Я отрицательно покрутил головой. А он продолжал: «Видишь ли, в бою мы все вместе. Впрочем, это хорошее положение, что обучаемые со своим любимым пастухом вместе идут на фронт. А что происходит там? Вы словно стадо овец будете держаться неотрывно от меня. Там, где я сморкнусь, если начнется стрельба, тут и вы захотите быть со мной в приятном обществе. Если вы будете в наступлении ползти на получетвереньках, — я буду посмеиваться над вами. А когда ударит артиллерия и вы сожмете свои задницы — расскажу вам анекдот и поддержу вас мораль-

но. Я научил вас всем трюкам, и только случаю я не смогу противостоять — из равнодушия. Вот так постепенно от ненависти рекрутов к своему инструктору не останется и следа. Останутся только фронтовые свиньи — один старый кабан и молодые — но свиньи. Грязь сделает всех равными. И может быть, кто-нибудь будет мне благодарен за то, что в Лихтерфельде я ему разорвал задницу.

— Трогательно. Можно умереть со смеху. Философ в «ЛАГе»!

— Ты его тоже знаешь, Эрнст.

— Я? Его знаю?

— Конечно. Я рассказывал о Хансе, нашем командире отделения.

— Черт побери! Теперь до меня дошло! Я всегда думал, что он почти нормальный!

— Нормальный? Ты говоришь загадками. Быть нормальным на войне? Скажи-ка, Эрнст, ты тоже хотя бы раз был инструктором, а?

— Да, в батальоне охраны. Там муштра круче, чем где бы то ни было. И это делал я, Дори. Но только так называемую строевую подготовку. Щелчки прикладами, торжественный марш, выполнение команды «Смирно!», прохождение пошереножно, первые идут, остальные — на месте. И прочая совершенно бессмысленная чепуха. Где муштра по-настоящему необходима — так это при боевой подготовке, а про нее у нас часто забывают. Парад почетного караула Адольфа, как прежде в Потсдаме, — высокие парни идут единообразно, словно рота роботов — такие же глупые, как и длинные. А потом их сразу на фронт! Они же перегретые! Бессмысленно перегретые. Кроме того, на местности этого парня также легко прикончить, как и на казарменном плацу. И только в перестрелке с пулеметом он чему-нибудь научится. А в прохождении торжественным маршем — ничему! Чтобы вернуться к началу разговора, Дори, интеллект — как ты сказал, умение думать — и военная служба — две вещи несовместимые,

да? А теперь скажи мне, что мы сейчас делаем? Мы думаем! Думаем! Из нас что, совсем выбили умение думать? И вовсе нет! Иначе наш разговор был бы невозможен.

Эрнст пошарил под своим сиденьем, что-то довольно пробурчал себе под нос и положил плотно набитую бельевую сумку на колени перед собой.

— А что это будет?

— Ничего особенного. Кто-нибудь хочет хлеба с тушенкой?

Колонна остановилась. Дори потянулся и обратился к Эрнсту:

— Иди посмотри, что там случилось?

— Кто у нас водитель, ты или я? — ответил тот недовольно, однако вылез из машины и исчез в темноте.

— Он что-то сказал про тушенку, Цыпленок?

Блондин кивнул.

— Тогда давай сюда!

— Значит, поэтому ты и отправил Эрнста? Дори, если мы сейчас откроем банку, то он восемь дней не даст нам ничего для перекуса!

— Ты прав, Цыпленок! Сиди здесь, а я тоже пойду подышу немного свежим воздухом.

Было жарко и душно. Пахло пылью и бензином. Слева сверкнуло! Негромкие голоса, шум моторов, лязг танковых гусениц.

Эрнст вернулся, он был весь потный, бросил кепи на сиденье.

— А, чертова жара!

Блондин тоже вдруг почувствовал, какая стоит духота, и расстегнул рубашку под маскировочной курткой. При этом он дотронулся до талисмана, который носил на шее на тонкой цепочке. «Счастливый пфенниг» дала ему сероглазая блондинка, а припаянный поверх него православный крестик — старый казак. Было ранение и отпуск на родину (он снова насупился), платформа, она ему не помахала, а он судорожно сжал правой рукой ста-

Ханс и Эрнст. Июль 1943 г.

рый пфенниг. В 11.09 — пересадка в Лихтенфельзе. Воспоминания. И снова проклятое ощущение в желудке.

— Мечтаешь? — Эрнст протянул Блондину кусок хлеба, покрытый толстым слоем тушенки. — Впереди поперек дороги перевернулась «восемь-восемь»[1]. Сейчас ее оттащат танком, и сразу поедем дальше.

Молния сверкнула ближе. Блондин считал про себя: «Двадцать один, двадцать два, ...три, ...четыре...» — гроза была еще далеко, и донесся лишь приглушенный раскат грома.

— Если сейчас пройдет гроза средней силы, то вам придется толкать! — Дори сел на место водителя и повел машину вперед.

Снова сверкнула молния. Колонну на секунду осветило как днем. Лязг гусениц стал громче и смешался с раскатами грома. На ветровое стекло упали первые капли дождя.

— Что это за смешные танки, Эрнст?

— Не знаю, во всяком случае, они — не русские!

Дори чертыхнулся и наклонился вперед.

— Чертовы дворники! Кто-то из вас мог бы спокойно вылезти и протереть стекло, времени было достаточно. Но нет же, надо было жрать толстенные бутерброды, а я...

Снова сверкнула молния. Блондин увидел танки.

— Эрнст, ты видел их сейчас? Дори, что это за коробки?

— «Пантеры»! Новое секретное оружие. Должны быть настолько хорошие, что и гренадеров к ним не надо!

— А зачем же мы тогда едем с ними?

— Как статисты, Эрнст, праздные наблюдатели! — засмеялся Дори.

— Наблюдатели? — удивленно покачал головой Эрнст и защелкал языком.

---

[1] «Восемь-восемь» — так немецкие солдаты называли 88-мм зенитную пушку, которая часто применялась также в качестве эффективного противотанкового средства. — *Прим. пер.*

— «Пантеры» сделают все сами. А мы будем только ликовать. А тебя, Эрнст, произведут в обер-ликователи!

Все замолчали.

— Танки должны были идти вперед первыми.

— Как обычно, — проворчал Эрнст, — когда тихо, то они прут вперед как сумасшедшие, а как только грохнет, так сразу же остаются позади с «повреждением гусениц».

По ветровому стеклу хлынули потоки воды.

— Льет, как во времена Ноя. Только он был в ковчеге, а мы — нет.

Эрнст намазал по второму бутерброду. Дори ел. Его щеки надулись, как у играющего на трубе. Блондин боролся с собой. Он бы съел еще, но подумал, что лучше отказаться.

— Больше не хочешь, Цыпленок?

— Да можно было бы еще, Эрнст, но мы за одну ночь сожрем весь доппаек на большой бой. А на завтрак будет лишь кусок хлеба с большим пальцем сверху.

Эрнст удивился настолько, что насаженный на его баварский нож большой кусок тушенки застыл в нескольких сантиметрах от широко открытого рта.

— Что ты сказал? Сожрать весь боевой доппаек, а утром только сухой хлеб? Бредишь или шутишь?

Мясо исчезло за его зубами. Диалект сменился подчеркнуто-поучительным литературным немецким:

— Вооо-первых, в бельевом мешке — еще пять банок тушенки. Вооо-вторых, бутылка водки для рабочих дней и две бутылки «Хеннеси» для праздника победы в Курске. В-третьих, у меня — еще один бельевой мешок. А он тоже полный, и в-четвертых: возьми сейчас свой хлеб или ты можешь, в-пятых...

Блондин рассмеялся, а Дори чуть не съехал с сиденья. Это — Эрнст, организаторский талант, гений, единственный в своем роде, непревзойденный и известный во всем батальоне. Если какому-нибудь среднеодарен-

ному организатору удавалось раздобыть в какой-нибудь богом забытой деревне мешок картошки и, может быть, еще сала, то Эрнст приносил еще и соль, а также необходимую для настоящей жареной картошки сковороду. Блондин продолжал смеяться. Эрнст вовсе не красавец — коренастый, с короткой шеей, слишком полным лицом, с копной непослушных волос, доставивших ему много неприятностей в бытность рекрутом. Он был родом из Мюнхена, точнее, из Зендлинга, расположенного неподалеку от примыкающего Шмида. Профессия? Школьник. Имеющий аттестат зрелости в «ЛАГе» считался не имеющим профессии. Немного ворчливый и неразговорчивый, неслыханный соня, зато обладающий быстрой реакцией и находчивостью, если надо было что-то «организовать». Его коньком (он называл это «бзигом») была классическая философия. Некая смесь размышлений, наплевательства, обжорства и чутья.

Во время харьковской операции он как-то раз вез боеприпасы для танков. Типичная для него задача, потому что никто не знал, где застряли танки. Блондина он взял с собой, как он выразился, для того, чтобы ночь не казалась слишком длинной. Задание выполнить им удалось, и танкисты угостили их водкой и сигаретами. Шнапс привел Эрнста в состояние необыкновенного возбуждения, потому что на обратном пути он без особой причины вдруг свернул, а на вопрос Блондина улыбнулся и ответил:

— Хочу еще достать водки!

И действительно, после нескольких поворотов они подъехали к старому винокуренному заводу. В здании было тепло. Ледяной восточный ветер не чувствовался, и водку они тоже нашли. После того как «согрелись изнутри», они аккуратно погрузили водку в машину, поехали дальше. Проехали конюшни. Эрнст остановил машину и вылез из нее со словами:

— Пусть мотор работает. Время от времени нажимай на газ.

Через некоторое время, показавшееся Блондину вечностью, он вернулся с корзиной в руках.

— Поставь ее осторожно, Цыпленок, чтобы ничего не разбить.

На удивленный вопрос, что у него в этой дурацкой корзине, Эрнст язвительно ухмыльнулся и, наконец, пробормотал:

— Яйца, Цыпленок. Я не люблю чистую водку. Это просто свинское пойло. Но вот в виде яичного ликера...

Наконец они все же заблудились. Встречая каждый новый след машины на дороге, Эрнст подбрасывал одномарковую монету. Орел был налево, а решка — направо. Все никак не рассветало. Но потом пришел этому конец, хотя, правду говоря, конца не было. Они увидели деревню и остановившиеся машины. Вокруг них стояло несколько фигур в белой маскировочной одежде, как и у них самих. Эрнст развернул машину и поставил ее почти в противоположном направлении стоявшим. Блондин из осторожности приготовил автомат, открыл окно и спросил одного из снеговиков, из какой он части. Ответа он не понял, потому что ответили по-русски! Испугавшись, он сразу упал назад на сиденье и чуть не выронил свой автомат. Но не из-за русских, а из-за того, что Эрнст резко дал полный газ. Сразу после этого послышалась стрельба. Эрнст снова язвительно ухмыльнулся:

— Брось им пару яиц вместо лимонок!

Они уже мчались по ночной дороге. Эрнст даже забыл про свой фокус с монетой:

— Поедем, ориентируясь по моему носу.

Когда стало светло, они приехали к своим. А на вопрос командира мюнхенец только пробормотал:

— Отлично съездили!

Это было зимой. А сейчас стояла духота, а дождь лил словно из брандспойта. Дорога стала похожей на скользкую сырую, наполненную паром прачечную.

— Эрнст, а где ты получил жратву?

Эрнст сглотнул, проурчал и не захотел даже открыть рта, по крайней мере, для того, чтобы говорить.

— Не подавись, Эрнст. — Дори указал пальцем на пачку «Юно»: — Наш Цыпленок просто хочет знать, где ты все это «организовал»?

— Где? В маркитантской лавке.

— А где была лавка, Дори, ты видел?

— Нет.

— А я — да!

Они рассмеялись. Эрнст отмахнулся от них рукой и продолжал намазывать бутерброды. Гроза перешла в умеренный дождь. Дорога стала скользкой, словно мокрое мыло, и Дори надо было усилить внимание. Несмотря на это, он продолжал рулить только одной рукой, так как другая была занята бутербродом. Блондину был виден его профиль, тонкий, продолговатый, со слегка крючковатым нордическим аристократическим носом. Слабо различалась узкая рука с тонкими пальцами и указательный палец, придерживавший кусок мяса. Блондин зажег сигарету, улыбнулся, увидев засаленный воротник рубашки Дори, отклонился назад и попытался вытянуть ноги.

Дори из Гамбурга, сухопарый блондин с водянистыми глазами, происходил из хорошего ганзейского дома, однако был неопрятным и всегда испачканным маслом. Он был чем-то вроде ротного замарашки. Эрнст считал, что Дори в его отгороженном от дурных запахов родительском доме обстирывала прачка, поэтому он сам и знать не мог, как самому за собой ухаживать. Кроме того, от природы он был ленив, даже до вонючести ленив. Во время рекрутской подготовки Дори, естественно, постоянно попадало, а вместе с ним и всем, кто жил с ним в одном помещении. Поэтому на него часто снисходил святой дух, не в форме сильных ударов, а в виде щетки и большого количества воды. Дори приходилось стирать, не слишком аккуратно, но основательно. Но в

дивизии все пошло по-другому. Он покрылся толстым слоем моторного масла, солидола и грязи. И святой дух вынужден был сдаться. Впрочем, слово «отпуск» было для Дори иностранным. Отходили они для отдыха или их снимали с фронта, тогда Дори пропадал на несколько дней для генеральной чистки, однако потом появлялся опять такой же грязный, каким и уезжал. Таким образом, он годами так и оставался сидеть в своих роттенфюрерских петлицах на прежнем месте водителя. Однако водить он умел всё — от мотоцикла до танка, если, конечно, хотел. А если не хотел, то всегда где-то происходила поломка, и до сих пор это всегда означало, что он избегал особо больших неприятностей. Если где-нибудь в грязи застревала машина, а возившиеся с ней водитель и техник роты были близки к отчаянию, Дори, гордо выступая, появлялся, как бы случайно, перед ними, в резиновых сапогах и слишком широких, зато удобных танкистских брюках, в замасленном маскировочном кепи на аристократической голове, попыхивая сигаретой в углу рта, и, невинно улыбаясь, давал свой комментарий. Само собой разумеется, в ответ он всегда слышал ругань с требованием заткнуться, идти своей дорогой или сделать что-нибудь лучше. И тогда он делал лучше и получал обязательное вознаграждение от туповатых крестьянских парней. Техник роты был личным другом Дори. И стало уже обычным делом, что, несмотря на то что последнее слово и право всегда оставалось за начальником, в их отношениях все происходило наоборот. Техник роты реагировал на это раздраженно, а Дори — снисходительно.

То, что произошло однажды на снежном поле, было типичным случаем. Дори застрял в снежном заносе. Естественно, техник знал, что выбранный Дори проезд был единственно неправильным. Разразилась гроза, как в лучшие времена казарменного плаца в Лихтерфельде. Был отдан приказ: «Отбуксировать и искать лучшую до-

рогу!» А что сделал Дори? Он ухмыльнулся, закурил новую сигарету, сел в машину и поехал — прямо по снежному полю! И проехал! Техник роты зашелся в припадке кашля и чуть не задохнулся от доклада Дори: «Я же знал, что проеду. Вот начал только неправильно».

Когда к технику вернулся дар речи, он проворчал:

— Приведите себя в порядок! Я переведу вас в качестве переносчика минометных плит в минометный взвод!

На что Дори с улыбкой ответил:

— Слушаюсь, обершарфюрер! — А потом поехал дальше, и вся колонна — за ним.

Снова остановились. Дождь стал реже. На горизонте появилась полоса голубого неба.

— Который час?

Блондин посмотрел на наручные часы:

— Третий.

Эрнст принюхался и показал на восток:

— Сейчас станет светло. В свинской стране все по-другому. Даже ночи у иванов необычные.

— Почему снова остановились?

— Слышишь — танки?

Они прислонились к машине, закурили и стали смотреть на подъезжающие танки. Гусеницы лязгали, и из-под них из дорожной колеи вылетали брызги жидкой глины.

— Отойди, а то душем окатит.

Дори укрылся на своем сиденье и улыбнулся своему соседу:

— Что, боишься воды, Эрнст?

Эрнст пробормотал что-то про Лихтерфельде и про то, кого там надо было вычистить, и кивнул головой, намекая, что Дори и вода — две вещи несовместимые.

Проходили «Тигры». Экипажи сидели на башнях. В нижних рубашках, некоторые — с голым торсом. Со своеобразным загаром — все белые, кроме лиц и рук по

Пауль и Йонг, июль 1943 г.

локоть. Стальные коробки двигались медленно. Под гусеницами замешивалась густая каша, а из-под них разбрызгивалась черно-коричневая жижа.

— Это не наши.

— Нет, смотрите! — крикнул Дори и взволнованно показал на танк, из выхлопной трубы которого на метр вырывалось пламя. — Что с ним?

— Задница у него горит. — Эрнст продолжал жевать со спокойной душой.

«Пантера» остановилась, ее экипаж попрыгал в глинистые лужи. Один из танкистов забежал к корме и начал ругаться. Длинный как жердь унтершарфюрер заговорил с танкистом. Дори выскочил из машины, подбежал к танку, оценил обстановку, показал головой и подвел длинного унтершарфюрера к своей машине. Когда унтершарфюрер увидел закусывающего Эрнста, то рассмеялся. Тот протянул ему бутерброд с толстым куском ветчины. Унтершарфюрер взял его, поблагодарив на ломаном русском: «Спасива!» Потом он кивнул в сторону танка:

— С коробками ничего не получится. Командир мне только что сказал, что мы потеряли уже одну треть из-за поломок.

Эрнст проглотил кусок и проворчал:

— И это без единого ивана!

Ханс, их командир отделения, сказал:

— Но выглядят хорошо: низкие, быстрые, с отличной пушкой, но не доведенные. Они получены прямиком из Графенвёра, с какого-то полигона в Баварии, и им не хватило несколько недель, чтобы их улучшили. Были протесты, и их приняли к сведению, только изменить уже было ничего нельзя. А теперь, когда все начнется, когда с новым оружием понадобится решать исход войны, эти коробки еще при выдвижении выходят из строя, дымят, выплевывают огонь из выхлопной трубы, как будто бы у них ракета в заднице. — Танкист рассказал еще,

что два танка по пути загорелись. — Представьте себе, было так, как будто по корме ударил пулемет или у твоей машины, Дори, осталась только задняя передача.

— А я ничего не имею против, Ханс.

— Я думаю то же, но шутки в сторону. На Курск должны тащиться несколько сотен таких чудо-танков!

— Пятьдесят.

— Что, Эрнст? Ну да. А выстрелить смогут в лучшем случае пятьдесят.

— Ханс, ты когда-нибудь видел такое массирование танков?

— Нет, Дори, на этот раз, наверное, будет очень большое дело. Можете сами посчитать на пальцах. «Рейх», «Мертвые головы» и мы — это уже более трехсот танков и сто штурмовых орудий. Если к этому добавить «Великую Германию», а я еще видел 3-ю и 11-ю танковые дивизии, то, я думаю, речь может идти о семистах-восьмистах танках.

— Да, а еще слева и справа от нас еще какие-нибудь, ведь не повиснем же мы в воздухе?

Ханс сворачивал себе сигарету. Он делал это совершенно особенным способом — одной рукой. Дори, Эрнст и Блондин внимательно следили за ним, пока сигарета не задымилась в уголке его рта.

— Внимание!

— Черт возьми! Ты этому во Франции научился?

Долговязый рассмеялся:

— А где еще! Ну, на чем мы остановились? На танках и не повиснем ли мы в воздухе. Я смотрю на дело так: три дивизии войск СС и «ВГ» словно клин ударят по ивану. Пробьют дыру, понимаете? Мы должны будем открыть дверь, а потом гнать на север на всем, у чего есть колеса и что достаточно быстро ездит. Остальные будут прикрывать наши фланги. А когда у нас будет Обоянь — дрянное местечко, вроде ключевой позиции, — значит, мы свою задачу выполнили и...

— И чем дальше мы будем пробиваться, тем длиннее у нас будут наши фланги.

— Правильно, Дори.

— А если их не удержат?

— Тогда нам зайдут в задницу.

— Вот то-то и оно. А это — действительно проблема. — Ханс, поблагодарив кивком, взял у Эрнста второй бутерброд с ветчиной. — Слишком много шума, слишком много танков, на которые сделана ставка, полно артиллерии и реактивных установок. Размах мощнее, чем в начале русской кампании. Не хватает только, чтобы примешались воздушные кучера Германа. После зимы они достаточно выспались.

— С каких пор ты перестал замечать черное, Ханс?

Ханс отрицательно покачал головой:

— Чепуха! Все поставлено на танки! Если наши верховные стратеги исходят из того, что новое чудо-оружие решит это сражение, то будьте здоровы!

Ранним утром ночная духота совершенно не убавилась. После грозы остались только лужи, но никакой свежести. Было жарко и душно. Машины стояли бесконечными колоннами. Справа тянулись «Тигры» и штурмовые орудия, слева — реактивные установки. Из головы колонны подъехал на мотоцикле посыльный с криком:

— По машинам!

Ханс поправил свою высоко задравшуюся маскировочную куртку.

— Эрнст, у тебя еще есть консервы? — Эрнст кивнул. — Тогда, по крайней мере, гарантировано питание. Пока.

Они поехали мимо остановившихся танков. Экипажи стояли возле своих боевых машин и курили. Блондин не сдержался и крикнул:

— Для вас, наверное, война уже закончилась?

Они отмахнулись, а один из танкистов ответил:

— С этим-то металлоломом? Дерьмо! — И показал на свою стальную коробку.

Марш пошел быстрее и приблизился к привычному темпу. Блондин следил за движениями тел товарищей, сидевших впереди. Они клевали носом, сползали вправо, пытались выровняться, но при этом сразу кренились влево, потом резко вздрагивали и на некоторое время замирали прямо, потом нос клевал снова, и голова утыкалась в лобовое стекло. Эрнст недовольно заворчал, потер ушибленный лоб, сел поглубже в сиденье, так, что колени уперлись в лобовое стекло, положил голову на спинку сиденья и подпер ее правой рукой. Дори подмигнул Блондину, указывая головой на своего спящего соседа:

— До еды язык свисал, а поевши — он устал. Давай поспи и ты, Цыпленок.

Блондин поудобнее прислонился спиной и надвинул кепи на глаза.

Цыпленок — так звали его «старики», а молодежь, естественно, вторила им. Цыпленок — потому что он младше по возрасту и по званию. А со своим ростом метр восемьдесят шесть он еще и самый маленький. При этом он не чувствует себя ни слишком молодым, ни слишком маленьким, а кличку ненавидел, как чуму! Но что делать? Если они заметят, что она его раздражает, будут дразнить еще больше. Их, «стариков», всего трое: Длинный Ханс — их командир отделения, Дори и Эрнст. Остальные — Вальтер, Петер и Куно, Йонг, Пауль и Зепп, Ханнес, Уни и Камбала — все «цыплята», «подрост», «эрзац», «овощи», или, как их называли в Лихтерфельде, «детвора» и «отходы»!

А Ханс? Он воздерживался от какой-либо точки зрения. Для него гибель «ЛАГа» началась уже тогда, когда он занимался подготовкой призыва Дори и Эрнста. Блондин улыбнулся. Для Длинного в зачет шла только служба в мирное время! А что было потом, он просто не при-

«Длинные бедные собаки»

нимал всерьез. Исключение составляла, быть может, группа, которой пытались привить основные солдатские навыки в батальоне охраны. Службист? В общем-то, нет. Он просто придерживался своего взгляда, и, если здраво рассуждать, он был даже прав, так как немногие «Цыплята» могли выполнить требования службы мирного времени. Но шла война, а для нее годились и второй,

и третий гарнитуры. Главное — чтобы был гвардейский рост, а те, кто не хотел лучшего, пришли добровольно. И этого твердо придерживались. Это была традиция, и в этом было виновато название: «ЛАГ» — «Лейбштандарт Адольф Гитлер», или «Длинные бедные собаки»[1]!

Блондин не мог уснуть. Он очень устал, но пребывал в состоянии между сном и бодрствованием, между воспоминаниями и настоящим. Было так, как будто он смотрел кино, сцена сменяла сцену, без переходов, в разных ракурсах и освещении. Один раз резкие и отчетливые, а затем опять размыто-схематичные, а между ними — лица и карикатуры. Товарищи, как они смеются, и как они выглядят, как умирают, голоса, обрывки слов, крики и музыка — полифоническая, ясная мелодия и сильный резкий женский голос... «Я знаю, чудо случится...» С большим трудом он пришел в себя. Он вспотел, и ему не хватало воздуха. Стояла удушающая жара. Солнце палило вовсю.

Дори с голым торсом лежал на сиденье рядом с водителем и спал. Машину вел Эрнст.

— Эрнст, где мы?

— Спроси у генерала, Цыпленок. Он, может быть, знает.

Они ехали дальше, обливаясь потом. Останавливались, ругались, ехали, останавливались, ехали. Вечером рота остановилась в редколесье.

— Вылезай!

Эрнст уже стоял на дороге, уперев руки в бока, выгнув спину, выпятив живот вперед, и зевал.

— На сегодня хватит!

Дори свесился телом через открытый кожух радиатора. Блондин оглядывал местность, а когда не увидел ничего примечательного, спросил:

— А где устроим пикник?

---

[1] Перевод с немецкого Leibstandarte Adolf Hitler = LAH = Lange Arme Hunde. — *Прим. пер.*

Йонг

Ханнес

Эрнст хотел ответить, но тут откуда-то из головы колонны закричали: «Канистры для бензи-и-ина!»

— Началось, — ругнулся Эрнст и, обращаясь к Дори, сказал: — Мы принесем канистры.

Они пошли, встретили Вальтера и Петера, Пауля и Йонга и всегда немножко грустного, угрюмого Куно. Он вдруг остановился.

— Что случилось, Куно?

— Я жду Камбалу.

Блондин рассмеялся: Куно и Камбала — сын горца-крестьянина и берлинский ветрогон. Два спорщика, два непримиримых противоречия. Два друга.

Они встали в длинную очередь у бензозаправщика. Техник ругался на лучшем казарменном жаргоне, хотя сам никогда не тренировал парадный марш на асфаль-

товой аллее за казармами в Лихтерфельде. Дори даже заметил как-то, что техник был единственный, кто без маршевой аллеи овладел ее жаргоном, однако Дори при этом не был непредвзятым человеком.

Пауль и Йонг стояли спиной к бензозаправщику. Вальтер пошутил над ними по этому поводу. Пауль в ответ отмахнулся:

— Если мы этого парня вынуждены слушать, то уж, по крайней мере, можем его не видеть.

К сожалению, раздача бензина проходила не слишком просто: приходилось подавать канистры наверх, ждать, когда их наполнят, а потом принимать внизу. Все было бы гораздо проще, если бы не было техника. Он придирался к каждому, орал на всю округу, постоянно повторяясь, шипел как змея: «Быстрее! Вы, дерьмо!» И поскольку ему казалось, что все идет не так быстро, его ругань еще больше затягивала процесс. Вдруг он замолчал. Лицо его расплылось в похотливой улыбке. Глаза, до сих пор по-солдатски прищуренные, округлились, как два бильярдных шара, грудь потянула воздух, словно мехи, и при этом издевательски-эластично он приподнялся на цыпочки, напряженно всматриваясь в субъекта, который медленно и неуважительно приближался к нему шаркающей походочкой. Голый торс, замызганные маслом танкистские брюки, обе руки глубоко погребены в карманах, и неизменный окурок в углу улыбающихся губ: Дори — роттенфюрер Винфрид Доренвенд.

— Что сейчас будет! — Эрнст отставил канистру в сторону и толкнул локтем Блондина: — Давай отсюда, Цыпленок! Отнесешь канистру к машине, а потом мухой обратно!

Уходя, Блондин слышал позади громовые крики. Техник роты попытался унизить Дори до размеров садового гнома. А когда Блондин прибежал назад, то техник уже медленно испускал дух. Хотя Дори стоял «руки

по швам», но его поведение, и прежде всего выражение лица, которым он владел мастерски, и его подобострастные «Так точно!», «Слушаюсь!» были карикатурой, пародией на солдата, и после того, как техник в конце своей канонады отчаянно прохрипел:

— И что вам, засранцу, здесь надо? Вам, мешку с дерьмом? — последовал неожиданный ответ:

— Командир роты послал спросить, не в отпуске ли вы, обершарфюрер!

— Что-о-о? Ка-а-ак? Отпуск! Вы... — И тут началось перечисление характеристик личности, на которые была так богата его фантазия.

— Или, — прокартавил Дори, — когда наконец рота получит канистры?

Техник посмотрел на ухмыляющихся разносчиков бензина.

— Вы еще здесь? Вы, сонные мухи!

А когда увидел Блондина, стоящего без канистр, заорал на него:

— А вы, корова неуклюжая, схватили две канистры и бегом отсюда к чертовой матери!

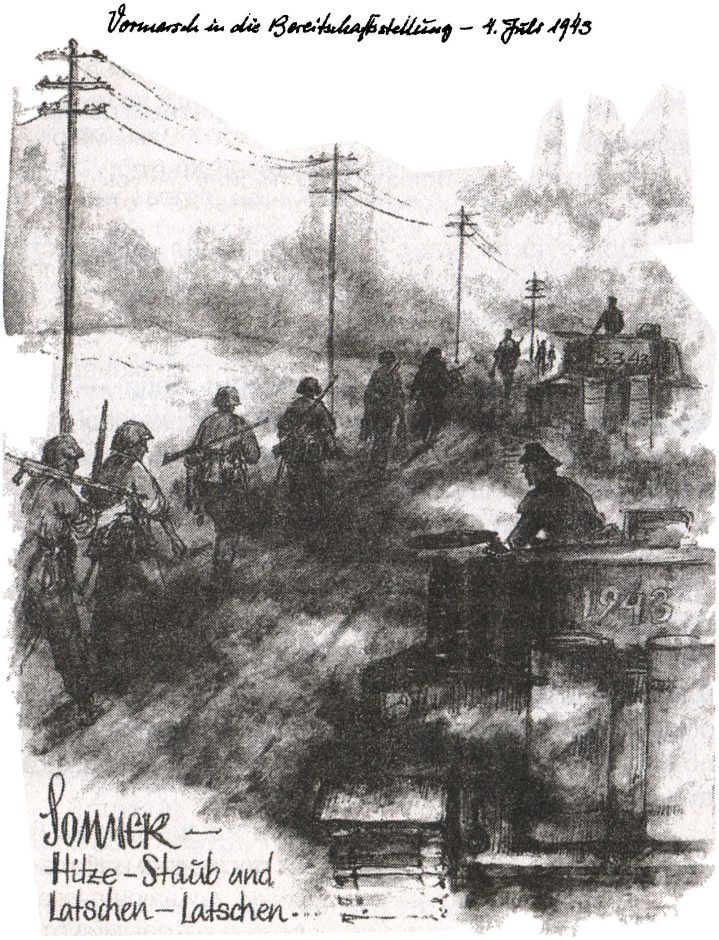
Когда Блондин проходил с двумя канистрами в руках мимо Эрнста, тот, ухмыльнувшись, прошептал:

— Там впереди — связисты. Им нужен бензин. А мы за него получим баночное пиво. У мюнхенца башка варит! А?

Вечером было так же жарко, как и днем. Никакой свежести, ни единого ветерка. Только удушающая жара. Они сидели под тремя деревьями, под которыми устроили пикник, ели тушенку с хлебом и пытались отгонять мух.

После каждого глотка теплого баночного пива пот начинал течь в три ручья. У сигарет после еды был соломенный привкус, и они драли горло.

— Прекрасная ночь.



Лето. Жара. А нужно идти и идти...

Камбала кивнул головой в ответ на слова Куно о прекрасном.

— Ничего не имею против.

Вальтер загасил свою сигарету о землю:

— Ты прав, Камбала. Куно под прекрасным понимает лишь тишину.

— А может быть, прекрасную тишину? — усмехнулся Пауль.

— Долго так не будет. — Йонг раздавил ногой пустую банку из-под пива. — Скоро придут любимые огненные червячки, Камбала.

— Не понял?

— Огненные червячки, — повторил Зепп. — Летят один за другим, одинаковые, и летят так красиво!

Когда Вальтер увидел непонимающее лицо берлинца, он рассмеялся:

— Зепп имеет в виду трассирующие пули!

— А когда заварится каша, Ханс?

— По обычаю старого папаши — ночью. Завтра ночью. Мы сейчас где-то южнее Харькова. Фронт проходит севернее Белгорода. И мы где-то между ними. Я думаю, завтра снова поедем, а потом — пешкодралом, как обычно, на исходные позиции. Остается четвертое или, по крайней мере, пятое июля. Вот так, — добавил он задумчиво, — тогда, наверное, и начнется.

Пауль храпел. Йонг лег за ним в той же позе на бок, поджав ноги. Словно две вилки из посудного набора.

— Будет, конечно, не так сурово, как в последнюю зиму, — продолжал делиться своими соображениями Ханс. — Больше танков, больше артиллерии, отдохнувшие и пополненные части, полностью всем укомплектованные. Должно быть легче. Первый день, Эрнст, когда дело начнется, выйдем ли мы из него?

Большинство уснуло, только Ханс и Эрнст еще сидели вместе. Блондин слышал их приглушенные голоса. Он положил руки под голову и смотрел в ночь. Желудок снова прихватило, и в голову опять лезли дурацкие мысли. Он не видел своих товарищей, но, несмотря на это, их образы были у него перед глазами, точные, словно подобранные фотографии к паспорту. Ханс, останется ли он, как всегда, целым и невредимым? А Эрнст? Чепуха! С ним будет все в порядке, как и с Дори. В худшем случае у того будет одна из его знаменитых аварий. Вальтер и Петер — будущие офицеры. Ханнес тоже относится к ним. Сорвиголовы, отчаянные храбрецы и хитрецы одновременно. В чем-то они похожи. Пауль и Йонг — лучший пулеметный расчет в батальоне. А Зепп? Камбала? Куно? Уни? А я? Почему о себе думаешь в последнюю очередь? Выйду ли я из боев? Кто там останется на этот раз? В кого попадет? Ведь всегда кому-то достается? И всегда по очереди. Если Ханс и Эрнст уцелеют в любом случае, то остаются еще десять. «Десять негритят...» Ночь была спокойной и почти тихой. Только откуда-то издалека доносился шум моторов, словно музыка. Словно... «Я знаю, чудо свершится...»

Что такое! Оставь меня! Уйди, проклятие! Я хочу спать...

— Ну, вставай, Цыпленок! — Эрнст по-отцовски треплет его по щекам.

— Вставай!

Блондин зевнул, протер глаза, как пьяный, потряс головой.

— Черт возьми, я же только что уснул!

— Только что уснул? — Эрнст помог ему подняться. — Продрых чуть ли не три часа!

— Три часа? — Он споткнулся о ветку и выругался. Он не знал почему, но его просто тошнило.

Дори был как всегда. Он висел на руле, словно окурок в уголке его рта, ленивый, небрежный и совершенно непохожий на солдата. Мотор работал.

Куно

— Остальные уже поехали, проскакивай назад, Цыпленок!

Он резко рванул машину вперед. Она встала на дыбы, ее занесло, и она накренилась. Дори пробурчал что-то о дерьмовой дороге, закрутил руль, переключил передачу, кого-то обогнал, словно гонщик, и пристроился за вездеходом. У Эрнста на коленях лежал бельевой мешок, содержимое которого он ощупывал, достал бутылку, отпил из нее глоток на пробу и передал назад.

— Пей, Цыпленок! Лекарство от «блевелуи».

Шнапс обжег. Но стало легче.

За ветровым стеклом слабо виднелся «лежащий наискось Дитрих». Это была вторая ночь.

День второй

3 ИЮЛЯ 1943 ГОДА

И вторая ночь была как первая. Они ехали, останавливались, курили, клевали носом, лениво переговаривались, сидя в тесноте машин, пугались, прислушивались к слухам, растягивали затекшие тела и ждали.

Хуже всего было ждать!

Утро нового дня было такое же жаркое, как и предыдущее.

— Спешиться! Оружие и снаряжение взять с собой!

— Пока, Дори! — Они помахали ему руками. Дори сидел на облицовке радиатора и поднял руку в нарочито безукоризненном «немецком приветствии».

— Рота, шагоооом марш!

Они пошли.

— Может быть, веселую песню?

Эрнст проворчал:

— «Пехота — ты королева всех обезьян...»[1]

Никто подпевать не стал. А Камбала сказал:

— Я так не думаю.

— А что ты вообще думаешь? — Эрнст почувствовал вкус к нападкам.

---

[1] «Пехота — ты королева всех обезьян...» — переиначенные начальные слова немецкой солдатской песни «Пехота — ты королева всех войск». — *Прим. пер.*

— Лучше спеть ездовую — «Едем по дерьму ради «ЛАГ...»

— Заткнись, Камбала! — Ханс улыбнулся — значит, это не по службе. — Наездились уже довольно, сейчас идем пешком!

Уже через несколько километров марш превратился в мучение. Суставы и мышцы от долгой езды затекли и не гнулись, к тому же стояла жара, духота и пыль.

Удушающая духота опустилась на колонну. Тени не было. На небе — ни облачка.

— Проклинали езду, а теперь лучше было бы ехать, чем так идти. — Он сплюнул, провел языком по высохшим губам и скрипнул зубами: — Чертовы танки!

Рядом с гренадерскими ротами ехали танки. Высоко поднятая пыль закрывала гусеницы и корпуса машин. Словно в дешевом кино про призраков, из облака пыли появлялись пушка, башня и сидящий на ней экипаж, а потом их снова закрывала пелена, и они пропадали, а потом медленно появлялась новая пушка. Марширующая колонна превратилась в гигантскую змею, ползущую через пыльное облако. Пыль облепила солдат, словно рабочих цементной фабрики, проникала в мельчайшие складки кожи, забивала поры, смешивалась с потом, образуя слизистую кашу, натирала шею на воротнике рубашки, разъедала глаза, от нее распухали губы, пересыхало горло.

— Банда свиней! — Хриплый крик дополнили ругательства, повисшие в пыли, отразились от нее и заглохли под лязгом гусениц. Марширующая колонна приняла вправо, чтобы выйти из облака пыли, поднимаемого танками.

— Вот собаки! Мы, пехотинцы, должны принимать вправо, чтобы господа могли проехать! — Даже Ханс рассердился.

Куно вышел из колонны и показал пальцем на брюки:

— Надо отлить.

Камбала глянул на него и усмехнулся:

— Пару капель?

Они отстали от колонны, и Ханс начал ругаться:

— Отливайте на ходу, вы, недоноски!

Взгляд Куно был усталым и пустым, а Камбала, не понимая, открыл рот. Блондин ухмыльнулся, хотел что-то сказать, но закашлялся:

— Старые пехотинцы... кхе-кхе...

— Старые? — проворчал Эрнст, сомневающимся взглядом смерил Блондина. Но тот не дал себя поправить и сказал поучительно:

— Старые пехотинцы ссали на бегу. Конечно, не в середине строя, а слева или справа. Не из удобства, нет...

— Можешь сразу в штаны, в такую жару быстро высохнет, — снова желчно заметил Эрнст.

— Именно так, — не обращая на него внимания, продолжал Блондин. — Что самое главное — не выбиваться из ритма марша, не останавливаться и не отставать. Беречь силы. Равномерно, упрямо, в одном и том же ритме. Это особенно важно, если приходится идти три или шесть часов.

Он снова закашлялся. В горле пересохло, слюны не было. Рот склеило, словно клейстером.

— Прежде всего надо держать язык за зубами, — проворчал Эрнст. — Тогда он не пересохнет и жажда не будет мучить.

Жажда — пить...

К жаре и пыли прибавилась жажда.

Они маршировали молча, даже ругаться перестали. Монотонно переставляли ноги, тупо глядя в штурмовое снаряжение впереди идущего. Карабин давил плечо и с каждым километром становился все тяжелее. Ремень от коробок с пулеметными лентами до крови натер плечи и шею. Ноги горели. Каждый сапог стал казаться

чуть ли не по центнеру весом. Только фляги становились легче.

Только не думать. Только не думать об этом: пивном садике, «холодной блондинке» с прекрасным «белым фельдфебелем»[1]. От этого в горле пересыхает еще сильнее. От глотка горло болит как при ангине. А язык лежит во рту, словно сухая губка. Единственная жидкость — это ручьи пота, стекающие по лицу. Они соленые. Чья-то рука потянулась за флягой. Чья-то рука отпускает ремень карабина и отворачивает крышку. Пить, пить. Только один глоток. Только смочить губы. Это борьба с соблазном. Могу или не могу? Соблазн говорит: «Пей! Напейся хорошенько! Тогда Сахара в твоем рту превратится в цветущий оазис!» Но сознание подсказывает: «Не пей! Пока не пей. Потерпи. Будет еще хуже. И до ночи не будет никакого снабжения». И опять: «Пей, напейся сразу. Что будет потом — одному Богу известно!» Чья-то рука снова опускает флягу. Снова завертывает крышку. В некоторых флягах еще булькает теплая кофейная жижа. А многие фляги уже пусты.

Они шли час за часом.

Со сдавленным криком Блондин встрепенулся. Он наткнулся на впереди идущего и ударился головой о котелок Вальтера. Он слишком устал и измучился для того, чтобы продолжать обращать внимание на боль, медленно сполз на колени, повалился в сторону, перекатившись на спину, подтянул ранец под голову, карабин положил поперек живота. Эрнст сел на свой стальной шлем и глотнул из фляги. Он долго держал жидкость во рту, немного проглотил и остатками прополоскал горло.

— Хочешь глоток?

Блондин устало кивнул.

---

[1] «Холодная блондинка с белым фельдфебелем» — немецкое образное название бокала холодного пива с высокой белой пеной. — *Прим. пер.*

Schlacht um Kursk 43
Walter-Peter und Hannes

— Твоя же фляга, Цыпленок, давно пуста. — Эрнст поднес ему горлышко фляги ко рту. Оно неприятно пахло. Металл прикоснулся к распухшим губам. Он настолько устал, что даже не мог сам взять флягу в руки. Он втянул жидкость и сделал так же, как и Эрнст. Долго держал во рту, делая маленькие глотки, остатками смочил полуоткрытые губы, пожевал, прополоскал и проглотил. Как же хорошо стало! Он приподнялся, оперся на локоть и посмотрел на Эрнста, сворачивавшего сигаретку.

— Не для тебя, Цыпленок. Не для твоего распухшего рта. — Он улыбнулся своему другу: — Завтра будет лучше. Не будем такими затекшими от езды. Завтра будет привычнее. Спи, Цыпленок!

И это было почти как дома, как в детстве, так защищенно, так надежно и спокойно. Курящий на своей каске Эрнст. Ничего не может случиться, пока он здесь. Эрнст — это сон и отдых.

По отделениям они продолжали идти вперед. Словно гуси, солдаты шли за своим длинным гусаком. Они не разговаривали. Для этого они слишком устали. Они знали, что пеший марш долго не продлится, скоро прикажут где-нибудь окопаться. Распределят дозоры, подвезут еду, в довершение можно будет поспать.

Но они ошибались. Они шли и оглядывали местность. Останавливались, ругались, падали на том месте, где только что стояли, медленно перекатывались по земле, снова устало поднимались, шли, останавливались и снова шли.

Поздним вечером они, таща за собой оружие и снаряжение, стали пробираться через лес. Продрались через редкий кустарник. Перед ними открылась слегка поднимающаяся к цепи холмов на горизонте равнина.

«Окопаться!»

Оба пулеметных расчета разбежались влево и вправо. Ханс остался в середине. Стрелки равномерно расположились от пулемета до пулемета.

— Ханнес!

Откликнулся веснушчатый парень из Ганновера.

— Пятьдесят метров вперед! Дозор, первая смена! Уни сменит тебя через два часа, затем — Камбала, потом — ты, Цыпленок! Все ясно?

Земля, сверху жесткая, после нескольких ударов лопаты становилась мягкая и рассыпалась песком. Эрнст первым уселся в отрытом окопе. Благодаря своему чутью он нашел узкую глубокую яму. Положил две-три лопаты земли в качестве бруствера — и укрытие готово! Он принялся жевать и отхлебывать из фляжки. Блондин подсел к нему. Запахло шнапсом. Эрнст протянул ему хлеб и банку консервов:

— Отрежь себе. Крышку я открыл только наполовину.

Было вкусно. Первый глоток обжег, словно огнем. Блондин закашлялся и замахал рукой перед ртом.

— Чай был бы лучше! Чай с лимоном и со льдом!

Эрнст пожал плечами:

— Ерунда! Я разбавил водку цикорием, чтобы было больше. А чай можешь списать!

— Почему?

— Кухни приедут только завтра к утру.

— Черт, целую ночь будет нечего пить! И при этом еще не началось. А что будет, когда грохнет?

— Тогда ничего не будет. И нам придется пить шнапс, отобранный у ивана, у него всегда найдется.

Перед ними над цепью холмов мелькнула вспышка.

— Это не артиллерия.

— Ну да, опять будет гроза.

Донесся приглушенный раскат грома.

— Сверну-ка я пару цигарок, а то потом будет сыро.

Снова блеснуло. Молния прошла горизонтально, гром долетел быстрее и загремел, словно шар по кегельбану.

— У тебя плащ-палатка есть?

Блондин сделал еще глоток, сморщился и вздрогнул:

— Слишком мало воды. Это — не разбавленный шнапс, а чистый спирт.

Он сунул сигареты в карман рубашки под маскировочную куртку и встал.

— Пока, Эрнст. Я тут в одном прыжке от тебя.

Вдруг пошел дождь. Молнии сверкали одна за другой, гром грохотал не переставая. Блондин накрыл плащ-палаткой каску, карабин зажал между коленями как палаточный кол и застыл, прислушиваясь к раскатам грома и шуму дождя. Он курил, глубоко затягиваясь. Выдохнутый дым висел под пологом импровизированной палатки. Дождь лил как из ведра, но прохлады не было. От лесной почвы пар поднимался как в бане. И снова проклятая жажда! Он притянул верхнюю губу к носу. Котелок! Где он? Как раз позади меня. Он осторожно попробовал его нащупать. При этом он наклонил карабин, и поток воды хлынул ему на брюки. Он выругался. Но затем с удовольствием услышал жестяную дробь капель дождя по котелку и крышке. Хочется пить! Недолго думая, он убрал карабин, натянул палатку мысками сапог и подставил лицо дождю. Как хорошо, Господи Боже мой, сделай так, чтобы дождь шел подольше, пока не наполнится котелок или хотя бы крышка. А потом выпить! Крупными глотками и так долго, пока хватит воздуха, а вода не потечет из ушей! И Бог его послушал. Он не переставая низвергал потоки воды, метал молнии вокруг себя и при этом от радости громоподобно и раскатисто хлопал в ладоши. Блондин глубоко втянул голову в плечи. С каски

стекала маленькая Ниагара. По плащ-палатке стекали потоки воды, и под ногами образовались большие лужи.

— Чертов дождь! — Блондин поднялся, отряхнулся, словно мокрая собака, ощупал свой намокший зад, снова выругался, взял винтовку и осмотрелся при вспышках молнии. А кто это там сидит? Он прошел несколько шагов.

— Да, Цыпленок, садись здесь слева. — Замотанным в палатку гномом оказался Эрнст. Он сидел на стволе поваленного дерева. Блондин улыбнулся: «Я, оказывается, был не первым со своими хитрыми мыслями о бревне и сухой заднице».

— Я поставил свой котелок под дождь.

— Отлично, но это не настолько хорошо, как...

— Расскажи, как сделать лучше.

— Я уже выпил пару литров. Хочешь полный котелок?

У Блондина отнялся язык. Он судорожно сглотнул. Эрнст предложил:

— На, пей полный, весь.

Котелок был тяжелым. Он снова судорожно сглотнул, приложился и начал пить. У него было такое чувство, словно он находится на имперском партийном съезде. Надо же, чтобы все знали, что он принимал участие в партийном съезде в Нюрнберге. На лучшем месте, высоко над массами народа, на террасной пристройке, он был фанфаристом. Тогда что-то случилось, такое же, как и сейчас, когда вода течет по пересохшему горлу, в животе начинает булькать, и все тело наливается влагой изнутри. Он прервался, вдохнул воздуха и снова начал пить, пока хватало дыхания. Молнии стали сверкать реже. Гром стал греметь приятнее. Но дождь шел по-прежнему сильный.

— Давай сюда, нальем его снова.

— А как ты его набираешь так быстро?

— Думать надо, Цыпленок, думать. Я сделал складку в палатке между коленями, поставил под нее котелок, и вода стекает в него лесным ручьем.

— Понятное дело. А я, болван, поставил свой котелок просто так на землю. Думать надо, думать!

Дождь стих так же быстро, как и начался.

— Добрый вечер, — Эрнст показал на лужи. — Как раз приглашают в них выспаться.

— Пессимист! Вечно ты ворчишь.

— Ты прав, Цыпленок. Или напьешься, или выспишься. И то и другое сразу не получится.

Некоторое время они сидели молча. Эрнст отряхивал свою плащ-палатку, потом снова сел и свернул две цигарки. Блондин осматривал округу. Его взгляд остановился на цепи холмов, которые темной массой, почти угрожающе закрывали горизонт.

— Знаешь песню «Пусть развевается черное знамя?»

Эрнст прикурил в укрытии из обеих рук две сигареты и протянул одну Блондину.

— Что ты опять болтаешь? Черное знамя? Это что такое?

Блондин кивнул на холмы:

— Как раз вспомнил последний стих: «В лесу на горе ночует смерть. Кто знает, рано поутру сразит она меня, с собой ли уведет...»

— Типично! Ты посмотрел на какие-то холмы и вспомнил про Крестьянскую войну. Это из Бюндишен, да? А там на них сидит иван, думаешь ты, а мы должны будем его завтра на заре выбить с них? Так? — Он отрицательно покачал головой, как будто хотел сказать: «Бессмысленно, совершенно напрасно разговаривать с этим глупцом», а вслух сказал:

— Нет, Цыпленок, атаковать мы их не будем.

— А откуда ты знаешь?

Свежесть солдатам приносили гроза и проливные дожди

— А потому что обычно так не бывает. — Эрнст поднес кулак к его лицу. — Во-первых, мы — не первые. Перед нами шел первый полк! — Его большой палец отогнулся вверх. — Во-вторых, артиллерия ушла вперед! — Отогнулся указательный палец. — В-третьих, что значит большое количество танков впереди? — Средний палец образовал с указательным букву V. — Боеприпасов у нас еще недостаточно, их подвезут только ночью, и... — У него возникли трудности с безымянным пальцем, так как он и мизинец уже отогнул. — И жратва-а-а! Без маргарина — героям гибель! Идешь отлить?

Они стояли рядом.

— Сейчас опять припрет.

— Ну, ты же напился как верблюд!

Они пошли к своим ячейкам.

— Смешно, последняя ночь перед наступлением.

— А на войне каждая ночь смешная, потому что не знаешь, доживешь ли до рассвета!

— Эрнст, я тебя, еще когда ехали, спрашивал. Знаешь ли ты, когда все молчали, я думал о страхе, о тянущем ощущении в желудке, о тошноте. Тебе хочется тошнить, но ты не можешь. Я об этом думал.

— Эти твои мысли чем-нибудь помогли?

— Нет. Но это именно так. Чертово неприятное ощущение в желудке вызывает всякие дрянные мысли. Кроме того, я пришел к выводу, что всё, до сих пор написанное о войне, — полная чушь.

— Я это тебе и так сказать мог, и не раздумывая полночи.

— Чепуха! Все не так. Чушь, потому что что-то очень существенное забывают или просто сознательно выбрасывают.

— Ты подразумеваешь страх.

— Да! Когда ехал в Берлин, вспоминал про военные книги. Нигде не описывается страх. Я думаю, что

в так называемой патриотической военной литературе для этого не было места, но и в другой — у моего деда было несколько антивоенных книг, — и в них ничего нет про страх. Заветы, обвинения, отречение. Но чтобы хоть раз какой-нибудь писатель уселся, чтобы описать совершенно примитивный, трясущий страх, перед боем проходящий у одного или многих бойцов через башку...

— Или через желудок.

— Точно, Эрнст. Такие, как мы — сидим под дождем, курим, знаем, что завтра начнется, и у нас от этого тянет желудки. О чем мы думаем? Что мы делаем? Ждем, ждем — а что это такое? Страх — ждать — надеяться, часами, днями. Снаружи — одетый в красивую маскировочную куртку, вооруженный автоматом бравый солдат войск СС, а внутри — трясущаяся кучка страха!

— Да, мой Цыпа. Страх — такое дело, — Эрнст начал философствовать. Наряду с закуской это было его любимым занятием. — Речь идет скорее не совсем о страхе, а об ответе на вопросы: «Почему?» и «Перед чем?» — Всегда, когда он начинал гнуть свою линию, он переходил с диалекта на литературный немецкий. — Первичным фактом является завтрашнее наступление. Есть ли у тебя или у нас страх перед наступлением как таковым? Нет. Непредсказуемое, неизвестное в термине «наступление» является причиной. Попадет не попадет, а от этого совершенно логичная связь с собой. Попадет в меня или нет. В меня — «я» — самое главное, а все остальное — нет. А когда понимание нельзя прояснить — наступает страх. Коротко и ясно. Случайность является причиной твоего страха.

— Может быть, Эрнст. Но у меня трясучка началась с преподавателя плавания и...

— Вздор! Естественно, в некоторой мере страх начинается с неприятного, будь это человек, вроде преподавателя плавания, или зубной врач, или с ситуации, страх перед экзаменом, например, или перед свадьбой. Но это ребячество ничто перед тем, что происходит сегодня или завтра. А из-за того, что ты сегодня не знаешь, чем дело кончится завтра, потому что ты с точностью знаешь только одно — что все зависит именно от случая, поэтому ты боишься, поэтому боюсь я, и вся обделавшаяся армия боится — и наша, и русская. А страх ослабляется только в том же соотношении, в котором растут звезды на витых погонах. Понял?

— Хм. Но есть и такие, которые совершенно точно чувствуют, что все пройдет неудачно, что они из мясорубки уже не выберутся.

— Такие ожидания, конечно, есть. Но уверенность? Я думаю, если кто-то уверен в том, что погибнет, то он уже там, наверху, и страха у него больше нет.

— Ты читал книгу «Вера в Германию» Цёберляйна?

— Кто ее не читал, «велича-а-айшую военную книгу всех времен». Зато сейчас я знаю, что она — величайшая чепуха всех времен.

— Правильно, но он описывал ситуацию, когда он со своими товарищами сидел в укрытии, и у некоторых вдруг увидел на лбах кресты, и понял, что они погибнут.

— Так он был не только писателем, а еще и ясновидящим! Цыпленок, ты, оказывается, еще и наивный! Это же трюк, хороший для фильма, что-то среднее между христианской верой и неотвратимостью фронтовой судьбы.

— Ты еще помнишь про Харьков? Последнюю ночь перед штурмом города? Я помню как сейчас дурацкое выражение, помню его точно, как будто увидел его пять

минут назад: разрушенный колхоз, облупившаяся доска, и кто-то мелом на ней написал: «Велика и жестока судьба, но еще более велик человек, который ее непоколебимо выносит!»

— А ты еще под ней написал: «Да здравствуют герои, которые глупы!»

— Точно, мы тогда полночи занимались ерундой, а у тебя была сумасшедшая идея, что страх является предпосылкой к отваге и героизму. Без страха героев нет, в крайнем случае — только убитые! Кто свой страх преодолеет, только за это уже заслуживает Железного креста!

— Я еще сказал, что большинство Рыцарских крестов получают за страх, потому что другого и быть не может, так как прирожденные герои или полегли еще в Польше, потому что были слишком храбрые, и им посносило бошки, или они заняли теплые местечки.

Блондин тихо рассмеялся:

— Старая мудрость, что большинство героев сидит в тылу. В Берлине на Курфюрстендамм ты увидишь массы героев или рядом с женщинами!

— И не говори, как раз там достаточно людей, ни на что не способных.

— Да, Эрнст. Мы тогда еще подошли к спящим. Мумме, наш тогдашний командир взвода, лежал рядом со своим денщиком Карлушей, руки положил под голову, как маленький мальчик, и ноги поджал. Ты остановился, покачал головой и сказал: «Вид такой, прямо как у мертвого. Завтра будет готов». Так? — Ответа он не дождался и продолжал: — На следующий день мы были уже у первых домов. Переводивший дыхание Мумме стоял у садовой изгороди и ждал. Проехал танк. Когда Мумме захотел бежать дальше, вдруг схватился за шею. Я видел только его удивленное лицо и открытый для крика рот. Может быть, действительно он хотел прокричать:

«Вперед!» Он медленно начал падать. Рукой схватился за отлетевший штакетник. Еще пару раз дернул ногами, поджал колени к животу и затих. Пауль сразу после этого засек русского снайпера.

— Карлушу убили еще раньше него!

— Да, он лежал поперек танковой колеи в снегу. А за несколько часов до этого ты сказал: «Им копец». Это непросто предсказать, Эрнст. Ты это сделал точно так же, как было описано у Цёберляйна.

— Но без знамения, без креста. Но это была случайность, Цыпленок. Он просто выглядел как мертвый, а через пару часов стал действительно им. Просто случай, никакого ясновидения. Или, ты думаешь, я еще в Белгороде решил оставить гуляш?

— Конечно, нет. Это было не случайно. Это была неудача.

— Неудача? Свинство, черт побери! Со мной никогда такого не было!

Блондин улыбнулся и прислушался к дождю, который тихонько капал на плащ-палатку. Белгород — на самом деле уж совсем дело прошлое. Бои тогда закончились. Спокойный день. Они вместе с Эрнстом вечером выехали на ротных машинах, чтобы что-нибудь раздобыть. Должно было прибыть пополнение, новенькие, присланные прямиком из Лихтерфельде. И, как обычно, Эрнст оставил свою машину на холодном весеннем воздухе,

а сам отправился в сарай. От сарая исходил запах, как от маминой кухни в воскресное утро. Каптенармус и два повара стояли перед огромным котлом. Один из них помешивал в нем поварешкой, пробовал и с наслаждением цокал языком. У Эрнста выпучились глаза, как при базедовой болезни, и слюнки потекли. Красно-коричневый, крупно резанный гуляш, в котором мяса было больше, чем соуса, до краев наполнял котел полевой кухни! Эрнст прикинул, по сколько котелков придется на человека, и завязал невинный разговор с каптенармусом, одновременно пустив в ход повадки опытного фуражира. Но, как уже говорилось, Эрнста знали все, и где он меньше всего мог поживиться, так это в собственной роте. Наконец, каптенармус рассвирепел, а повар замахал половником. Они с Эрнстом вынуждены были ретироваться почти бегом. Эрнст продолжал изыскивать способ, чтобы подобраться к Лукуллову мясному котлу. В том, что это не получилось у него с первого раза, была виновата его слава. Тут подошел дежурный унтер-офицер и отогнал их еще дальше. А когда они подошли к двери огуречного подвала, взорвалась первая бомба! Всего их было три. Последняя упала совсем близко, и Эрнст, еще ничего не подозревая, прошептал:

— Неужели по ним?

Когда стрекотание «швейной машинки», как солдаты называли русский разведывательный самолет, затихло вдалеке, они выбрались из укрытия. От сарая остались одни обломки, гуляш разлетелся в стороны. Они положили каптенармуса и обоих поваров у дороги, накрыв плащ-палатками. Снег был грязно-серый, словно каша. Начиналась оттепель. Эти трое были последними убитыми.

Блондин прошептал:

— Дерьмо.

— Что ты сказал?

— Ничего, я просто вспомнил про каптенармуса и поваров в Белгороде и то, как они лежали у дороги. У каптенармуса были финские ботинки, без носков, и между палаткой и ботинками виднелись желто-белые ноги. Он даже и не думал, что смерть так близка. Авиабомба! Бах — и все! В общем-то, хорошая смерть.

— Пали за Великую Германию! С поварешками в руках и с кусками гуляша в зубах.

Грозовой дождь сменился затяжным моросящим. Эрнст раскурил две новые сигареты. Блондин поблагодарил и сказал, как бы про себя:

— Ерунда какая-то. Перед наступлением мутит, а завтра, когда начнется, все как рукой снимет.

— Тогда на размышление времени не будет.

— Чем бы доказать, что тот, кто не может думать, в основном самый счастливый. Много ли таких?

Эрнст не ответил.

Они курили молча.

Дождь шел всю ночь.

День третий

4 ИЮЛЯ 1943 ГОДА

Рано утром машины доставили боеприпасы и продовольствие. Дори улыбался во все лицо:

— Тра-ра-ра, тра-ра-ра, почта пришла! Цыпленок, один пакет специально для тебя!

Пакет с родины имел размеры коробки из-под обуви, серо-коричневый, из грубой почтовой бумаги, перевязан грубым шпагатом, на нем стоял обратный адрес его деда.

— Что там для нас? — Эрнст напряженно смотрел, как Блондин открывал упаковку. Древесная вата, газетная бумага, он взял письмо и, не читая, отложил в сторону. Серая оберточная бумага, сигареты и большой круглый кекс. Они посмотрели и рассмеялись. Дори провел себе согнутым указательным пальцем по губам.

— Как раз вовремя, к нашему завтраку!

Кекс был сухим и пах бумагой, но это был кекс, и его прислали из дома!

— Что нового, Дори?

Тот запивал кекс чаем, аккуратно и элегантно подбирая каждую крошку и искоса поглядывая на сигареты, присланные из дома.

— Действие начнется сегодня! Во второй половине дня! Мы — в резерве!

Блондин прислонился к вездеходу и распечатал письмо. Он пробежал глазами строчки, закурил сигарету и начал сначала. На этот раз медленно, слово за словом, предложение за предложением.

— Приготовиться!

Он сложил письмо, аккуратно спрятал его под маскировочную куртку, отрыгнул, затоптал окурок и оглянулся в поисках своего отделения. Ханс вытянутой рукой указывал место построения. Блондин по-охотничьи повесил карабин на плечо.

Проходя мимо, он глянул на свое ночное укрытие, два поваленных дерева, яму, в которой ночевал Эрнст с образцовым ровным рядом затушенных окурков на бруствере, так, как будто с чем-то прощался, с тем, что в течение долгого времени уже не увидит. Так он смотрел прежде на свою комнату и на город, когда уезжал оттуда. Потом его взгляд обратился на гряду холмов. Она была плоская, ярко освещенная солнцем и почти гостеприимная в своей яркой зелени. Он покачал головой — угрожающая, темная, массивная — как все это себе можно представить, когда ты устал, да к тому же в грозу, ночью и при неприятном ощущении в желудке... «В лесу наверху стоит в холодном спокойствии смерть...» — идиотская песня. Он постепенно стал заглушать эту мелодию у себя в голове, и вокруг него была уже не покрытая выжженной солнцем травой унылая русская равнина, по которой он шел, а мощеная старая липовая аллея, ведущая в лагерь пимпфов[1]. Там, в темном подвале со сводчатыми потолками, старыми барабанами и длинной пикой ландскнехта с черным флагом пимпфов, там во главе стола было место Ханзи! Блондин нащупал письмо под маскировочной курткой. Смешная ассоциация памяти — песня — письмо — Ханзи. Он оставил

[1] Пимпф — член детской нацистской организации в Германии 1930–1945 гг. — *Прим. пер.*

письмо в кармане, новость он уже знал. Ханзи пропал без вести. Пропал без вести в Сталинграде.

Далеко растянувшись, роты шли вперед. Слева от лощин поднимались густые клубы пыли. Там шла техника.

— Опять будет жарко.

Он даже не заметил, что Эрнст идет рядом с ним. Блондин не ответил, и мюнхенец посматривал на него со стороны.

— Письмо, Цыпленок?

Тот махнул рукой и стал смотреть на лощины. Песня смолкла, пропали и липовая аллея, и лагерь пимпфов. Осталось только письмо и сообщение: «Пропал в Сталинграде».

Эрнст сплюнул и вытер губы рукой.

— Мой лучший друг детства. Пропал в Сталинграде. — Он закашлялся и снова стал смотреть на гряду холмов. — Его звали Ханзи. Мы его так звали, хотя в нем не было никакого изящества, он не был молокососом и не выглядел малышом, поэтому внешне не походил на Ханзи[1]. Такое имя не шло ему. Я познакомился с ним, когда поступил в оркестр фанфаристов. Ты знаешь играющих мопсов, Эрнст?

— Кто их не знает? Построения, городские праздники, торжества, день рождения фюрера, Девятое ноября и всякое прочее, но быть знакомым? Начищенные до блеска тиски — так мы называли фанфары, белые гольфы, трум-тум-тум и марш крестоносцев — это была лишь одна сторона. Другой была страсть или самосознание того, что ты лучше других, чем масса несущих флаги. Взвод фанфаристов тогда был легендой, заговоренным отрядом старых чудаков, которые давно уже должны были перейти в гитлерюгенд, но из-за того, что они играли настолько же хорошо, насколько и дрались, продолжали оставаться в юнгфольке.

[1] Ханзи — уменьшительное имя от Ган. — *Прим. пер.*

— А Ханзи?

— Как я с ним познакомился? — Блондин улыбнулся: — Это было смешно. — И снова покачал головой, как будто сам сомневался в том, что может сам об этом рассказать лучше. — Я записался во взвод фанфаристов. Просто мне надо было туда поступить. Сказки и истории, которые рассказывали про этот отряд, притягивали меня туда словно мед пчел.

— Какая ерунда. Мед и пчелы.

— Что? Как мед притягивает муравьев. В любом случае я хотел стать таким, как они. Понимаешь? Это было навязчивым представлением, романтическим представлением об элите и потерянном отряде.

— Именно такие романтические выдумки загнали тебя в «ЛАГ».

— Хм, в любом случае тогда я стоял, словно крестьянин перед Эйфелевой башней, и дивился тому, что «играющие мопсы» называли часом музыкальных занятий, пока старший пимпф с бело-зеленым аксельбантом не заметил меня и не спросил: «Тебе что-то надо, друг?»

Я ему стал объяснять, почему я хочу поступить во взвод фанфаристов. Он прервал мои путаные объяснения: «Задаваться и нравиться девчонкам, да?» Он свистнул сквозь большой и указательный пальцы, и через минуту я получил самую сильную трепку в моей жизни. Это была своеобразная проба силы духа у «играющих мопсов». Конечно, я отбивался, как мог. Но, к сожалению, мало попадал или не попадал вовсе. И в конце концов упал на колени, как нокаутированный боксер. «Играющие мопсы» стояли вокруг меня и улыбались. Мне так казалось, потому что их лиц я не видел. Наконец один из них — высокий голубоглазый светловолосый парень — помог мне подняться. Он похлопал меня по плечу и сказал тому, с аксельбантом звеньевого: «Он в порядке, Герд!» Так меня приняли во взвод фанфаристов.

— А тот герой-красавчик?

Блондин снова улыбнулся:

— Да, это произошло на следующий день в школе. Когда на большой перемене я шел через школьный двор, кто-то начал смеяться над моим распухшим носом и синяком под глазом. Особенно один отличник отпускал известные шуточки, от которых другие ржали как лошади. Вдруг появился мой товарищ из взвода фанфаристов, без предупреждения съездил шутнику по зубам и одновременно стукнул по берцовой кости. Потом парень подождал, не появится ли еще какой-нибудь насмешник, а когда убедился, что шутить больше никому не хочется, обнял меня за плечи и сказал: «Можешь звать меня Ханзи».

— Прямо как в кино.

Блондин пропустил мимо ушей слегка насмешливый тон замечания и кивнул:

— Да, впрочем, у него и семья известная. Его старший брат — летчик-майор на пикирующих бомбардировщиках. У него уже были Дубовые листья, а сейчас уже, наверное, и Мечи.

— Или холодная задница.

— Тоже может быть. В любом случае Ханзи был отличным парнем.

— Почему был, Цыпленок?

— Был, Эрнст! Будто не знаешь, пропал — пропал без вести в Сталинграде — все равно что убит. Или?

— Ты прав. Пропал — это даже хуже, чем убит. Пропал — значит, что родные будут надеяться, надеяться с предательской мыслью, что все напрасно.

По цепи холмов проходила старая немецкая позиция. Местность за ними шла слегка на подъем, была сильно пересеченной, холмистой, с открытыми долинами между лесами и кустарниками. На горизонте была широкая возвышенность.

Навстречу шла группа солдат. Это были саперы. Ханс их окликнул:

— Как там, впереди?

Обершарфюрер скривил покрытое щетиной лицо:

— Сейчас очень хорошо, но перед тем мы всю ночь снимали мины.

— Все прошло хорошо? — Ханс предложил закурить.

Щетинистый поблагодарил:

— Работа высокой точности. Никаких потерь. Просто удивительно. Сейчас идем завтракать.

Эрнст и блондин присели рядом с Паулем и Йонгом и навострили уши.

— Кто перед нами?

— Первый полк, — ответил сапер и снова скривил лицо, из-за чего было непонятно, улыбается он или хочет заплакать. — А нас, к сожалению, отправят, наверное, брать укрепления там, наверху.

— Как называются холмы?

— Стрелецкие или как-то так. Там должны быть сильные укрепления. Это — передовая позиция 52-й гвардейской стрелковой дивизии.

Петер Грефенштайн 2.7., мой сосед по помещению

— Трудно придется.

— Да уж, приятель. — Щетинистый бросил окурок и махнул своим людям.

— Ладно, держите хвост пистолетом! — крикнул им Ханс вдогонку. И снова сапер своеобразно скривил лицо.

В траншеях исходного района еще поблескивали лужи. Солнце припекало. Сверху доносилось глухое гудение. Темные точки, напоминавшие осенний гусиный караван, стали крупнее и отчетливее. Прошла одна

волна, за ней появилась вторая, третья, четвертая. Гудение переросло в грохот. Солдаты неотрывно смотрели вверх. Эрнст прервал закуску:

— «Штуки»! Я думал, их у нас больше нет!

Многоголосый вой стал тоньше и пронзительнее. На холмах земля вздыбилась и полетела гигантскими фонтанами вверх. Пикировала новая волна и снова поднимала фонтаны земли. Вой пикирующих и гудение выходящих из пике самолетов смешались в постоянный непрерывный грохот.

— Бог ты мой!

Они стояли над своими окопами и наблюдали атаку пикирующих бомбардировщиков. Эрнст с недоверием снова и снова качал головой:

— Такого я еще не видел! — Чтобы Блондин его понял, ему пришлось кричать.

— Там камня на камне не останется!

— Будем надеяться!

Они улыбнулись друг другу, и это была та редкая улыбка, недоверчивая, потрясенная, почти отчаянная. Пауль и Йонг сидели на ящиках с пулеметными лентами. Йонг перебирал пальцами одну из них, как будто пересчитывал патроны. Пауль был бледен и напряженно смотрел на мыски своих сапог. Вальтер и Петер внимательно смотрели за самолетами. Зепп курил глубокими затяжками. Ханнес и Уни смеялись и радовались фейерверку. Камбала возбужденно болтал, но Куно его не мог услышать.

Вдруг позади них послышался мощный удар. Немецкая артиллерия начала артподготовку. Ее залпы накрыли холмы сплошной завесой огня, пыли, грязи и дыма. Это было начало пролога к операции «Цитадель». Блондин взглянул на часы: почти три часа пополудни!

— Вставай, Цыпленок! — Эрнст махнул Блондину рукой. Тот тупо кивнул, надел каску, в сотый раз проверил, как сидит ремень и штурмовое снаряжение, взял и, по-

охотничьи, повесил на плечо СВТ — русскую снайперскую винтовку. И все же он снова оглянулся. Гудели штурмовые орудия, справа «Тигры» давили мелколесье, их люки были открыты, в башнях стояли командиры. Когда Блондин наконец глянул вперед, то Эрнст был уже далеко. Унтершарфюрер из 3-го взвода напустился на Блондина:

— Что вы копаетесь, солдат? Подтянитесь, ваше отделение уже в Курске!

Блондин побежал. И тут без предупредительного свиста с сухим грохотом разорвался снаряд. Блондин упал рядом с шарфюрером. Тот улыбнулся:

— Чуть не попал! Иван проснулся!

«Глупый болтун!» — подумал Блондин, сдвигая на затылок упавшую ему почти на нос каску. Он выругался, вскочил и побежал вперед. Эрнст махал рукой. Между наступавшими солдатами взлетали фонтаны грязи, поднимались грибами облака черного дыма. В непрерывном грохоте отдельные разрывы уже нельзя было различить. Блондин занял место в цепи рядом с Эрнстом и попытался отдышаться. Они залегли в неглубокой канаве. Эрнст скорчил гримасу:

— Ну, как? Желудок по-прежнему тянет?

Блондин взглянул на него — нет, только сильный стук в груди. Он улыбнулся и отрицательно покрутил головой.

— Артиллерия перенесла свой огонь дальше. Слышишь? А наши уже должны быть у ивана!

Сквозь грохот артиллерийской канонады и разрывов с большим трудом едва можно было различить треск автоматных очередей. Русский заградительный огонь слабел, падал так, как падают последние капли грозового дождя. Они поднялись и в полный рост побежали дальше.

Мимо проезжало штурмовое орудие. Его командир махнул рукой и крикнул:

— Вас не подтолкнуть?

Камбала остановился и огрызнулся:

— Хвастун! А воздуха из шланга тебе не дать?

Обратно шли раненые. Один тащил на закорках длинного обершарфюрера. Блондин узнал в нем сапера с щетинистой бородой, встретившегося им утром. Голова его устало болталась. Длинные ноги качались в ритме шагов несущего. Повязка на голени была грязно-бурой от просочившейся крови.

— Огоньку не найдется? — спросил сапер-штурман у Блондина. Рукав его маскировочной куртки был разрезан. На руку и предплечье была наложена толстая бесформенная повязка.

Камбала

— Обершарфюреру сильно досталось?

— Нет. Ты его знаешь?

— И да, и нет. Он хотел утром получить пропитание, а наш командир отделения разговаривал с ним о расчистке минных полей, которую он проводил прошлой ночью.

— А, так это были вы? Я там тоже был. — Сапер улыбнулся: — Ему повезло. Чистое ранение навылет. Пара недель в лазарете, а потом отпуск на родину.

— А ты?

И снова замороженная улыбка и усталые старые глаза.

— Трех пальцев — как не бывало. Для меня война закончена.

— А что там впереди?

— Холмы — наши, но за ними все только начинается! Нас сильно покосило. И часу не прошло, как от нашего отряда остался только номер подразделения.

— И что, за ними, ты говоришь, все только начинается?

— Да. Позиции ты сможешь увидеть только с холмов, поэтому нам необходимо было их взять, чтобы авиационные наблюдатели знали, где завтра устраивать большой фейерверк. Так что и вам работы достанется.

— Дерьмо!

— Можно сказать и так. Может быть, повезет выбраться, как и мне. Ну, счастливо, приятель!

«Может быть, повезет выбраться, как и мне». Ну и нервы у него. Нет трех пальцев, а говорит о счастье. Война закончилась за три пальца. Блондин подтянул верхнюю губу к носу и потопал дальше. Перед первым валом лежали мертвые. Он пошел медленнее. К горлу подступила тошнота. Он сплюнул. Это были свои мертвые.

Русские позиции представляли собой кучи земли, лабиринт ходов сообщений, пулеметных точек, блиндажей и позиций противотанковых пушек. Все это было перепахано бомбами и снарядами. Воронка была на воронке. И повсюду — убитые. Русские — группами и отдельные убитые в маскировочных куртках. Ландшафт выглядел как покрытый перекопанный ящик с песком, в котором играют оловянными солдатиками, пока кому-то одному не надоело и он не повалил всех одним махом.

— Да, тут было дело, мой дорогой! — Эрнст показал на позицию противотанковых пушек. Неглубоко окопанные противотанковые пушки были разорваны на куски, разбиты и опрокинуты. Одно орудие было воткнуто стволом в окоп. Два других торчали стволами вверх, как сломанные уличные фонари. Расчеты были разорваны в клочья и представляли собой бесформенные куски мяса.

Один блиндаж провалился так, как будто посередине перекрытие было разрублено гигантским топором, и одна из половин была вывернута наружу мощным вихрем. Русские даже не смогли из него выбежать, хотя

Выдвижение 5 июля 1943 г.

оставался свободным второй выход вроде лисьей норы. Это была братская могила!

— Они даже не смогли ни разу выстрелить!

— Эти — нет, но вон там!

Мастерски замаскированная пулеметная точка для стрельбы в трех направлениях. Два пулемета еще оставались целыми. Воронки окружали пулеметный окоп по кругу. В ходу сообщения один за другим лежали длинным рядом убитые немцы. Первый — перед самым пулеметным гнездом.

— Попали под пулемет. Потом под второй, когда побежали назад — под третий.

В следующем окопе русские и немцы лежали рядом и друг на друге. Среди них был унтерштурмфюрер с вытянутой вверх рукой. Кисть руки была срезана словно бритвой. Другая рука была скрыта повернутым на бок телом. Одна нога была поднята вверх, словно для прыжка. Каски на голове у него не было. Верх черепа был снесен. Блондин холодно рассуждал: «Он хотел бросить гранату. Получил пулю в голову. Взрыва ручной гранаты в руке он уже не почувствовал». Блондин поднял голову. «Странно, что-то не так, что-то изменилось...» И вдруг улыбнулся с облегчением: «Артиллерия! Ни воя, ни грохота. Стало тихо, мирно, почти празднично тихо!»

В яме сидели Ханс и другие. Длинный что-то объяснял. Эрнст сидел в нескольких метрах рядом на лафете противотанковой пушки и намазывал бутерброд. Блондин подсел к нему.

— Что там рассказывает Ханс?

— Послушай, тогда узнаешь.

Блондин взял у Эрнста порезанный пополам и сложенный бутерброд и осмотрел яму. Она начиналась на поверхности почвы и накосую углублялась в землю, заканчиваясь укрепленной вертикальной стеной. В дне глубоко отпечатались следы гусениц. Его взгляд проследил следы. Менее чем в пятидесяти метрах стоял Т-34.

Это — танковый окоп. Просто со скошенным дном, чтобы танк мог свободно в него въезжать и выезжать. Спереди видна только пушка. В общем-то, не типично для танковых войск, быстрых и подвижных, но типично для ивана. У него идеи, и он перевел танки в разряд окопавшейся артиллерии. Великолепная маскировка. Едва заметно. Хороший сектор обстрела. Но сверху его можно было взять, и это Т-34 понял и хотел уехать назад. Хотел! Корма корпуса была размолочена сзади. Башня сделала сальто. Блондин поднялся и осмотрел окрестности. Он увидел другие танковые окопы, те, что остались после налета пикирующих бомбардировщиков. Клубы черного дыма от горящей нефти вздымались над холмистой местностью, словно вопросительные знаки. Он снова притянул верхнюю губу к носу. «Танки перестреляли бы наши штурмовые орудия, словно мишени на директрисе».

— Цыпленок, сядь и послушай!

Блондин попытался ногтем вычистить застрявшие между зубами волокна говяжьей тушенки. Другой рукой достал из кармана маскировочной куртки пару сигарет, присланных из дома, и предложил одну Эрнсту. Эти сигареты имели совершенно не такой вкус, как казенные. Они пахли родиной, миром, дедушкиной табачной лавкой в старом переулке. Ханс, Пауль и Йонг посмотрели на него. Блондин встал и спрыгнул с боковой стенки танкового окопа, предложил пачку сигарет всем желающим.

— Вчерашняя полевая почта? — спросил Ханс и с наслаждением потянул дым в легкие. — Итак, дальше, как было сказано, сегодня была лишь закуска, так сказать, пролог. С высот видны настоящие русские позиции. До сих пор наша артиллерия была слепа. Ночью она переместится вперед. Танки — тоже. Как только станет светло, мы выступаем. Мы должны взломать русские позиции, и наши танки ударят потом в эти дыры, прорвутся, все равно куда, налево или направо, на полную катушку в направлении на Обоянь. Это только слышится все пре-

красно и просто. Но это будет орешек, очень твердый орешек! Насколько твердый, вы попробуете сами. Но делать нечего — мы должны прорваться! — Он посмотрел на своих людей и продолжил: — Перед нами 1-я рота. Мы и 3-я идем за ней. За нами — 4-я. Продовольствие привезут сегодня вечером. Идите и попытайтесь поспать. Начало наступления — в 3.30! Все понятно?

Эрнст спокойно продолжал жевать, зажав банку тушенки между колен, а бутылку водки — между носками сапог. Своим традиционным ножом он соскабливал жир из банки, издавая своеобразный, протяжный скребущий звук. Блондин не выдержал и «потерял лицо», стиснул зубы и сжал веки:

— Прекрати, Эрнст! У меня волосы встают дыбом!

— Ничего под твоей каской не вижу. Хочешь еще чего-нибудь?

Блондин кивнул. «Странно, — подумал он, — мы сидим на лунном ландшафте. Позиции, вооружение и люди перепаханы, разбиты и разорваны на куски. А мы? Нас это совершенно не касается и не трогает, не проникает в глубину, остается на сетчатке, мы регистрируем это — и все. Мы сидим во всем этом ужасе, в результате человеческого сумасшествия, и едим! Одного только представления о том, что можно сидеть здесь и есть, достаточно, чтобы вывернуть желудок вместе с желчью наружу, но нет. Ничего подобного. Мы жрем, и нам даже вкусно, и нет никаких тянущих ощущений в желудке! Все, что было раньше, — смыто, словно дерьмо от мух. Все, что еще недавно казалось невозможно себе представить и выдумать, что ни один нормальный мозг не в состоянии замыслить, чуть позже становится само собой разумеющимся. Культура, цивилизация, человечность? Где это? Что это? Нескольких недель ползаний и гусиного шага по казарменному плацу достаточно, чтобы свести десяток лет воспитания к нулю. Если после этого еще и остается что-нибудь, то об этом позаботятся сна-

Залегли. 5 июля 1943 г.

ряды. И они позаботятся об этом основательно, как если бы это был гениальный эксперт по муштре. То, что раньше было мечтой, теперь стало кошмарным сном, только мало кто замечает, насколько ужас стал обыденностью. Черт возьми, до чего может дойти человек! До собаки? Чепуха! Собака поджала бы хвост, увидев горящий танк и почуяв запах горелых ошметков экипажа, и убежала бы туда, куда ее унесли бы ноги. А мы? Мы таращим глаза на обгоревшие трупы, тупо, совершенно нетронутые тем, что это были люди, чьи-то отцы и дети, смотрим и жрем и наслаждаемся вкусом говяжьей тушенки на языке. А что будет дальше? Что будет с теми, кто переживет это сумасшествие? Снова будут вести нормальную жизнь? Работать по гражданской профессии? Плодить и воспитывать детей? С этой грязью и сумасшествием в животе и голове? Можно ли все это потом просто стереть из памяти? Можно ли будет все это забыть? Черт возьми, что они из нас сделали?»

— Снова мечтаешь, Цыпленок?

Блондин улыбнулся:

— Просто не могу бросить, Эрнст. Только постоянно возникают новые вопросы, а ответов на них нет.

Медленно стало смеркаться. В воздухе висел запах гари. Затарахтел пулемет, очереди пролетели высоко. Отделение разместилось в русском танковом окопе. Куно и Камбала были назначены в караул. Расчеты пулеметов улеглись, словно тройняшки. Ханс отправился к командиру взвода.

Блондин лежал, растянувшись на спине, штурмовое снаряжение — под головой, вместо подушки, руки — на животе, и смотрел в небо. Эрнст курил и использовал свой баварский нож в качестве зубочистки. При этом он пару раз чиркнул по зубам, хлопнул ладонью по плечу Блондина и проворчал:

— Спи, я тебя потом разбужу в караул.

Он повернулся на бок, выругался, когда наткнулся на лопату, и через несколько мгновений тихо захрапел.

Блондин был бодр, при этом на редкость спокоен, внутренне решителен и свободен от каких бы то ни было проблем с желудком. «Странно, — думал он, — действительно хорошо лежать вот так. Прекрасный летний вечер. Земля теплая, а звезды — словно бы вырезаны из золотой фольги и наклеены на черную плоскую безграничную поверхность. Плакатно, фантастически, словно в книге сказок. — Он улыбнулся. — Всегда, когда начинаю думать, мысли беспорядочно лезут мне в голову. Я начинаю все со смешного слова «странно». Уже в школе было так. Если такое было на письме, то я мог исправить. А когда говорил, то должен был напрягать внимание, так как учителя не понимали «странных» формулировок. Еще меньше их понимали в «ЛАГе». Там не было ничего «странного», по крайней мере, для тех, кто хотел что-то сказать. Для других, маленьких заправщиков постелей, было много «странного», часто настолько много, что их тошнило от «странности». Как тогда, при моем призыве — тоже было странно, но не для меня!»

В Берлине я переночевал у тети, а на следующий день она со мной поехала в Лихтерфельде. Перед воротами казармы стояли и ждали коротко остриженные гражданские с чемоданами и картонными коробками. На проходной кто-то кричал, но мне не было видно, кто и почему. Моя тетя спросила, что там происходит, у лейбгвардейца, приехавшего с нами в трамвае, где он стоял прямо передо мной, и я не сводил глаз с черной ленточки на его рукаве с вышитым серебром именем Адольфа Гитлера. Он усмехнулся и сказал:

— Это формула приветствия.

— А почему они там так кричат?

Длинный снова усмехнулся:

— Это обычный тон, госпожа! Как вы думаете, как они могут расти?

Когда я наконец подошел к проходной, у меня возникли проблемы с предписанием. Чемодан в одной руке, кар-

тонка — в другой, а проклятое предписание — в нагрудном кармане рубашки. Я хотел поставить багаж, чтобы достать документ, но кто-то в стальном шлеме закричал:

— Налево и вон отсюда. Ну, вы, недотепа! Возьмите чемодан на вытянутые руки перед собой и качайте! — Странный набор слов, из которого я мало что понял. У монументальной фигуры роттенфюрера несколько гражданских гнули колени, судорожно удерживая чемоданы на вытянутых вперед руках. При этом они считали. Что, и мне тоже? У кричавшего на меня я видел только широко открывавшийся рот, бегающий кадык и над всем этим — стальной шлем. Когда я попытался сделать первое приседание, я услышал голос моей тети, типичной берлинки, смелой и лишенной чувства какого-либо почтения:

— Вы получили предписание у моего племянника или нет? Ах нет!

А когда тот, в стальном шлеме, хотел ее прервать, послышалось:

— Не разоряйся, мужчинка! Вы мне не нравитесь, а малыш — еще не солдат!

А мне крикнула:

— Прекрати!

Я беспрепятственно прошел через ворота. За решетчатой оградой и монументальной стальной фигурой роттенфюрера потом я впервые узнал, что такое «качать на вытянутых руках», и проклинал свой такой тяжелый чемодан. Тот, в стальном шлеме, прозвал меня «племянником» и дал мне дельные начала, чтобы в будущем я стал экспертом в области «качания». Он был первым служащим «ЛАГа», который заговорил, нет, скорее заорал со мной. Я тогда подумал, что эта орущая обезьяна — исключение. Но я ошибался, ошибался коренным образом.

Блондин потянул воздух сквозь зубы: «Племянник! И мой друг унтершарфюрер Ауэр!» Якобы с высшим образованием. В любом случае слыл за такого. И это было самое главное. Он был настолько уверен в себе и в уров-

не своего образования, что всех других считал профанами, особенно — рекрутов, те вообще были дерьмо. Его высокомерной роже соответствовал и голос: тихий, издевательский, надменный:

— Прииижаааать! Господа! Прижать — не имеет ничего общего с вашими подростковыми фантазиями! Винтовку прижать, а не стучать ею по плечу! Если хотите стучать — то большими пальцами! Стучите своими лапами по прикладам, чтобы казарма зашаталась!

Его слова были тщательно подобраны, продуманы и проговорены. Его интонации превосходны. Его методы подготовки — интеллектуальны. Самодовольно улыбаясь, он прислонялся спиной к стене и, растягивая слова, отдавал свои команды:

— Счё-ооо-от три! Сче-ооо-от три! Счео-о-от три!

Никак он не хотел заткнуться.

— Вольно! Когда я снова скажу «счет», тогда вы становитесь на колени. Ясно? На «три» вы вскакиваете, как будто вас кто-то уколол в зад, и резко прижимаете винтовку к плечу. Позднее последует приказ: «На плечо!», но до этого еще долго. Итак, прижать! И если вы стоите, бьете в тот же миг левой рукой по прикладу и держите его! Ясно? Итак, начали сче-о-от...

Нас тренировали. Мы были специалистами, так называемыми специалистами по качкам, и несколько десятков приседаний были для нас пустяком. Приседания стали для нас ежедневным хлебом, наряду с искусственным медом и эрзац-кофе. Но руки — руки слушались все хуже. Они немели, начинали дрожать, винтовка становилась тяжелее мешка с цементом, несмотря на счет «три», винтовка не соскальзывала к плечу, а била по нему до синяков! Большой палец левой руки был не лучше, распухал и становился болезненным. Молодцеватые хлопки все больше превращались в усталое удерживание. «Академик» Ауэр констатировал явления усталости с мягкой улыбкой и изменил свой метод. Он стал беречь свой го-

лос, заменив команды свистком. Длинный свисток означал «счет», а короткий — «три». Когда и это уже не помогало, он легонько оттолкнулся от стены и прошептал:

— Глупость — плохо, леность — тоже. Но глупость и леность вместе — это преступно! Вы не должны делать брачных движений, господа, а усердно овладевать приемами! Втяните, пожалуйста, ваши задницы, господа! Приказа заниматься постельной гимнастикой не было, однако была команда «счет — триии»!

Лечь—встать, лечь—встать! Неужели это никогда не кончится? Ноги стали мягкими, словно пудинг. Плечи горели огнем, а руки ничего не чувствовали. Лечь—встать, лечь—встать! Ауэр ухмылялся, улыбался, словно сатир, а в голове гудело и стучало, казалось, что она стала огромным красным горячим шаром, который вот-вот лопнет! Осторожно, парень! Продолжай, иначе будет хуже! Только не делать неаккуратных движений! Делать так, как будто у тебя только одна задача в этом мире: овладевать приемами! Лечь — встать!

— Абитуриент?

— Так точно, унтершарфюрер! — Лечь — встать! Лечь — встать!

— Вы знаете Ницше?

— Так точно, унтершарфюрер! — Лечь — встать! Лечь — встать!

— А можете ли вы что-нибудь процитировать из него?

— «Будь благословенно то, что делает твердым!» — Это было написано на плакате над входом в лагерь пимпфов. И это пришло в голову, и я выпалил, словно из пистолета.

— Ну, тогда давайте сделаем вас еще жестче, совершенно так, как благословлял старик Ницше!

И все равно одурачил! Чертов лозунг! Проклятый Ницше! Проклятый Ауэр! Я, что называется, попал! И я это понял. Здесь не поможет ни Бог, ни черт, и я напрягся, как никогда до этого в моей жизни. Через несколько минут он снова насмехался надо мной:

— Ну, Ницше? Знаете еще какую-нибудь цитату?

Еще одну? Именно из Ницше? А говорил ли он вообще что-то еще?

— «Будь благословенно то, что делает твердым!»

— Я думаю, — улыбался Ауэр, словно Мона Лиза. — Кажется, это стало девизом всей вашей жизни. Идите сюда.

Он подвел меня к подоконнику и приказал:

— Упор лежа принять! Самый интеллектуальный вариант: ноги на подоконнике. Руки — на полу!

При третьей попытке я ударился лицом о кафельную плитку. Сапоги соскользнули с подоконника, и я свалился, обливаясь потом, безвольный и обессиленный и услышал проклятый голос:

— Ну, Ницше? Вы что-то ищете? Хэй-я — это что, мы начали вечернюю молитву?

И мне захотелось встать. Я был готов, прикончен и тем не менее хотел подняться. Зачем? Неужели я такая бесхарактерная свинья, что со мной можно делать все, что угодно? Лежи, приятель! Прикинься обессиленным! Вытошни свое бешенство на кафельный пол. Хрипи, стони, закати глаза!

— Может быть, вам при ваших поисках еще что-нибудь вспомнилось?

Этот голос — эта проклятая цитата! Да что ему надо от меня, этой свинье, этой собаке?

— «Будь благословенно то, что делает твердым!» — Я встал!

— Хорошо, Ницше! Ваша неисчерпаемая сокровищница цитат просто не дает застать вас врасплох! — Его улыбка стала четче: — «Знание — сила!» Так или нет?!

Тогда я должен был взять две деревянные табуретки. На одной — ноги, на другой — руки, и снова отжиматься, и снова приседать. И я снова упал с табуреток и остался лежать, как мокрая тряпка.

— Вы не хотите больше или не можете больше?

Уни

«Господи, прекрати, чтобы я больше не слышал этого проклятого голоса. Прекрати все! Наконец, прекрати!»

— Да ответьте же, наконец, Ницше!

Я снова поднялся? Неужели я все еще не был прикончен? И вдруг осталось только бешенство! Бессильное, жгучее бешенство и желание вышибить прикладом из проклятого голоса усмешку. Разбить в крошево эту морду! Забить проклятого унтершарфюрера Ауэра до смерти!

— «Если идешь к женщине, не забывай плетку!»

Неужели это был я? Этот хрип, но я совершенно не хотел — я хотел этой сволочи, этому садисту размозжить башку. Я хотел. А потом услышал его смех. Он прислонился к стене и смеялся, смеялся, как и говорил, тихо, цинично, надменно, и я слышал этот смех, который, как казалось, мог принадлежать только ему, настолько громким и раскатистым, как будто смеялась целая рота.

— К женщине! — раздался пискливый хохот. — Да, Ницше, к женщине, и не забудь плетку. Это надо себе представить! — Он почти задыхался и хватал ртом воздух, как будто это он, а не я отжимался и приседал.

— Отправляйтесь в «Берлинер иллюстрирте цайтунг» в качестве эротической карикатуры, и вы получите бешеные деньги! Эх, мальчик, мальчик, идите отсюда, Ницше! Исчезните, чтобы я вас больше не видел, а то я досмеюсь до колик!

Два приятеля отнесли меня в спальное помещение. Уни сказал:

— Все прошло, ложись, мы почистим вещи.

Когда позднее дверь помещения распахнулась и проорали «Смирно!», первый взгляд Ауэра предназначался мне, второй — кожаному снаряжению и винтовке, третий — постели! Мне чуть не стало плохо от страха! Постель! Черт, я же лежал на койке!

Когда же я, наконец, осмелился посмотреть на свое спальное место, на нем не было ничего — ни малейшей складочки, никакого отпечатка тела, даже рисунок простынь совпадал! Ауэр злобно улыбнулся, сказав:

— В порядке, господа! — и, со своеобразным благожелательным взглядом, ко мне: — В порядке, Ницше!

Блондин притянул верхнюю губу к носу. «Унтершарфюрер Ауэр... Где он теперь? Он поступал учиться на фюрера. Сейчас он уже, наверное, унтерштурмфюрер и лежит где-нибудь, как и я, в какой-нибудь грязной яме, дрыхнет или размышляет, как и я. А может быть, изучает карту с боевой задачей на завтра. Может быть, у него тоже тянет желудок, — Блондин улыбнулся, — но что совершенно точно, так это то, что он не думает обо мне!»

Он попробовал нащупать пачку сигарет. Зашуршала бумага. Письмо! «Ханзи пропал в Сталинграде!»

Он закурил и с наслаждением затянулся, сложил руки на животе.

Ночь была тихой.

День четвертый

5 ИЮЛЯ 1943 ГОДА

В 2 часа Эрнст и Блондин побрели вперед, чтобы сменить пост. Он располагался у башни подбитого Т-34. Она упала на пушку, ушедшую глубоко в землю.

Эрнст прислонился спиной к стальной стенке. Блондин лежал, подперев голову руками, и внимательно рассматривал лежавшую перед ним местность.

— Не надо так напрягаться и всматриваться, словно командир подводной лодки. Ничего не случилось, Цыпленок, а перед нами еще первый!

— Тогда зачем мы убиваем время, стоя в дозоре?

— Лежа, Цыпленок. Это чистая трудотерапия. Старая прусская добродетель. Куда деваться, если все войско будет спать?

Медленно начало светлеть. Остов танка в двадцати метрах правее, от которого отлетела башня, был раскаленным и до сих пор дымился. То и дело доносилось металлическое потрескивание, как будто в этой печи еще сохранялась жизнь. Перед постом, в нескольких метрах левее от башни, перед плоской воронкой лежали мертвые русские. Прямым попаданием разнесло их позицию, вышвырнуло минометный расчет вверх и бросило на окоп. Еще правее от них — два убитых немца. Блондин рассмотрел в предрассветных сумерках в холмике на

местности замаскированные дерном мешки с песком, а за ними — мертвых русских. Огневая позиция для второго миномета! Одной должны были пожертвовать, а другая должна была остаться. Закидали ручными гранатами! Блондин вздрогнул. Он ничего не думал, ничего не чувствовал, рассматривал убитых, как будто смотрел фильм из другого мира, не являющегося его миром и который ему совершенно не подходит. Вдруг он почувствовал усталость и положил голову на землю. Она пахла сырой гнилью и гарью. Вот бы поспать, хоть полчасика!

Он подскочил, словно его ударило током! Бушевал ураган, настоящий огненный ураган! Непрерывные треск, грохот и завывание. Ужасный грохот, как будто раскалывалась земля. Это была не артподготовка, это был настоящий ад!

Он встал на колени, упираясь руками в землю. Эрнст стоял, словно собираясь прыгнуть, засунув указательные пальцы в уши, с широко открытым ртом, неподвижно застыв, словно статуя. Все виденное до сих пор было ничто по сравнению с этим. Все прежние артиллерийские подготовки этой войны были просто подростковыми играми. То, что они видели на рассвете 5 июля 1943 года, от чего лопались уши и раскалывались головы, было доведенным до совершенства современным массовым уничтожением, вершиной человеческого помешательства.

Земля тряслась. Мимо пробежали солдаты. Покатили вперед противотанковую пушку. Ревели и лязгали танки. Блондин почувствовал толчок в спину. Эрнст что-то ему кричал, но понять он ничего не мог. Ханс махнул автоматом. Блондин пробежал несколько метров рядом с Эрнстом. Вальтер, Петер и Куно были слева от него, а Пауль, Йонг и Зепп — справа сзади. Ханнес и Уни бежали близко друг от друга. За ними несся своим неподражаемым галопом Камбала. Взятая вчера русская позиция была глубже, чем они думали. Они собрались в последней траншее, частично раскатанной, местами обвалившейся

и полузасыпанной. Было тесно, как в пчелином рое. Они сидели в узкой траншее вместе с солдатами 1-й роты и смотрели на лес разрывов. Большинство курило. Некоторые — спокойно и отрешенно, многие — быстро и нервозно. Когда выстрелы, свист и разрывы изменили тон, солдаты 1-й роты выпрыгнули из траншеи. Эрнст снова крикнул и показал большим пальцем вперед. Хотя Блондин и не мог его слышать, он и без того знал, на что Эрнст хочет обратить его внимание. Огневой вал переместился и начал долбить следующую линию обороны. Блондин встал в полный рост и посмотрел через бруствер. Люди из 1-й роты не особенно спешили. Пока не спешили. Штурмовые орудия ехали широким клином на правом фланге. Слева от первой шло другое подразделение, наверное саперы. Вдруг поднялась пыль! Между наступающими солдатами взлетела земля, и каждый раз, когда поднимался гриб пыли, бегущие люди исчезали. Другие бежали дальше. Столб пыли! Исчезли. Потом поднялись и побежали дальше, и опять столб пыли! Словно ванька-встаньки. «Надо остаться здесь и смотреть, — подумал Блондин, — словно знаменитый полководец, одну ногу слегка отставить, в одной руке — подзорная труба, другая упирается в бок или, лучше, заложена за спину, в окружении благоговейно-восхищенных адъютантов. А потом, как управляющий сражением, задать жару командиру штурмовых орудий, чтобы не отставал. Ну вот, один отстал, коробка задымила. Экипаж выскакивает!» Блондин замечтался так, что обжег пальцы окурком, выругался и посмотрел на Ханса. В тот момент он как раз вскакивал на бруствер. «Черт! Так и не удастся все посмотреть и получить полководческое наслаждение!»

Это называется «зачищать»!

И это началось хорошо. Кто оттуда после такого огненного урагана может еще стрелять? Это будет просто прогулка, и больше ничего. Когда они попали в полосу огня, из которой за несколько минут до этого вышла 1-я рота,

заметили, что некоторые иваны живы и здоровы. Хотя их было немного и огонь они вели скорее беспокоящий, чем сосредоточенный, но осколки оставались осколками. Они решили преодолеть полосу огня не так, как первая. Они попробовали ее перебежать без передышек, не залегая, как можно скорее. И это удалось. Блондин отметил это с удовлетворением и облегченно улыбнулся. Они бежали дальше! «Зачем так торопиться?» — чертыхнулся он и вдруг заметил, что огонь немецкой артиллерии заметно ослабел. Стреляли только тяжелые орудия, снаряды которых разрывались далеко впереди. Он услышал глухие удары, дополнявшиеся тут же долетавшим звуком выстрела. «Рач-бум!»[1] — пронеслось у него в голове. Он вжался в землю и не осмеливался поднять голову. Позади тоже грохнула пушка. «Резко и громко! Танковая пушка! Так это не по нам, это по танкам!» Он осторожно приподнял голову: вокруг — плоская равнина с едва заметными возвышениями. Вспышка! Взрывы и темные столбы пыли. Перед ними — ничего. Никакого укрытия, только гладкая равнина, словно теннисный стол.

«Продвигаться короткими перебежками!»

Эрнст пробежал несколько метров и бросился на землю. Теперь Уни. Ханс машет автоматом, слева бежит Вальтер. Вперед рванулся Петер. Залег! Справа вскочил Йонг. Пауль... «Теперь — я! Вскакиваю, закрываю глаза, и вперед! Раз, два, три... бегу до двенадцати... сколько еще так смешно бежать... наконец... залег! Снова бежит Эрнст. Опять вскакиваю! Еще двенадцать, тринадцать, четырнадцать... Что такое? Свист, щелчки! Пулемет!» — Блондин тянул воздух как насосом. Вокруг щелкали пули, рикошетили и со свистом летели дальше. На этот раз только восемь шагов. Дальше будет еще меньше. Где-то рядом кто-то протяжно и хрипло

[1] «Рач-бум» — так немецкие солдаты прозвали советскую 76-мм дивизионную пушку. — *Прим. пер.*

крикнул. Тут вдруг зашипело и бухнуло. «Этого еще не хватало! Миномет!» Блондин слышал грохот, и каждый удар отдавался у него в голове. Когда он снова бросился на землю, то чуть не уткнулся головой в сапоги Эрнста. Тот повернул голову и слегка похлопал вытянутой назад рукой по земле. Лежать! Головой в грязи! Сверху донеслось пронзительное шипение, потом грохнуло, полетели куски грязи. Блондин почувствовал, как дрогнула земля. Он прижался к ней, положив голову между рук. «Надо быть плоским, как камбала, а лучше быть кротом. — Снова донесся пронзительный свист, за которым последовал разрыв. — Крупный калибр! Как только иванам удалось сохраниться после такого огня?»

Эрнст вскочил:

— Пошли, Цыпленок!

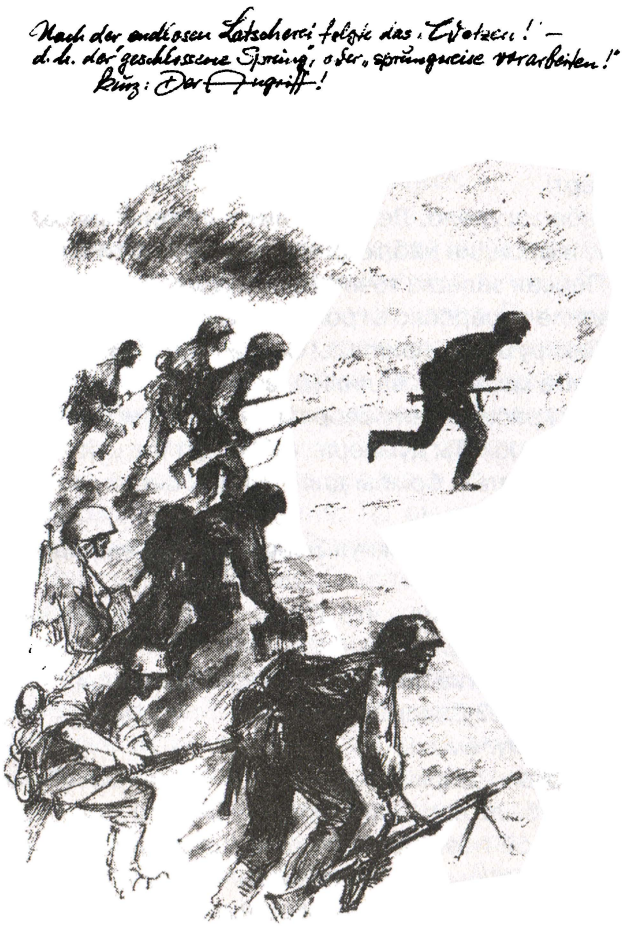
Перед ними разносилось стаккато пулеметов. Это — «сорок вторые»! 1-я рота ворвалась на русские позиции!

Эрнст махнул вправо. Блондин увидел вспышки выстрелов. Это стрелял Пауль. Эрнст и Блондин почти одновременно рванулись вперед. Слева застучал пулемет Вальтера. И снова сверху рассекающий воздух свист! Взрыв! Во все стороны полетели куски земли и камни. Ханс прокричал что-то: «...справа!» Блондин сначала увидел воронку. «Быстрее», — стучало у него в голове. «Быстрее!» — свистели легкие. Он услышал свист пуль и спрыгнул в воронку. «Получилось! Воздуха! Набрать побольше воздуха! Медленно, равномерно и глубоко! Это у меня в груди так свистит?» В воронку соскользнул еще кто-то, при этом перекувырнувшись. Блондин разглядел грязное, залитое потом лицо с открытым ртом — Камбала!

— Ты видел, приятель? Нам до иванов осталось не более сотни метров!

Блондин махнул рукой:

— Если бы это было только одно пулеметное гнездо, ведь слева сидят еще! Вальтер уже остановился. Где остальные?



После бесконечной ходьбы последовала атака развернутым строем или короткими перебежками. Короче — наступление!

Камбала мотнул головой и улыбнулся:

— Слева и справа. Откуда я знаю? Хорошо, что наша артиллерия позаботилась о том, чтобы обеспечить нас укрытием, а?

Блондин осторожно приподнял голову над краем воронки, но потом мгновенно ее спрятал.

— Зато мы, Камбала, застряли! В каких-то ста метрах! Черт!

В небе загудело. Левее от них взлетели сигнальные ракеты, и Блондин наблюдал за пестрым фейерверком.

— Первая залегла точно так же, как и мы!

Гудение переросло в грохот, и Камбала обрадовался:

— Пикирующие, приятель! Сейчас нам станет полегче!

Первые машины свалились в пике.

— Как красиво они поворачивают, ты смотри!

— Придурок! Ты думаешь, они будут бить по пулемету? У них тяжелые бомбы для крупных целей, по артиллерии, понял?

— Цыпленок! — крикнул Эрнст из соседней воронки.

— Я!

— Как услышишь, что Пауль с Вальтером начали стрелять, бежим вперед!

Блондин слегка постучал по каске Камбалы:

— Ты понял? Давай...

Ударили пулеметы.

— С Богом, за фюрера и за весь Германский Рейх!

Кругом были воронки. Первые убитые русские на полузасыпанной позиции передовых дозоров. Пулемет с согнутым стволом как у бумеранга. Блондин споткнулся и упал в неглубокий ход сообщения. За ним грохнуло, вздыбило землю и понесло ее по воздуху. «Минометы! Черт возьми! Наверное, попало в воронки, где мы только что сидели!» Пригнувшись, он продвигался по ходу сообщения. Камбала топал сразу за ним. У входа в перекрытую траншею Блондин остановился, вытащил гранату, сосчитал и закатил ее во вход. После взрыва он хо-

тел пойти вперед, но остановился настолько резко, что Камбала наскочил на него и крикнул: «Ой!» Пулеметные очереди, громкие, резкие, близкие!

— Справа, Камбала! В тридцати метрах!

Камбала хлопал ресницами больших круглых глаз.

— Гранаты! Как скажу «Давай!», приподнимешься над окопом и бросишь! Можешь на них не смотреть!

Снова затарахтел русский пулемет.

— Давай!

Они выскочили, прыгнули на два шага вперед, увидели поблизости русскую пулеметную точку и бросили гранаты. Послышались два глухих удара. Они соскользнули к входу в перекрытую траншею. Траншея раздваивалась и становилась глубже. Почти в десяти метрах она поворачивала и давала укрытие. Пулемет молчал. Слышались крики. Блондин снова вытащил лимонку, бросил ее и после взрыва рванулся за укрытие. Двое русских сидели неподвижно. Тут он увидел третьего и сразу выстрелил в него. Справа по траншее подошли Ханс, Эрнст, Уни и Ханнес. Свистели пули, бившие рикошетом.

Командир отделения спросил:

— Все в порядке? Иван сидит прямо перед нами, за развилкой траншей. Пауль нас прикрывает! Вперед!

Блондин их увидел первым, но не там, где предполагал Ханс, а левее. Первый русский удивленно остановился и хотел поднять свой автомат, когда выстрелы Ханса и Блондина развернули его вокруг своей оси. Второй сразу же упал на него сверху. Третий попытался убежать, но наткнулся на вторую очередь, четвертый, согнувшись, прыгнул на стену траншеи.

— Вход в блиндаж! Осторожно!

Ханнес пробежал к входу, остановился и махнул рукой. Взрыв раздался прямо рядом с ним! «Или он выбежал прямо на гранату, которую уронили иваны, — подумал Блондин, — или ее подбросили из блиндажа?»

Эрнст медленно прополз вперед, к входу в блиндаж, бросил гранату и отпрыгнул назад. Раздались друг за другом два взрыва! Облака дыма и пыли!

Блондин встал на колени над Ханнесом, стал искать перевязочный пакет. Ганноверец лежал лицом к земле и слабо стонал. Скрюченные пальцы царапали землю. Одна его нога до колена превратилась в кровавую кашу из мяса, костей и обрывков кожи. Вторая была подвернута и сломана в лодыжке.

— Убери, Цыпленок, — кивнул Эрнст на перевязочный пакет.

Ханс потянул воздух сквозь сжатые зубы:

— Уни! Останешься с ним, пока не придут санитары!

Он сплюнул, подобрал положенный на землю автомат и медленно прошел мимо входа в блиндаж до развилки траншеи, лег на землю, внимательно осмотрел сложенные мешки с песком, укрепленные деревянными балками, вернулся назад, показал автоматом направо и налево, достал лимонку из сухарной сумки. МГ-42 начал стрелять короткими очередями. Ханс и Эрнст бросили гранаты почти одновременно, Блондин и Камбала — чуть позже. Ханс присел у стены блиндажа и сразу открыл огонь. Эрнст стрелял в другом направлении. Блондин ждал, пока не рассеются дым и пыль, после этого бросил еще одну гранату.

— Гранаты, Камбала!

Берлинец протянул ему две лимонки. Блондин спрятался, выждал и бросил, спрятался, выждал и бросил.

— Гранаты, Камбала!

— Конец. Больше нет!

Эрнст сменил магазин. Русские хотели зайти сзади по перекрытию траншеи. Блондин выстрелил. Один из них свалился на дно траншеи. И снова ударил МГ, рассеяв русских. «Пауль, — подумал Блондин, — где он заляжет?..»

— Тут еще какие-то. — Уни бросил к ногам Эрнста мешок. — Это русские лимонки!

Эрнст выругался — какого черта просто так таскать мешок с гранатами, да еще бросать именно ему под ноги! — однако сразу взял несколько гранат и передал их Блондину.

— Уни, оставайся при Ханнесе, уползай!

Вдруг в окопе появились Пауль и Йонг. Зепп подошел последним и швырнул два ящика с пулеметными лентами в грязь. Он еще ругался из-за того, что эти штуки такие тяжелые, что у него руки скоро будут как у гориллы. Слева кто-то окликнул Ханса. Длинный махнул рукой. Какой-то унтершарфюрер забрался по утрамбованной стене траншеи. За ним появился пулеметный расчет. Ханс с шарфюрером перекинулись парой слов. Унтершарфюрер пошел дальше, тяжело ступая, а пулеметный расчет неуклюже семенил за ним.

— Эти из первой, — буркнул Эрнст, раздавая гранаты.

Ханс спросил про Вальтера.

— Лежит в бывшем русском пулеметном окопе.

Ханс довольно кивнул и повел автоматом:

— Дальше! Держитесь вместе!

Система окопов становилась все разветвленнее. Она обеспечивала укрытие даже тогда, когда часть окопов перепахивалась и засыпалась артиллерией. Удерживались только блиндажи. Они были закопаны в землю необычно глубоко. На открытой местности между ходами сообщения русские оборудовали одиночные окопы, узкие и глубокие, так что стрелок мог стоять в них в полный рост. Они были искусно замаскированы дерном и ветками. Их было почти не заметно, и увидеть их можно было только тогда, когда подойдешь к ним вплотную. Чаще всего их занимали снайперы, остававшиеся в своих укрытиях и дожидавшиеся удачного выстрела даже тогда, когда волна наступающих ушла далеко им в тыл. К сожалению, система окопов служила не только укрытием, но и располагала специальными участками, которые были оборудованы как ловушки. Пулеметные

точки, размещенные на развилках траншей, были приспособлены к ведению огня не только по местности, но и вдоль собственных траншей. Кроме того, русские минометы были пристреляны с большой точностью, а артиллерия безжалостно била по позициям, даже если в траншеях и блиндажах еще оставались свои.

Пауль залег со своим пулеметом и открыл огонь. Йонг подавал пулеметную ленту.

— Давай! — крикнул Ханс.

Они побежали по открытому месту. Блондин видел, как слева и справа бежали немецкие солдаты, слышал сзади резкие выстрелы штурмовых орудий и непрерывные очереди тяжелых пулеметов.

Следующий ряд окопов! Они оказались в них, прежде чем русские успели снять с брустверов свои винтовки. Грохот рвущихся ручных гранат, короткие автоматные очереди! Крики!

Второй ряд траншей был копией первого! Позиции были великолепно оборудованы с глубокими блиндажами, кое-где траншеи были засыпаны и прерывались воронками. Эрнст протянул Камбале русский пистолет-пулемет:

— Он лучше твоего «девяносто восьмого», да и патронов в нем больше.

Два солдата тащили по окопам раненого. Это был унтершарфюрер, с которым только что разговаривал Ханс. Ранение в живот. Один штурман сказал Хансу:

— Мы уже в нашем отделении потеряли четверых.

Заскрежетали гусеницы — затихли — пушечный выстрел! Опять лязг гусениц — стоп — выстрел!

Ханс посмотрел поверх бруствера, сполз вниз и улыбнулся:

— Они едут как раз между нами и 3-й ротой. Ювелирная работа! Именно то, что надо! — Он закурил сигарету. — Короткая передышка. «Тигры» должны сначала взломать перед нами район противотанковой обороны.

Камбала, Уни (вверху), Куно и Зепп. 4 июля 1943 г.

Они сели в окопе и закурили. Только Эрнст остался на ногах наблюдать. Блондин встал рядом с ним и притянул верхнюю губу к носу. Облизнул пот с губ, сдвинул стальной шлем назад и вытер рукавом лоб. Маскировочная ткань потемнела и влажно заблестела. Внутри боевого порядка штурмовых орудий взлетала земля. Они ехали, останавливались, стреляли. Только «Тигры» безостановочно шли вперед. Одно штурмовое орудие задымило. Из другого били языки пламени. Взрывы между танками стали реже.

Эрнст крикнул вдоль траншеи:

— Пауль, справа!

Метрах в ста пятидесяти от их окопа убегали русские. Пауль дал очередь. Левее ударил еще один пулемет.

— Это минометчики, Цыпленок. Удирают от наших танков. Немного поздно, слишком поздно!

Кто-то крикнул: «Вперед!» А Эрнст проворчал:

— Что, опять уже пора в мясорубку?

Танки помогли.

Блондин бежал в отделении последним. «Хорошо слева, хорошо справа. Все шло хорошо, до сих пор только один раненый. Я думал, будет хуже. Боже мой, пусть и дальше все будет хорошо. Слева — справа хорошо». Танки шли полным ходом, не стреляя. «Там, впереди! Это позиции. Позиции минометов. Еще шестьдесят метров. Хорошо. Еще пятьдесят — хорошо». И тут русская пехота открыла огонь. Вокруг защелкали и засвистели пули. Раздался резкий грохот выстрела. «Противотанковая пушка! Неужели танки не все разбили? Или это уже другой рубеж противотанковой обороны? Второй?» Штурмовые орудия снова открыли огонь. А гренадеры пошли вперед короткими перебежками. Слева от Блондина бежал пулеметный расчет 2-го взвода. «Слишком близко, — подумал он, — увеличьте интервал!» На подъеме он упал, услышал позади разрыв и почувствовал удар взрывной волны! Третий номер лежал неподвижно,

ящики с лентами — в нескольких метрах от него. Второй номер полз к нему, и Блондин услышал крик:

— Оставайся внизу, Герд! Оставайся внизу!

Блондин видел пыльные фонтанчики от очереди, видел, как ее след пересек ползущего и как тот дернулся.

— На помощь! Помогите!

И снова крик:

— Оставайся внизу, Герд!

Тот размахивал руками и кричал, хотел подняться, был опрокинут взрывом, дернулся и остался лежать.

Эрнст вбежал в фонтан взрыва! У Блондина перехватило дыхание. Когда облако пыли и дыма осело, он увидел, что мюнхенец бежит дальше. «Черт возьми! — присвистнул Блондин. — Ведь чуть не прибило! А где Вальтер?» И тут он увидел, как Вальтер медленно падает на колени и валится вперед.

Блондин ударил кулаками о землю: «Проклятое дерьмо! Черт возьми! Вальтер!» Мимо пробегали солдаты. Блондин вжал лицо в землю и задыхался. «Только бы не зареветь! Только бы не зареветь!»

Какой-то роттенфюрер присел рядом с ним:

— Что случилось? Тебя задело?

Блондин посмотрел вверх и узнал старого друга Хайнца из 3-го взвода.

— Ничего, Хайнц, хочу только посмотреть, как зацепило Вальтера.

— Вальтера? Он что...?

Блондин смог только кивнуть головой.

— Дело дрянь, но что делать, Цыпленок, ничем не поможешь. — И он хлопнул Блондина ладонью по каске. — Мы должны идти дальше, нам надо догнать своих. Беги, взвод уже на минометной позиции!

Они разошлись, и Блондин попытался улыбнуться, но у него вышла гримаса отчаяния.

На выдающемся вперед участке траншеи он догнал свое отделение. Между развороченных минометов и по-

гибших расчетов он сначала увидел Эрнста, жевавшего за обе щеки. Пауль, Йонг и Зепп брали новые ленты из ящиков, Куно и Камбала курили, сидя друг напротив друга и спорили. Петер сидел в нескольких шагах в стороне от них, один, зажав пулемет Вальтера между колен.

— Где Ханс?

Эрнст показал ножом куда-то в сторону:

— У командира взвода.

Блондин подсел к нему. Когда он подумал о еде, ему стало плохо. Ему хотелось только пить. Он отвинтил крышку фляги. Пойло было теплым и безвкусным.

— Вальтер погиб.

— Я знаю, — проворчал Эрнст. — Все это вообще скверно выглядит. У нас еще ничего. Шестнадцать убитых в роте! Нашему ротному досталось!

— Убит?

— Прямое попадание из противотанковой пушки!

— Лихой был мужик. Знаешь, как он ходил на отдыхе в тыловом районе? В мягких юфтевых сапогах, шароварах, прошитый комиссарский ремень, тропическая рубашка цвета хаки. Словно английский лорд. И в мягкой фуражке с лихим заломом слева от орла.

— И без орденов.

— Точно, Эрнст. Ни одной побрякушки он не носил, ни Железного креста, ни штурмового значка, ничего — было даже странно.

— У него был Рыцарский крест, не то Крест военной заслуги, и он, кажется, этого стыдился.

— Зато хорошенькая жена!

— Жена? Он что, был женат?

— М-м, я видел ее фотографию, стояла у него в комнате.

— У него тогда были разумные взгляды, когда он говорил: «Мне не нужно торжественных маршей и винтовок «на караул». Почетный караул мне не нужен, мне нужны только бойцы с одиночной подготовкой!»

На первой позиции. 5 июля 1943 г.

Эрнст ухмыльнулся:

— «С одиночной подготовкой!» Над этим даже Ханс смеялся. На что сейчас годятся одиночные бойцы, Цыпленок? Ты можешь мне сказать, где, когда и как я могу воевать один? Например, я один против противотанкового района обороны или против минометной позиции? Сражения с использованием техники, и бойцы с одиночной подготовкой? С джиу-джитсу против Т-34? Только в качестве снайпера! Значит, ты еще подходишь под бойца с одиночной подготовкой! — Он рассмеялся. — Но снайперы всегда действуют вдвоем, два бойца — наименьшая боевая единица!

— Но его слова об элите были хороши! — улыбнулся Блондин.

— Мы — элита, а...

— А она всегда впереди! — Эрнст перешел с диалекта на «хохдойч». — И о том, чтобы мы всегда были впереди и первые вступали в борьбу с врагом, об этом я позабочусь!

Эрнст прислушался, схватил друга за рукав:

— Давай, Цыпленок! Там — одиночные окопы! — а отделению крикнул: — Ложись!

Он исчез в окопе. Блондин прыгнул в другой, и тут грохнуло! «Сталинские орга́ны!» Блондин увидел первые разрывы и спрятал голову за кромку окопа. «Великолепный окоп! Вообще, лучшее укрытие! Полная гарантия остаться живым, если только не будет прямого попадания. Кроме того, он почти комфортабельный! Есть узенькая ступенька, чтобы сидеть, и достаточно пространства для ног, так как окоп сильно расширяется книзу. Сделан для того, чтобы продержаться. Если бы была бутылка водки и жратва, то все эти «рач-бум», артиллерия, пулеметы и вся эта дерьмовая война могут идти на... — Он скривил лицо: — Единственное, покакать сейчас нельзя. В животе урчит и булькает — из-за кофе или от голода? Но сегодня вечером надо непременно сходить — с пу-

стой кишкой спится гораздо лучше. Когда же это я ходил в последний раз? Вот тоже большое дело, — он притянул верхнюю губу к носу, — ни в одной книге про войну об этом не пишут. Муштра на казарменном дворе, наступление, артподготовка, товарищество, геройская смерть. Да, но когда и где солдат может сходить по-большому, если приспичит, об этом — ни строчки. Точно так же, как и со страхом. Самое необходимое для всех людей было и будет забыто. Странно, — подумал он, — сижу под огнем «сталинских орга́нов» и думаю, когда могу сходить в клозет. А клозет — это вообще смешно!»

Он глянул за кромку окопа. В нескольких метрах от него показался зачехленный маскировочной тканью стальной шлем. Эрнст тоже осматривается, как и он. «Откуда здесь взялось столько бойцов? Только что прекратился огневой налет, а эти идиоты уже снова побежали». Он узнал Хайнца и окликнул его. Тот рассмеялся, махнул рукой и ответил:

— Мы теперь — авангард! Дрыхните дальше, а мы бежим на Курск!

Ханс прокричал:

— Медленно впере-о-о-од! Держать дистанцию!

Эрнст выругался, повесил автомат на шею, в уголке рта — наполовину искуренная сигарета:

— А у парня хорошее чувство юмора!

— У кого, у Ханса?

— Чепуха! Я говорю про Хайнца!

Снова в ряд тяжело идущих перед ними солдат ударил снаряд. Люди из 3-го взвода вдруг заторопились. Эрнст тоже побежал быстрее и показал вправо от себя. Блондин рванулся туда и услышал нарастающий вой. Когда грохнули первые разрывы «сталинских орга́нов», он на четвереньках влетел в окоп. Эрнст залег рядом с перевернутым набок полевым орудием. Блондин прятался под перевернутым зарядным ящиком. Он глянул вверх — колесо ящика еще крутилось. Он притянул к носу верхнюю

губу — будем надеяться, что в зарядном ящике снарядов уже не осталось. В нескольких метрах от орудия лежали убитые русские. Одному вырвало весь бок. Кишки вывалились и лежали в темной грязной луже. У другого не было нижней части туловища. Между поясным ремнем и сапогами — сплошное месиво земли и крови.

Начали бить танковые пушки. Блондин четко различал их на слух — резкие и громкие — сзади, и глухие и тихие — спереди. Штурмовые орудия и Т-34! Будем надеяться, что русские на этот раз не окопались!

В ходе сообщения, шедшем от позиции полевой артиллерии дальше в глубину советских позиций, снова лежали убитые русские. Один младший лейтенант без лица сидел, прислонившись к стене окопа, позади него стоял на коленях другой — с оторванными спиной и задом. У Блондина перехватило дыхание — словно сырое рубленое мясо — двое лежали друг на друге, перекрученные и изломанные, — следующая позиция артиллерии! Одна пушка перекрывала половину окопа — словно игрушка, подброшенная со своей позиции в воздух и закинутая сюда. Двое русских были прямо-таки приклеены к стенам окопа — взрывной волной их впрессовало в деревянную обшивку и посекло осколками. Посреди траншеи — огромная воронка. В ходе сообщения лежали мертвые — разорванные на куски и наполовину засыпанные землей.

Эрнст и Блондин выскочили из окопа. Кругом рвались снаряды. Блондин отполз назад, залег среди трупов. Летели куски земли и щепки, и он чувствовал их удары по каске и штурмовому снаряжению. Его левая рука попала во что-то липкое и вонючее. Он отдернул руку, снова выскочил из окопа, пробежал немного и спрыгнул в следующий окоп. Снова рядом разорвался снаряд. Лежа он рассмотрел свою руку, испачканную кровавой жижей. Он закрыл глаза и вытер пальцы о кусок дерна.

— Проклятие, проклятие, проклятие! — шептал он. — Проклятие, думают, что мы сейчас прорвались. Что рай-

он обороны взломан, а тут показывается новая позиция! Это как длинный коридор с бесконечными дверями. Выламывается одна, и сразу же виднеется следующая закрытая. Ничего общего с прогулкой! Это скорее тяжелейшее прогрызание, шаг за шагом. Приходится пробивать стены головой, и от этого с каждым разом в башке гудит все сильнее, и снова удар, до сотрясения мозга или пока не расколется череп. Если так пойдет и дальше, наступит Рождество, а мы все еще не прорвемся, не говоря уже о том, чтобы добраться до Курска. И все, что было до сих пор с нашей стороны, — лишь булавочные уколы.

Он встал, пробежал несколько шагов, упал, снова вскочил и бежал до следующего укрытия.

«Где они все?» — и услышал на бегу свист подлетающих снарядов. Уткнулся лицом в землю, послышался взрыв — вскочил, побежал — залег, слушая, как пульс колотится в голове. Сам себе командовал: «Встать! Ложись! Встать! Ложись! — Послышалась пулеметная очередь. — Ложись! — Свистнули пули рикошетом. — Встать! Осторожно!» Взрывом высоко швырнуло землю. Свистнули осколки. «Встать! Бегом дальше!» Он видел перед собой вздымающуюся землю и разрывы, от которых низом далеко разлетались куски земли, а в середине взлетали вертикально вверх черные фонтаны. Высморкался! Проверил, не забилась ли грязь в канал ствола. Русская снайперская винтовка Токарева такого не выносит.

«Снова встать! Боже мой! Это же бешеный нарастающий вой орудий залпового огня! Реактивные минометы! Наконец-то наши! Мы здесь! И все же мы здесь!»

Слегка поднимающаяся равнина содрогалась от топота бегущих солдат. «Теперь иванам придется спрятать головы в грязи, теперь пусть мечутся и ищут укрытие! Теперь мы здесь! Бежать во всю силу ног и легких! Чем большее расстояние мы сейчас пробежим, тем меньше останется до следующей русской позиции!

И снова случилось немыслимое! Вдруг открыла огонь и русская артиллерия! И на этот раз это были не остатки орудий, не беспомощный беспокоящий огонь. Русская артиллерия по всем правилам поставила заградительный огонь — густую огневую завесу перед своими позициями, и в тот же момент затрещали русские пулеметы. Немецкая атака была остановлена.

Блондин отполз в воронку и попытался сделаться как можно меньше, поджав колени к животу, втянув голову глубоко в плечи, прижав подбородок к груди. «Хватит!» — кричали нервы. «Хватит!» — стучало сердце. «Хватит!» — проносилось в мыслях. «Хватит!» — Он крепко закрыл глаза. «Хватит!» Третий взвод попал в самое пекло. У его бойцов — никаких шансов. Это было настолько неожиданно, что они даже не успели отреагировать. Когда ударили немецкие реактивные минометы, они подумали, что мы все сделаем теперь играючи, даже, наверное, ухмылялись, вздыхали, и в таком прекрасном настроении... «Черт возьми, какая ирония, — это то, что Эрнст называет случайностью. Случайность, что 3-й взвод пошел в голове наступления. Случайность! В противном случае там бы оказались мы! Эта проклятая артиллерия! Эти проклятые богом свиньи!» И он закричал на скат воронки: «Сви-и-иньи!» — несколько раз, громко и пронзительно.

Его крик глох в грохоте артиллерии. Он повернулся и посмотрел на небо: «Солнце? Где солнце? Неужели оно тоже раскололось в этом сумасшествии, чтобы не видеть его?» Он притянул верхнюю губу к носу и ощупал себя: «Я мерзну? Но ведь сейчас лето, самый разгар, 5 июля 1943 года. Первый день наступления операции «Цитадель» с применением танков, артиллерии и отборных дивизий, налетами пикирующих бомбардировщиков и ударами реактивных минометов. Такого война еще не знала. А мы залегли. Залегли и ждем, пока иван не разнесет нас в куски!» И вдруг он понял, от чего его

хватил озноб: «Не было внезапности!» Русские, может быть, были захвачены врасплох мощью немецкой артподготовки и скоростью продвижения головных атакующих рот. Но только в общем. И самое удивительное, что для ивана это не внезапность. Наоборот, все выглядит так, как будто он знал, как и где немцы перейдут в наступление! Более того, он знал, когда!

Блондин услышал вой и грохот разрывов, почесал кончик носа: «Никакого эффекта внезапности, поэтому и такая продуманная и хорошо оборудованная оборонительная система, необыкновенно глубоко эшелонированная, и на каждом шагу — сюрпризы. Для этого потребовалось время, даже много времени, и мы сами дали это время русским. Подарок немецкой глупости! Тогда, в марте, после битвы за Харьков, тогда мы остановились за Белгородом. Почему? Тогда иваны убегали. Тогда не было никаких оборонительных линий, не говоря уже о блиндажах, перекрытых траншеях, противотанковых заграждениях, и не знаю, чего еще. Тогда мы были на коне и могли бы покатиться дальше на Курск, и было бы у нас потерь вполовину меньше, чем за один сегодняшний день. Упущенный шанс. Потерянное время. Потерянная техника. Потерянная кровь. Пока мы три месяца прохлопали на то, чтобы мыть и чистить технику, занимались строевой подготовкой и учебными стрельбами по бумажным мишеням, иван окапывался, маскировался, пристреливался и подвозил резервы. И все это — в полном спокойствии и без малейших помех с нашей стороны, с сознанием того, что фрицы точно будут атаковать вон там и вот здесь. И в довершение всего, они знали даже дату. Время начала немецкого наступления! «Цитадель»! Действительно, название соответствует! Какой идиот или ясновидящий вообще его придумал!» Он посмотрел на часы — было без нескольких минут двенадцать.

Дома в это время они обедают. Картофельными оладьями с яблочным муссом? Или бабушка забила кроли-

ка? Белое нежное мясо и кнедлики к нему. «Какой сегодня день? Вторник? Нет, пятница. Да не все ли равно? В любом случае — это расстрелянный день». В двенадцать дома слушают сводку вермахта: «Сегодня на рассвете наши дивизии прорвали оборону русских в районе Белгорода на ширине многих километров и быстро наступают на Курск, — она может звучать как-то так: сегодня на рассвете наши дивизии атаковали русские позиции в районе Белгорода с трехмесячным опозданием, и, несмотря на артиллерийскую и авиационную подготовку, какой еще не бывало за всю войну, после десяти часов все еще так и не смогли прорваться, а лежат в грязи и надеются на чудо» — вот как оно должно звучать!

С неба донеслось гудение. Блондин глянул за кромку воронки — пикирующие бомбардировщики! Волна за волной, очень низко. Он смотрел и ждал, когда послышатся разрывы. За несколько секунд русская позиция превращена немыслимыми взрывами в море огня, дыма и пыли!

Это ли не чудо?

Перед ним побежали люди. Застрекотали пулеметы. Ханс снова замахал автоматом. Слева бежит Петер, чуть позади него — Куно. Блондин бежит длинными перебежками и слышит короткие очереди Пауля. Когда потом слева из пулемета начинает стрелять Петер, Пауль прекращает огонь, и Блондин видит, как он перебегает. Йонг не отстает от него. А на некотором расстоянии за ними бежит Зепп, медлительный, неуклюжий, переваливающийся, в каждой руке — по коробке с лентами. Блондин невольно улыбнулся. Как на полигоне в Шпреенхагене или Глау, как на учениях, как будто приехала инспекция и вокруг, насколько хватает глаз, нет ни одного ивана! Как тогда, в мае: «Пехота — ты королева всех родов войск!..»

Он увидел тормозящие штурмовые орудия. «Бог ты мой, вдруг они оказались впереди нас!»

Стальные коробки переехали первую линию русских окопов, разъехались и открыли огонь по блиндажам и минометным позициям. «Тигры» шли вперед, подминали разбомбленные пулеметные гнезда, давили, размалывали, поворачивали, останавливались, стреляли, обваливали окопы и выходили к противотанковому рубежу.

Следующие волны пикирующих бомбардировщиков накрыли своим ковром, и вдруг Блондин снова услышал их гул. Они летели по одному, пикировали, завывая, словно сирены, и как только самолеты снова поднимали нос к небу, на земле вздымались огромные клубы пыли и дыма.

Ханс, Эрнст и Блондин сидели в одном окопе. Он был еще совершенно целым. Ни воронок, ни насыпанной земли, ничего — только убитые русские. А земля была вся разорвана и разрыхлена, словно гигантскими граблями.

Эрнст покачал головой:

— Да, тут что-то рвануло.

— И никаких воронок от бомб! Что за странные вещи сюда сбрасывали бомбардировщики?

Ханс показал на землю:

— Должно быть, новые бомбы. Они взрываются не от удара, а на подлете к земле и сверху всеми своими осколками обсыпают иванов. Как отвесный дождь!

— Только стальной!

Когда первая волна бомбардировщиков улетела, «штуки» продолжали пикировать, словно ястребы на отдельные цели, и бомбили их.

— Так быстро мы еще ни одну позицию не брали.

— А я думал, что люфтваффе в отпуске.

Ханс взглянул на часы:

— Полдень. — Он потушил свой окурок и взял автомат. — Танки раскатали всю лавочку. Теперь будет полегче. Идемте дальше, господа!

Уни остался позади. Он сидел рядом с Ханнесом и то и дело кричал: «Санитар!», «Санитар!». Когда же они, наконец, появились, он пробурчал что-то о нерасторопных задницах и сонях. Он увидел, как санитар склонился над Ханнесом, ощупал его, пожал плечами и сказал:

— Это ты из-за него так орал? Мы ему больше не нужны.

Уни остался сидеть рядом с Ханнесом и испугался только тогда, когда его окликнул унтерштурмфюрер:

— Спите? Из какой части?

Уни сделал несчастный доклад и показал на убитого.

— Вот и хорошо, парень, — ответил унтерштурмфюрер и махнул своим людям рукой. — Присоединяйтесь к нам, солдат, а потом отправитесь в свое подразделение. Ясно?

Уни долго шагал за чужим отрядом, присматривая при этом подходящее укрытие. Два раза он ругался — первый раз в окопе лежал убитый русский, во втором — немец и русский — оба мертвые. На третий раз ему повезло. Бывшего хозяина окопа убило на открытом месте. Уни остался один и решил сначала спокойно перекусить и выкурить сигарету.

Когда он услышал шум танковых моторов, то выскочил из окопа и побежал. Уже через несколько минут он попал под первый обстрел. Засвистело, грохнуло, полетели камни, куски грязи. Он выглянул из-за края воронки и побежал дальше, до следующего укрытия. Взлетела земля. Он залег. Он задыхался. Поднялся. Пошел дальше, снова залег. Разбитая огневая позиция полевых орудий, слегка поднимающаяся равнина, вся пересеченная траншеями. Кругом разбросанные орудия, рассыпанные артиллерийские снаряды, убитые. То и дело раздается свист, шипение, взрывы. Ждать ему здесь или идти дальше? Товарищи впереди. Вставай и беги что есть мочи до зарядного ящика. Осторожно! Он прыгнул в окоп. Комья земли и камни просвистели над ним, а он втянул голову

в плечи. Он подождал и осмотрелся. Медленно поднялся снова. Там, впереди, кто-то бежит. Это наши. Прячь голову! Разрыв! Это же Куно и Камбала! Он закричал.

Черт возьми! Он почувствовал удар в левую часть головы. На лоб потекло что-то горячее. Наверное, только царапина.

Когда он тыльной стороной ладони вытер лоб, она стала красной. Он осторожно нащупал рваную рану чуть выше брови и переносицы. Попробовал достать перевязочный пакет.

— Куно! — крикнул он снова. Почему этот идиот его не слышит?

Все, надо встать и догнать их. Он побежал задыхаясь. Он должен догнать своих приятелей. Он им нужен, а они нужны ему. Нечего сидеть в окопе, лучше он... Что-то щелкнуло, свистнуло — рикошет! Это из пулемета! Ложись! Он снова посмотрел на свою руку. Грязь с пальцев смыло кровью. Они были красными и блестящими. Он ощупал рану. Кровь. Ничего страшного. Это даже не «выстрел на родину». Ничего! Ничего? И вдруг его медленно начал охватывать страх. Когда он захотел подняться, в стороне от него грохнуло. Он еще почувствовал удар в ногу, потом край каски ударил по циферблату его часов. Стекло разбилось. Стрелка замерла дрожа. Было без нескольких минут двенадцать.

Рота собралась на бывшей минометной позиции. Эрнст решил перекусить.

— Чего-нибудь съешь, Цыпленок? Поход далекий, день долгий!

Когда Блондин увидел хлеб и тушенку, только тогда почувствовал, насколько проголодался.

— Понял теперь, на что пикировали «штуки»?

— На танки в окопах.

— Не только на них. — Эрнст кивнул налево, где чадил остов танка:

— Посмотри еще раз на коробку.

Блондин повернул голову, встал и пошел, держа бутерброд в руках, до стены окопа, поднялся по мешкам с песком, внимательно осмотрел разбомбленный танк, покачал головой и вернулся назад:

— Ни разу такого еще не видел. Хотя и выглядит как танк, но таковым не является. Башни нет, зато у него огромная пушка. Странно.

Эрнст с чувством превосходства осклабился:

— Русское изобретение, мой дорогой. Берут танковое шасси и монтируют на нем 122-мм пушку. Понял? И артиллерия становится такой же подвижной, как и танки.

— Черт возьми! Не ждал я такого от иванов. Так это от них были те тяжелые «чемоданы», которые наделали нам столько беды на втором рубеже?

— Вот именно, Цыпленок. Когда я думаю о том, каким иван был сначала, то понимаю, как многому он научился.

— А когда я думаю, что было бы, если бы бомбардировщики и «штуки» не вмешались, то сейчас бы не жевал этот хлеб.

— Ни один бы хвост сюда не пролез!

— А сейчас я начинаю понимать, в чем было дело.

Блондин проглотил последний кусок бутерброда и достал из маскировочной куртки свои «домашние» сигареты. Эрнст закурил, продолжая жевать, тщательно осматривая свою еду.

— Вся артподготовка пошла насмарку, и даже реактивные минометы, — продолжал размышлять вслух Блондин. — Иваны ушли далеко назад и просто ее переждали. Рассказывали анекдоты о фрицах-дураках и дымили при этом махоркой. А потом перебежали вперед. И все в порядке.

— Если бы не одно «но», Цыпленок. Хотя я до сих пор не очень-то хорошо относился к солдатам в шарфиках, служащих под началом у Германа, но сегодня — без

люфтваффе? Респект! Уважаю! Без них иваны отымели бы нас по полной.

Блондин кивнул:

— Согласен. Осколочные бомбы для пехоты и бомбы для самоходной артиллерии! Это было что-то! Это нам и открыло дверь, через которую прокатились наши танки.

Ханс сидел на ящике с пулеметными лентами.

— Слушать сюда! Наши танки прорвались! Они проехали через позиции 6-й гвардейской армии. Мы должны уничтожить остатки пехоты, оставшейся на позициях. Командир роты считает, что у ивана за позициями есть еще резервы, которые уже начали выдвижение. Так что мы должны ожидать контратаки. Если у них есть еще противотанковые пушки, опять нам придется хреново. Пулеметы в порядке?

Петер кивнул. Пауль тихо ответил:

— Так точно!

Эрнст привалился спиной к стенке окопа и прошептал:

— Вздремну чуток.

Блондин вытянул ноги и зевнул.

— Осталось только узнать, где Уни, — пробормотал он вполголоса и добавил, скорее для себя: — Он уже давно должен был подойти.

— Уни? — полусонно спросил Эрнст. — Он не очень торопливый, опять где-нибудь вляпался. Свернулся в окопчике да спит.

«Может быть, — подумал Блондин, — может быть, он действительно сейчас соблюдает полуденный тихий час и переждал артиллерийский огонь. Странно, почему я все время думаю об Уни? Ведь он уже «старик». Мы уже столько времени вместе, и я не разу не замечал, чтобы он отсутствовал. Сколько я его уже знаю? С рекрутского времени! С тех пор как инструкторы прозвали его восьмым чудом света! Все тогда ругались, только не Уни. Он улыбался и удивлялся и больше не выходил из этого состояния удивления».

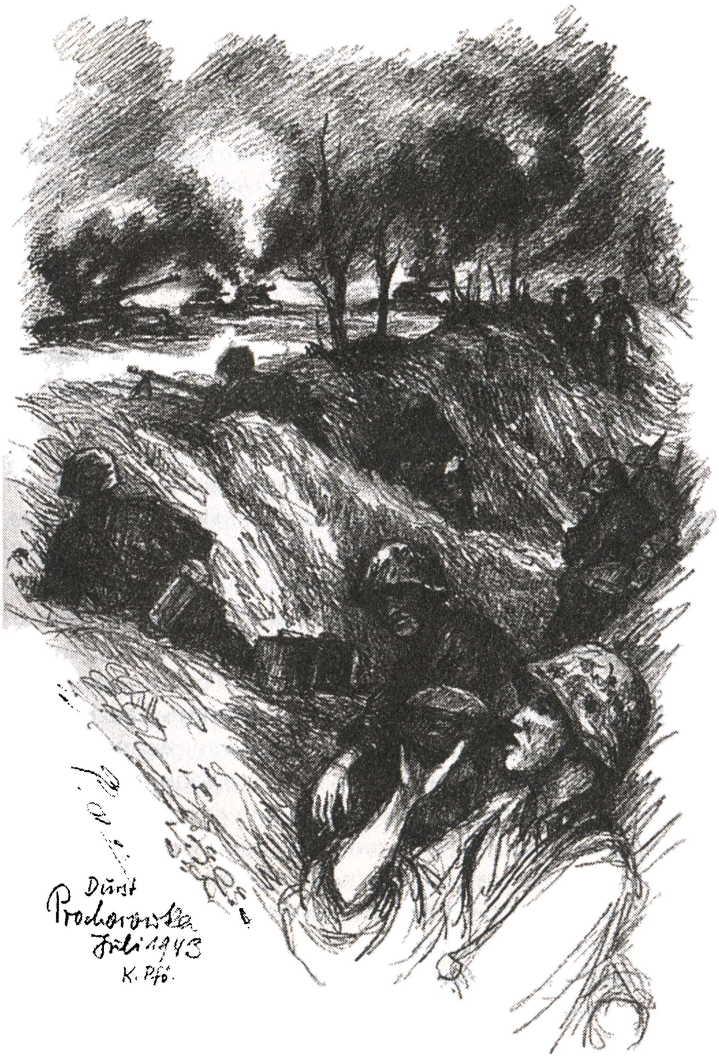
Берлин. Крупный город. Трамваи и метро. Казарма с водопроводной водой, душем и крытым плавательным бассейном. И столовая. И для каждого — постель, а не мешок соломы. И так далее. Для мальчика-пастуха — новый, чужой, прекрасный мир мечты. Но он просто не мог понять, почему инструкторы именно его объявили своим особым другом. И «возвращенец в рейх», и «больная на ноги жертва переселения народов», и как только его еще не называли. Красиво и хорошо, только почему они все кричат и повторяют одно и то же? Рекрут Унэггер знал рейх, естественно, только некоторые его места, зато знал их хорошо. Казарменный коридор, двор и парадную аллею. Уни знал каждый их квадратный сантиметр. И от этого ему не становилось плохо. Естественно, в своих примитивных представлениях выросшего на природе парня он рисовал себе совершенно другие картины «Лейбштандарта», больше имевшие перекос в сторону блестящей формы, парадов, почетных караулов и постов у рейхсканцелярии. Но он принимал и другие стороны, упущенные им. Быть может, горизонтальные упражнения были предпосылкой для более позднего вертикального солдатского существования. Как Богу угодно, так он и будет делать.

Уни был доволен. Он хотел все делать как можно лучше, а в результате все получалось неправильно. Его никто и ничто не могло вывести из себя, он никогда не терял чувства юмора и наблюдал свой новый мир взглядом, о котором инструкторы говорили, что это — «залесная улыбка глаз». Известность в роте ему принес бал-маскарад.

Изобретатель военного маскарада неизвестен. Одно только было точно, что он был весельчаком и знатоком солдатского юмора.

Однажды рота в тиковой униформе построилась в казарменном коридоре.

— Слушать сюда! Вы, стадо свиней! Чтобы отвлечься от служебного однообразия — маленькая шутка. Шутка


Dünst
Prochorowka
Juli 1943
K. Pfö.

называется бал-маскарад, ясно? Маскарад является искусством переодевания и в Рейнской области и в Южной Германии продолжается целую неделю. Часто — до полного изнеможения! У нас маскарад проводится следующим образом: по приказу через пять минут рота стоит в полной походной выкладке. Потом через четыре минуты — в парадно-выходной форме! Через две минуты — в спортивных костюмах. Через пять минут — в парадной форме, и так далее. Усекли?

— Так точно, обершарфюрер!

— Соответственно, лучший в искусстве переодевания получит выходной! Остальные участники маскарада будут продолжать переодеваться дальше. Ясно?

Снова громовое:

— Так точно, обершарфюрер!

— Ну, приступим. Рота, смирно! Через пять минут клуб стоит в полной походной форме! По помещениям, бегом!

Участники маскарада побежали по комнатам, срывая с себя по дороге обмундирование, искали, выхватывали из шкафов в спешке не те предметы, ругались, меняли их, что-то теряли, в спешке вытаскивали из шкафов больше, чем было нужно, напирали, толкались, спотыкались, бежали назад и, наконец, хватая ртами воздух, вставали снова в строй в коридоре. Следовали критические взгляды покачивающего головой инструктора, смех, крики. И конечно же, первый оказался не первым, потому что что-то в его снаряжении было не так, как надо. И он, бедняга, чувствовавший себя уже олимпийским победителем, свергался с пьедестала и через пару минут бежал уже вместе с остальными.

— Через три минуты — в спортивных костюмах! Марш!

Тот же самый театр. Только вещи в шкафу уже лежат не так аккуратно, как до этого, выровненные по сантиметрам.

— Через четыре минуты в тиковом обмундировании!

Продолжительность времени менялась в зависимости от того, как хотел обершарфюрер. Ни один участник маскарада уже не находил те вещи, которые ему были нужны, и теперь начался настоящий маскарад. Только теперь увеличились шансы настоящих мастеров переодевания. Некоторые предметы одежды были надеты одни на другие, смешаны, чего-то было лишнее, чего-то не хватало. И что-то уже было чужое. Возможности комбинаций были безграничны. Появились невообразимые наборы одежды, комичные фантазийные костюмы, точно подходящие под термин «маскарад»! Инструкторы хохотали от удовольствия. Особенно удачные маски премировались.

— Вот вы — выйти из строя. — Толстый от нескольких надетых костюмов участник маскарада вышел из строя. Один наушник головного убора свисал и закрывал глаз.

— Вы что? Косая ночная сова? Солдат?

Будто совы бывают косыми. Но до уровня Полифема — одноглазого великана из «Одиссеи» — инструктор не поднялся.

Застегнутая не на те пуговицы зимняя шинель напоминала огородное пугало. Хотя ремень должен был подтягивать солдата, он принадлежал соседу по помещению, а тот был толще на два отверстия. В результате этого сухарная сумка, фляга, штык и лопата немыслимой кучей съехали вниз, к тому же все они были надеты не той стороной. То, что должно было быть сзади, теперь болталось между ног. Под шинелью у участника маскарада были только спортивные трусы, а голые ноги торчали в сапогах.

Под сдавленный смех (естественно, только инструкторов) маска была премирована и откомандирована для дальнейшего специального обхождения на казарменный двор.

— Через две минуты — в ночной рубахе! И подпоясаться!

— Через четыре минуты — в караульной форме!

Так продолжалось часа два.

— Через четыре минуты — в тренировочном костюме!

— Через три минуты — в выходной форме!

Чего только не может сделать хорошо пригнанная выходная форма! Она придавала ничтожеству, просто нулю, важность и осанку, делала из скрюченного вопросительного знака нечто вроде солдата. Почти солдата. Но, впрочем, то, что сейчас стояло перед ротой, была картина разложения, карикатура, пощечина старому солдату! Ботинки были зашнурованы только наполовину. Черные шнурки тянулись по полу, словно шлейф. Длина штанин была неодинакова. Ремень после предыдущего переодевания в ночную рубаху был слишком сильно затянут. Он так пережимал бедного участника маскарада, что казалось, будто ему грозит опасность быть перерезанным посредине. Высоко подтянутый галстук болтался, словно муха, под подбородком, а пилотка, настоящий хозяин которой имел голову размером с надувной шар, с трудом держалась на ушах. Из-за невнимательности или просто из-за того, что участник маскарада после всех произошедших перемен уже точно не знал, какие предметы относятся к выходной форме, сзади качался футляр противогаза.

Инструкторы топали, хлопали себя по бедрам и орали от наслаждения. Привлеченный хохотом, из дверей канцелярии вышел шпис — очень серьезный, очень официальный и застегнутый на все пуговицы и крючки.

— Как вас зовут?

Под пилоткой — пара испуганных глаз.

— Солдат, у вас что, нет имени?

Послышался нервный вздох и дрожащий голос:

— Унэггер.

— Как?

— Стрелок СС Унэггер, гауптшарфюрер!

Шпис сделал дружелюбно-снисходительное лицо:

— Значит, вы хотите отправиться в увольнение? Так?

— Так точно, гауптшарфюрер! Я... хотел... остановиться... Я... хотел...

Послышался смех. Шпис коротким движением руки приказал умолкнуть, а потом начал смеяться сам — раскатисто и оглушительно. Инструкторы засмеялись вместе с ним. Снова последовало движение рукой — и стало тихо. Установилась гробовая тишина. Подозрительно отрывистым голосом шпис скомандовал:

— Кругом!

Теперь он оглядывал всю маскарадную роту.

— Этот свиной мешок хотел идти в город с расстегнутой ширинкой! Виданное ли это дело? Сколько лет? — А когда несчастный не смог моментально ответить, он закричал так, что задрожали стены: — Сколько вам лет, хочу я знать, вы, ширинка от штанов!

— Восемнадцать, гауптшарфюрер!

— Восемнадцать месяцев, эмбрион?

— Восемнадцать лет, гауптшарфюрер!

Шпис трясся от едва сдерживаемого смеха, словно мокрый пудель, скрестил руки и переступал с ноги на ногу, будто хотел в туалет.

— Восемнадцать лет. — Его голос снова стал угрожающе тихим. — Восемнадцать лет — и не застегнутая ширинка, да еще на выходной форме! — И вдруг он снова загремел, словно иерихонская труба: — И уже такая свинья! В восемнадцать лет этот грязный болт считает, что у выходной формы должна быть расстегнута ширинка. Уже в казарме этот ужас шлюх готов к выстрелу! — Он хохотал так же громко, как и кричал. Инструкторы, конечно, снова хохотали над «восемнадцатилетним ужасом шлюх».

— Но самое главное, — снова закричал шпис, — что парню для этого требуется противогаз! Для соблюдения гигиены, а?

Уперев руки в колени, сильно наклонившись вперед, шпис продолжал хохотать. Вдруг он увидел улыбающихся солдат роты. Его голова, ставшая похожей на помидор, мгновенно превратилась в гипсовое изваяние:

— Смирно!

Рота замерла, забыв про улыбки.

— Свиное стадо хихикает! — загрохотал он. — Насмехаетесь над своим товарищем? Это хуже, чем трусость перед врагом! Я вдолблю вам товарищество так, что у вас ребра осыплются Ниагарским водопадом!

Участники маскарада втянули головы. Инструкторы стояли, готовые к прыжку. Шпис плотоядно улыбнулся. Что последовало потом — известно. Рота узнала различие между средним муштровщиком и мастером муштры. Шпис был корифеем самой рафинированной казарменной педагогики! Для участников маскарада этот день закончился мрачно.

Блондин улыбнулся. Это было сольное выступление Уни! Когда после обучения рекрутов у экспертов в области муштры стали проявляться заметные признаки усталости в превращении сына природы в лейб-гвардейца, они молча или безучастно давали свое разрешение стрелку Уни на выход в увольнение, несмотря на его «залесную улыбку глаз». И этот последний человек превратился в счастливчика. Естественно, не в казарме, там имени у него не было, так как обладатели серебряных шевронов на чисто солдатском жаргоне называли его «улыбчивым», а на улице, точнее сказать, у девушек, он был просто «неутомимым». Быть может, противоположный пол рассматривал его улыбающиеся глаза в совершенно иной перспективе.

«Уни, — продолжал улыбаться Блондин, — стал уже отличным номером, и... — вдруг у Блондина возникло странное чувство, сродни тянущему желудку, — где же он сидит? Нет, чепуха, Уни придет, и иван с ним ничего не сделает». Он снова улыбнулся и постучал спящему Эрнсту ладонью по каске:

— Просыпаемся! Иван бежит!

Эрнст медленно выпрямился и поправил сползший стальной шлем:

— И ты поэтому кричишь, улыбаешься и будишь меня?

Местность была холмистая, разрезанная крутыми оврагами. С точки зрения человеческого разума пройти ее было совершенно невозможно. Глубоко эшелонированные оборонительные позиции с пулеметными гнездами, минометными батареями и рубежами противотанковой обороны, с вкопанными танками и самоходными артиллерийскими установками дополнялись блиндажами, подземными складами боеприпасов, траншеями и ходами сообщений, бесчисленными одиночными окопами и образовывали единую сеть с единой системой огня. Никаких проходов, никаких мертвых зон и непростреливаемых пространств. Совершенство. Единственной ошибкой, оборотной стороной козырной немецкой карты, была открытая спина, осколочные бомбы с бомбардировщиков и пикирующие бомбардировщики.

Когда отделение бежало по лабиринту позиций, никто не говорил ни слова. Блондин тупо смотрел на убитых. Куда ни глянь, лежали убитые русские гвардейцы. На позициях, склонившиеся над своим оружием, они как будто спали. Среди них попадались разорванные на части, раздавленные в ходах сообщения. Кто выжил после атаки с воздуха, попал под прорвавшиеся танки, был расстрелян, раздавлен и вмят в грязь. Блондин уже кое-что повидал на этой войне, но такой массовой гибели, такой жестокости?

«Странно, — он притянул к носу верхнюю губу, — о чем они думали? Первое и самое главное — у них была железная уверенность: здесь немцы никогда не пройдут. Здесь они обломают себе последние зубы. Кроме того, они знали время начала наступления, о своем чис-

ленном превосходстве в людях, технике и вооружении, и вдруг из этого ничего не вышло! Фрицы пришли не только спереди, но и сверху. И когда минометчики, солдаты противотанковой артиллерии и пехотинцы увидели в небе первые атакующие волны, то они очень удивились отсутствию своих истребителей. На большее у них не хватило времени».

Блондин посмотрел на глубокие следы гусениц «Тигра», на гренадеров, которые перед ним, рядом и позади шли по этим следам, видел, как следующие роты «Тигров» шли вперед, штурмовые орудия, бронетранспортеры и противотанковые пушки, видел связных мотоциклистов, ездивших в тыл и на передовую, и улыбнулся — вот он, прорыв! Дверь распахнута, и сейчас через нее помчится все, что имеет колеса и ноги, для того, чтобы идти.

Впереди полыхали пожары.

Начали колотить противотанковые пушки, ударили пулеметы — и вновь в небе загудели бомбардировщики.

Эрнст снял шлем и повесил его на саперную лопатку. Лицо его было грязным, лоб — белым и чистым, волосы — мокрые и слипшиеся от пота, маскировочная куртка на груди расстегнута, рукава высоко засучены. В одной руке он держал русский пистолет-пулемет, в другой — фляжку.

— У тебя есть еще что-нибудь попить?

Блондин кивнул и вдруг почувствовал жажду:

— Идиот!

Эрнст забыл проглотить воду и, не понимая, посмотрел на него, оставаясь с надутыми щеками.

— Да, именно тебя, Эрнст, я имею в виду. До сих пор пить не хотел, и тут ты мне об этом напомнил! Мог бы молча еще подождать?

— Но если я хочу пить... — Эрнст вытер горлышко фляги своей грязной лапой, тщательно завернул крышку и снова повесил фляжку на свою сухарную сумку.

Впереди Ханс крикнул, чтобы подтянулись.

— Теперь поспешим!

Они бежали в ногу, и Блондин заметил, как Эрнст ставит свои запыленные сапоги — параллельно. Про себя он рассмеялся: это была мудрая манера ходьбы — никогда не ставить ноги мысками наружу! Хотя это выглядело элегантно и было хорошо для Курфюрстендамм, но требовало дополнительных усилий, потому что тело при этом легко теряло равновесие. «Параллельно, — объяснял он каждому, кто не хотел его слушать, — ты должен ставить свои ступни параллельно, и у тебя не будет ни мозолей, ни потертостей! Как у индейцев!» Как будто они были лучшими ходоками, чем прусские солдаты.

— Вон там, Цыпленок, — Эрнст показал направо и вперед. — Посмотри, какой тут салат намешали.

Блондин заметил дымящие остовы танков Т-34. Он насчитал их больше дюжины.

— Кто их столько наколотил?

— А за ними еще стоят грузовики и противотанковые пушки.

— Их что, наши танки?..

— Нет, Цыпленок, это, должно быть, «штуки». Когда наши прорвались, русские начали подводить резервы, а те хотели ударить нашим во фланг.

— Хотели!

— Да, когда я снова буду в Берлине и встречу солдат Германа в шарфиках, обязательно их поприветствую.

Блондин рассмеялся. Пошел шире и догнал бежавшего перед ним Петера. Тот сдвинул каску далеко на затылок, на шее у него висела пулеметная лента, пулемет — наискось на плече, лицо его было напряжено и перекошено.

— Закурим по одной, Петер?

Ответа не последовало. Блондин снова достал пачку сигарет и постучал по ее ребру указательным пальцем.

— Ты видел танки?

Он искоса посмотрел на соседа.

— Эрнст думает, что это были уже резервы. Они должны были ударить «Тиграм» во фланг.

Впереди опять загремели танковые пушки.

— Хорошее дело там, впереди, заварилось. Но теперь — успеется.

— Все равно — дерьмо, — проворчал Петер сквозь зубы.

— Ты что? Мы же прорвались! Сейчас иван побежит!

— А мне пофигу. — Лицо Петера было словно серая маска. Желваки перекатывались, пальцы побелели, настолько крепко он сжал пулемет. «Бедняга, — подумал Блондин, — так ему смерть Вальтера ударила по нервам».

— Это ты из-за Вальтера?

Ответа не последовало.

— Ты думаешь, тебе одному так? Я тоже видел, как Вальтер упал. И выл от бешенства. Но чем это поможет?

— Ничем! — это прозвучало, словно скрип зубов. — Пуля в голову, и все прошло! А за что? Можешь ты мне сказать, за что?

Блондин тупо потряс головой. Через некоторое время он сказал:

— За что — всегда один и тот же вопрос, Петер. А ответ, если он вообще существует, ты так же не знаешь, как и я. За что? Всё слова. Мы топали, ехали, жрали, стреляли, и пока мы этим занимаемся, будем спрашивать. И будем спрашивать до тех пор, пока не надо уже будет топать, ехать и стрелять. — Он сплюнул и снова взялся за пачку сигарет.

— Я часто болтал с Вальтером в караулке Имперской канцелярии, и мы часами с ним дискутировали, в то время как другие спали или писали письма. Вальтер учился в Национально-политической академии. Он был полон идеалов. Ты это лучше всех должен знать, ты же тоже был в таком же хозяйстве. Вопросы «За что?» и «Почему?» были тогда для Вальтера самыми дурацкими. Позднее,

после Харькова, мы сидели в одной комнате, и тогда он мне сказал приблизительно следующее: «Ты действительно видишь еще какой-то смысл в происходящем? Действительно ли ты прочно убежден в том, что все это необходимо?» Когда я удивленно спросил, что это за глупые вопросы, он очень серьезно посмотрел на меня, и тут я понял, что это не обычное занудство, а что он действительно спрашивал. Ты понимаешь, что я подразумеваю? Тогда я сказал ему, что до сих пор, по моему мнению, любая война в истории человечества была глупостью, почему наша должна быть исключением? А так как никто не может от нее уберечь человечество, то лучшие были те, кто войну выигрывал.

— Так считает Эрнст.

— Да. Умные принимают решение, а масса его выполняет или должна выполнять. С удовольствием или без него. Инстинкт самосохранения не оставляет никакой альтернативы. Так это у нас, так это было и так будет, пока человечество существует по библейскому завету: «Око — за око, зуб — за зуб!» Каждая армия за что-то воюет. За Отечество! За свободу! За права человека! А что из этого получается, так это — убитые. Миллионы убитых. С Вальтером я больше никогда не говорил об этих вещах, и тем более с Эрнстом. Он, не знаю, как это ему удалось, так и не усвоил политических лозунгов и романтических идеалов ни в школе, ни у пимпфов, ни в «Гитлерюгенде», ни в «ЛАГе». Он — реалист.

— Странный, неангажированный характер. — Черты лица у Петера слегка просветлели. — У тебя сейчас сигареты не найдется? С одной стороны — он воплощение солдата, скорее даже ландскнехта, — я имею в виду Эрнста. Поесть, поспать, провернуть делишки. Для этого у него диалект и спокойствие. Просто показательные! И вместе с ним — другой Эрнст, говорящий на литературном немецком, когда, как ты говоришь, он философствует и при этом выбирает такие слова,

которые подходят к Эрнсту-солдату как горчица к пралине.

— Точно! И он видит это так: проблема войны — не Англия или Америка. Проблема — иван! На самом деле нет никакого сомнения в том, что хочет мировой коммунизм, так же, как и в том, чего хотим мы, национал-социализм! Книги надо читать! И Эрнст это делал, хотя это совсем непросто. Я прочел «Майн кампф» целиком, хотя учителя рекомендовали только отрывки из нее. Я также пытался познакомиться с трудами Маркса, и из Ленина мне кое-что известно. Как говорится, я пытался, однако я не все понял. Слишком теоретически, слишком высоко. Но практика, практика в этой благословенной стране коммунизма дает больше ясности, чем целый год школьного обучения.

— Это Эрнст сказал?

— Нет, я. Ну да, про Эрнста. Он считает так же. Я всегда удивляюсь, что он прочитал и понял еще больше. Но это его причуда!

— По нему не видно.

— Нет, не видно, — улыбнулся Блондин. — Это замечаешь только тогда, когда с ним заговоришь. Вы в Национально-политической академии никогда о таких вещах не говорили?

— Естественно, только этого не мог дать нам ни один преподаватель. К сожалению, практика выглядит иначе.

— Именно об этом я и думаю, Петер, — практика здесь. Боже мой, чего на самом деле достигли иваны? Они ведь такие же грязные, как и при царе. Я подразумеваю широкие массы, народ. Посмотри на нашего крестьянина и сравни. Или на рабочего, на учителя или на еще кого-нибудь. Серп и молот, ими в полном смысле слова создают они свои революционные идеалы человечности. Как дадут молотом по балде, и ты почувствуешь, а если нет, то катятся головы, и для этого прекрасным символом является серп. Удовольствие — в

сторону, Петер, если то, что мы здесь ежедневно видим и переживаем, является всем достижением коммунизма, то упаси боже всех остальных людей и все другие народы от такого счастья.

— Каждый получает то, чего заслуживает.

— Точно. Но так же точно и то, что если они захотят осчастливить нас своим прогрессом и на этот раз, то в отличие от времени после Первой мировой войны, когда они пытались это сделать предвыборными выступлениями, партийными собраниями и местными революциями в Саксонии и Руре, если на этот раз они попрут с танковыми армиями и «сталинскими орга́нами», тогда спокойной ночи. А чтобы этого не случилось, я ношу с собой снайперку, таскаю пулеметные ленты и топаю, согнувшись крючком под этим грузом. Эрнст считает, что разница этой кампании заключается в том, что это уже не война, а ненависть и безусловное уничтожение. Речь о политических целях уже не ведется, здесь на первый план выступает идеология.

— Как во время Тридцатилетней войны. Тогда — религия. Сегодня — идеология.

— Эрнст сказал бы, — улыбнулся Блондин, — идея, или религия — и то и другое значит: верить безусловно, и любая терпимость остается за скобками.

— И ты тогда это сказал Вальтеру?

— Нет, таким хитрым я тогда еще не был.

— И ты, значит, уверен, что мы выиграем войну, Цыпленок?

Блондин снова улыбнулся:

— Я надеюсь. Знаю только, что будет, если мы ее проиграем. — Он воткнул сигаретный окурок большим пальцем в траву. — Хотел бы, чтобы здесь была пара американцев или томми.

— Русских тебе недостаточно?

— Чепуха! Если бы они здесь оказались, у них бы открылись глаза, и они бы не только смотрели, но и поняли бы, что́ хуже — красный или коричневый.

Они бежали рядом некоторое время. Каждый обдумывал слова другого, пока Блондин вдруг не сказал:

— Ты помнишь историю с собакой? — И, когда Петер не ответил, продолжал: — Когда я с Вальтером стоял на восьмом посту у рейхсканцелярии и дворняга чуть не устроила национальное чрезвычайное положение, не помнишь? Ты хочешь меня обмануть или действительно не знаешь этой истории?

— Не помню.

— Нет? Такое было дело, я тебе должен обязательно рассказать.

— Ничего не имею против, к тому же если угостишь еще сигаретой.

Когда они закуривали, Блондин улыбнулся, предвкушая, но потом сразу стал снова серьезным, когда заметил, как кто-то вытягивает сигарету у него изо рта.

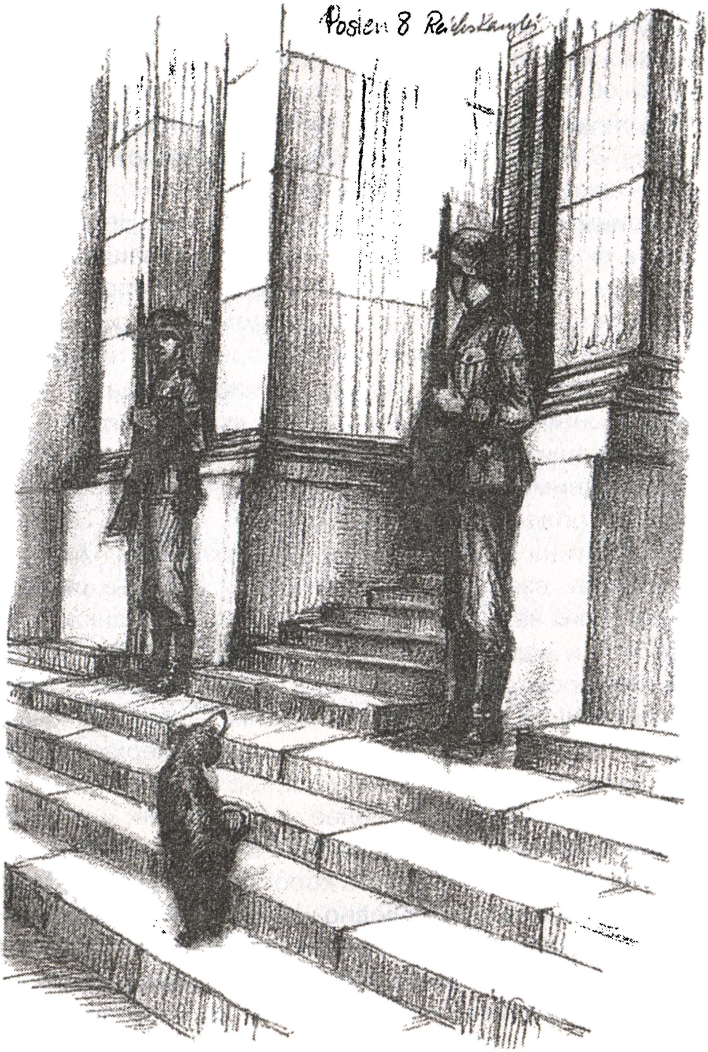
— Прокля...

— Когда рассказываешь, курить не нужно, — улыбнулся Эрнст, рукой с сигаретой постучал по каске, остался стоять и снова немного отошел от Петера и Блондина.

— Типичный, — вздохнул Блондин.

— Типичный, — растянул в улыбке лицо Петер. — А что тогда произошло с собакой?

— А, ну да. Я с Вальтером стоял на сдвоенном посту у рейхсканцелярии. Улица была черна от народа. Все ждали фюрера. Для нас это означало стоять дольше, несмотря на то что нас давно уже должны были сменить. Стоять с карабином «на плечо» и не шевелиться. И даже бровью не вести. Ни на что определенное не смотреть, глаза устремлены вдаль. Конечно же знаешь, когда, например, капля пота сантиметр за сантиметром протекает по складке между носом и щекой, а потом повисает и дрожит в уголке рта. Зудит как тысяча чертей. А следующая капелька уже в пути, и тебе хочется сдуть ту, из уголка рта, чтобы она слетела, хочется почесаться, а ты — не можешь. Или когда течет за воротник, а



Пост № 8 у рейхсканцелярии

потом вдруг начинает зудеть вся спина! Не сильно, а так, немного. Но когда это привлечет внимание, когда ты это заметишь, становится все хуже и хуже, и уже чувствуешь, как болит все тело. Рецепт только один — не думать об этом. Так говорят те, кто ни разу не стоял на посту. Ну да, что меня тогда отвлекло — хоть плачь, хоть смейся! В любом случае пес прошел ограждение и стал ходить кругами по свободному месту. Обычная дворняга с кривыми лапами и хвостом-баранкой. Некоторые люди в форме начали хлопать в ладоши, зашикали, и при этом успешно... особенно среди зрителей, потому что те начали хохотать и отпускать дурацкие шутки. Это доставляло удовольствие и дворняге, и, поскольку он был берлинцем, он сильно огрызался, сел на нижней ступеньке, почесался, оглядел людей в форме, не осмеливавшихся подойти ближе. Потом он стал медленно подниматься вверх, ступенька за ступенькой. От Потсдамерплац донеслись возгласы: «Хайль!» Эта собачья скотина от многочисленных возгласов «Хайль!» испугалась, взяла свое колотящееся собачье сердце между своих четырех лап, преодолела последнюю ступеньку — и вдруг оказалась перед деревянным цоколем. Пес посмотрел вверх. Пара черных лаковых сапог, пара штанин, а то, что было над этим, — для него было высоко. Но это был я. Пес поднял морду кверху и подозрительно обнюхал мой левый сапог. Не знаю, что тогда я чувствовал, но был более чем доволен, что товарищ Хвост Баранкой проковылял к Вальтеру. Гордостью Вальтера были его сапоги: с короткими и узкими голенищами, блестящими, словно черный отполированный мрамор. А потом началось. Кажется, сапоги Вальтера понравились псу больше моих. И в то время как кортеж фюрера сворачивал под ураганные крики «Хайль!» на Фоссштрассе, четвероногий почувствовал нестерпимое желание. От страха и волнения он, недолго думая, поднял заднюю лапу и пустил струю на салонные сапо-

ги Вальтера! И только взрывной грохот каблуков друг о друга перед взятием «на караул» испугал возмутителя спокойствия, и, пока Гитлер поднимался по ступеням рейхсканцелярии вверх, тот пустился на своих кривых лапах вниз.

— И даже позабыл о приветствии, — улыбнулся Эрнст, неожиданно появившийся позади Блондина и Петера.

— Чепуха! Смеялись не только народ и «ЛАГ», но и фюрер!

— Надо мной — нет.

— Как так? — спросили Петер и Блондин почти одновременно.

— Надо мной Адольф не смеялся. — Эрнст был совершенно серьезен. — Хотя... хотя со мной был похожий случай. Это было почти так же, и как раз за год, а может быть, и за два до твоего случая, Цыпленок. И тоже была собака! Случай выглядел совершенно так же, как и твой.

— И тоже на восьмом посту?

— Нет, такие посты меня слишком напрягали. Нет, это было дальше в глубине, в саду.

— А что там было?

— Там я стоял на посту. На самом деле я сидел, а потом — прилег.

— Ты спал на посту?

— Да, задремал. А потом зажурчало, и я вскочил! Брюки и сапоги — мокрые. А пес на кривых лапах с хвостом кольцом — был таков! И слава богу!

— Эрнст, он что, тебя обоссал?

— Да, и слава богу! Потому что почти тут же пришла проверка караулов. Один придирчивый унтерштурмфюрер.

— Ну и? — улыбнулся Петер.

— И я ему доложил.

— О собаке?

— Цыпленок, я что, дурак? Нет, о срочной естественной надобности и невозможности покинуть пост. Я даже получил поощрение! «Приведете себя в порядок, солдат, и освобождаетесь от следующей смены!»

Эрнст осклабился, Петер рассмеялся, а Блондин покачал головой:

— Спать на посту, и вместо ареста — поощрение, и все благодаря собаке!

— Да, слава богу, унтерштурмфюрер не проверил мои кальсоны. А они-то были сухие!

Теперь захохотали все трое, и Блондин кивал Эрнсту, как будто хотел сказать: «В порядке, Петер снова в порядке». Петер резко прекратил смеяться:

— И, несмотря на это, он знал!

— Кто? — спросил Блондин. — Что он знал?

— Вальтер знал, что он погибнет! В последний вечер перед атакой он рассказывал о доме, о своем брате, о школе и о девушке. Ты знаешь, что он еще не спал ни с одной женщиной?

— Вальтер? — Блондин не знал, улыбаться ли ему или притянуть губу к носу. И он сделал и то и другое. — Он? И ни разу? Это шутка, Петер!

— И вовсе нет. Я тоже смеялся, про износ от девушек, но он сам говорил. Без шуток.

Теперь блондин притянул к носу губу: «Странно, а может быть, и нет. Вальтер выглядел изумительно. У него на каждом пальце было бы по девушке. Ему не надо было прибегать к нечестным приемам. Ему достаточно было улыбнуться, и птичка прилетела бы сама. Слишком легко. Без всяких трудностей. Слишком порядочно? Слишком глупо? Или все дело в воспитании? Национальная политическая академия — все чисто. И акробатика в постели — честный мужчина и чистая женщина».

— Странно все это, — сказал он наконец. — Но я думаю, Петер, такого сорта у нас парни еще есть.

Он повернулся. За ним бежали Куно и Камбала. Тяжелый, грубый и мрачный один, длинный, неловкий и трезвомыслящий — другой. И тому и другому — восемнадцать-девятнадцать лет. Правее шли Пауль, Йонг и Зепп. Ни одному из них нет и двадцати. Когда они могли? Когда были пимпфами, школьниками? В восемнадцать — добровольно в армию. Когда? Скорее всего — в армии. Быть может, со шлюхой в Берлине? На нее солдатского жалованья не хватит. С подружкой во время отпуска на родину? Или на полигоне? Или здесь с какой-нибудь «маткой»? Слишком молоды для постели, но достаточно взрослые, чтобы подохнуть. А я? Ну, давай, попробуй. С начинающей, которая выглядит так же глупо, как и я. И в отпуске с солдатской женой — да и тогда скорее из-за жареной картошки.

— А он еще сказал, — Петер прервал его размышления, — «чем на самом деле была моя жизнь до сих пор? Ни профессии, ни свободы, ни дня без присмотра, никогда не делал и не мог делать то, что хотел, не говоря уже о собственных решениях. Только идеализм, и наше знамя ведет нас вперед! Имеет ли это смысл?»

— И снова вопрос, Петер, из тех, что были. Но все-таки один раз он решил!

— Да, добровольцем в «ЛАГе».

— Ерунда! Если тебя должно было достать, то достанет, даже если бы ты попал в армию спасения!

— Правильно, Эрнст! Но его последние слова были скорее от разочарования.

— А что он сказал? — спросил Блондин.

— «Наступит время, когда после меня останется дерьмо». — Блондин задумался над словами — есть ли такое знание?

— А когда я из-за сказанного на него напустился, он отмахнулся. Сказал: «Оставь. У моей матери еще четверо».

— Чепуха! — отбросил свои сомнения Блондин. — Перед атакой у каждого мандраж. Много говорят, много ожидают, один выбалтывает то, о чем многие думают, и...

— Я это уже когда-то слышал, Цыпленок! — проворчал Эрнст.

— Да, а потом из этого складывается второе лицо солдата-фронтовика. Написано в каждой книжке про войну. Неразрывно связано, как сосиска с горчицей. Или ты веришь в эту брехню?

Петер уставился прямо перед собой, серьезный, напряженный, с посеревшим лицом, и прошептал:

— Нет, Цыпленок, в это — нет.

— Рассредоточьтесь, вы, идиоты! — крикнул Ханс.

Блондин улыбнулся и обратился к Куно и Камбале:

— Это он вам!

— Сам ты такой! — ответил Камбала. — Когда вы друг другу морочите головы — это стратегия! А когда я хочу что-то вколотить в тыкву Куно, то я — идиот!

— Может быть, и я тоже? — проворчал Куно.

— Ты — нет, Куночка, — мы все, черт возьми, идиоты! Причем законченные!

«Главное, есть над чем посмеяться, — улыбнулся Блондин, — если бы мы этого не могли, то это был бы показатель морального состояния отделения. Меткое слово, но логичное, сверхлогичное, когда думают о том, что ругань, наконец, есть последнее, что остается бойцу. А когда и последнее уже не проходит, то плохо дело обстоит и с моралью, и с войсками».

Запахло нефтью и дымом.

Горящий танк был русским Т-34. Ханс сказал что-то про 6-ю гвардейскую армию. Но теперь здесь было танковое кладбище. «И станет танк для нас стальной могилой...» А видел ли хоть раз этот поэт вот такую стальную могилу? «Поразит нас смертельная пуля, настигнет нас

А потом пошли они — контратака! Танки против танков, а между ними — гренадеры. Результат: кладбище танков. (Танковое сражение под Прохоровкой 11–13 июля 1943 г.)

рок...» Смертельная пуля? Смертельная пуля — хорошо. Прямое попадание из противотанковой пушки! Голову водителя снесло напрочь, наводчика разорвало, куски мяса прилипли к броне, а сама коробка горит! Может быть, кому-то удалось выскочить, катался по земле, орал так, что душа вылетала через глотку, а нефть прожигала ему мясо до костей. «Настигнет злой рок!» Бог ты мой, а я ведь еще тоже подпевал! Громко и вдохновенно, от души! Разве можно петь такие слова? Не думая, не понимая, когда эти слова только на языке, а не в мозгу?

Земля была серо-коричневой, твердой, высушенной солнцем, гладко отмытой дождем.

Они маршировали, и Блондин видел только свои ноги. Запыленные сапоги с заминами от ходьбы и круглыми носами. Над ними — серые шаровары, и равномерное движение левой — правой, левой — правой. Глаза перескакивают с левой ноги на правую и обратно, а между ними — твердая, как кость, земля. Перед ним — такие же монотонные шаги Эрнста. Рядом, как направляющий шнур, — отпечатавшийся след танковой гусеницы. Это была бы хорошая заставка для «Вохеншау». И у нижней кромки кадра попеременно появляются левый и правый грязные сапоги, снятые сверху. У верхней кромки — более мелкие, и соответствующие экрану, каблуки Эрнста, при подъеме сверкающие полукруглыми подковками. От правого нижнего угла экрана — вверх к середине, в сокращенной перспективе — след гусениц. Земля в движении — не резко. А в качестве музыкального сопровождения — только шум шагов. Жестких и тяжелых, раз-два, и скрип камней. Слегка приглушенно — выстрелы танковых пушек и пулеметные очереди. Никакого комментария, никаких победных фанфар, никакого специального сообщения. Только появляющиеся в ритме шагов титры: «5 июля 1943 г. Район Березова. 17 часов 28 минут».

Было жарко. Взгляд Блондина скользнул с подметок идущего впереди на пятнистые брюки и выше — на лопату, штык, сухарную сумку и остановился на фляге. Губы его горели. Он положил ладонь на чехол, почувствовал слабое бульканье и подумал: «Можно или надо еще подождать?», и пока в нерешительности взвешивал все «за» и «против», он услышал грохот артиллерии. Подметки Эрнста продолжали двигаться в том же темпе, и Блондин улыбнулся. При грохоте можно продолжать заниматься своим делом. Другое дело, если раскаты тихие и далекие или слышен тонкий приближающийся свист, тогда не остается ничего другого, как зарыться в землю. «Тренировка для ушей», — сказал Эрнст, когда Блондин, впервые услышав пролетающие над головой с тыла тяжелые снаряды, распластался на земле, в то время как «старики» спокойно продолжали идти дальше. Но при нарастающем свисте другие тут же ложились, а он хотел идти дальше. Хотел... Тогда его просто снесло с ног, но все, слава богу, хорошо закончилось. «Тренировка для ушей! Надо расслышать скорее шипение, а не вой! Реагировать инстинктом, а не разумом!»

Беспокоящий огонь русских накрыл практически всю округу. Послышались пулеметные очереди. Эрнст поправил шлем на голове и покосился направо. Роты сходили с танкового следа и отклонялись вправо. Блондин притянул верхнюю губу к носу и задумался: «Направление удара, как и раньше, остается прямым, а мы... Неужели там еще иваны? — И тут он услышал нарастающее шипение сверху, бросился на землю и прикрыл голову руками. — Минометы! Снова! Значит, снова оттачивать действия ваньки-встаньки». На пересеченной местности почти ничего не было видно. Он посмотрел правее, на «Тигры», которые шли немного позади. Они повернули башни. Сверкнул огонь. На бегу он увидел разрывы впереди себя, потом залег и наблю-

дал, как танки медленно двинулись дальше. Он повернул голову — Ханс махал автоматом. Кругом — слегка волнистая местность. Перед ним остановился Эрнст и прокричал:

— Вон там укрытие!

Блондин побежал длинными перебежками. Пули жужжали словно рой пчел. Он пробежал еще немного и спрыгнул в укрытие. Это была широкая траншея, выкопанная только наполовину. Эрнст ухмыльнулся:

— Ты уже здесь?

Блондин сидел на корточках, положив винтовку поперек колен, и хватал ртом воздух.

— Это должен был быть противотанковый ров, — услышал он голос Эрнста. — Здесь его не докопали, там дальше он значительно шире.

— Насрать на ров.

— Не на, а в ров, Цыпленок. Вряд ли поблизости есть лучшее укрытие. — Он помолчал и критически покачал головой. — Только когда иван начнет по ним стрелять, то он нас поимеет! Ты меня понял?

Он понял. Пауль стоя прислонился к стене рва и стрелял короткими очередями. Ханс побежал дальше, взмахом приказав идти за ним. Они пробежали мимо Петера, который так же, как и Пауль, стрелял, стоя во рву. В конце оборудованного противотанкового рва Эрнст присел на землю и буркнул с улыбкой:

— Перекур!

Когда к ним захотели присоединиться Камбала и Куно, он начал ругаться:

— Берите по сигарете и проваливайте, здесь слишком тесно!

Ханс вернулся.

— Слушайте сюда! Короткий привал, пока не подойдут танки. Потом — вон из мышеловки и со всеми чертями — по открытому полю.

Парни кивали и курили. Ханс сел и проверил свой пистолет-пулемет.

— Еще одна позиция? — спросил Эрнст.

— Нет, должно быть, отдельные отбившиеся отряды. Если мы это пройдем, — он указал головой в сторону русских, — вернемся снова на главное направление. — Он улыбнулся: — Наше преимущество в том, что мы уже не будем первыми.

— Будет ли спокойной ночь?

— Думаю, нет. Или иван начнет контратаковать, или нам придется идти маршем дальше. Должны идти дальше и задавать темп.

Громко и резко ударили танковые пушки.

— Пора! — Ханс встал и посмотрел из укрытия. — Вперед, господа!

Огонь обороняющихся был слабым. И когда «Тигры» ворвались на русскую запасную позицию, для русских осталось лишь две возможности — погибнуть на месте или смотаться. Сначала они попытались прорваться в тыл. Для этого им пришлось выскакивать из своих окопов. Пауль открыл огонь первым, потом пулеметы ударили и слева и справа, покосив убегавших людей. Но они продолжали попытки, а пулеметы срезали их в нескольких метрах от окопов. Когда гренадеры ворвались на позицию, первые русские пошли к ним навстречу с поднятыми руками.

Блондин внимательно следил. Стрелки-гвардейцы были крепкими парнями, некоторые без касок, коротко остриженные, со светлыми лбами и обожженными солнцем грязными лицами, как будто на лбах у них были белые повязки. С собой они несли раненых. Один обеими руками держался за живот. Между пальцами сочилась кровь. Он улыбнулся и кивнул Блондину. Блондин улыбнулся в ответ, вынул изо рта сигарету и сунул ее русскому в зубы. «Черт возьми, — подумал он при этом, глядя вслед стрелку-гвардейцу, — у него ранение в жи-

вот, тело распорото поперек, он зажимает рану руками, улыбается и курит! Что за парни!»

Эрнст склонился над стонущим офицером. Рядом стояли двое русских. Они принесли сюда раненого на плащ-палатке. Лица их были испуганно-озабоченными, и они пристально смотрели на раненого. Эрнст сложил у рта ладони рупором и закричал:

— Санитар!

— Куда его ранило, Эрнст?

— Спроси лучше, куда его не ранило!

— Кажется, его любили. — Блондин кивнул на обоих гвардейцев.

— Действительно, на редкость. Обычно они не слишком заботятся о своих начальниках.

Два санитара склонились над раненым.

— Что там с этим человеком? — В кругу вдруг оказался командир взвода, повернулся к Эрнсту и Блондину: — Нечего тут глазеть! Бегом к своему отделению!

Уже на бегу Блондин услышал, как он сказал:

— Перевяжите его. Эти два ивана могут отнести его на перевязочный пункт.

— К тому времени он уже умрет, — прошептал Эрнст.

— Да, если бы он был одним из нас. Но иваны выносливые! Ты видел того, раненного в живот?

— Держался отлично, даже и не подумаешь!

«Тигры» остановились. Люки были открыты. Экипажи сидели сверху. Некоторые стояли рядом и разговаривали. Один из танкистов угостил «Шокаколой». Блондин в ответ предложил ему «домашних» сигарет.

— Круто вы тут прошлись, — улыбнулся он. Шоколад был теплым и прилипал к пальцам.

— Мастера! — ответил парень в черной куртке. — Если бы не проламывать противотанковые рубежи, война была бы почти прогулкой.

— Сегодня утром было по-другому. Потеряли много?

Танкист кивнул. С башни донесся голос:

— А у вас? Наверняка еще хуже. Мы видели убитых перед дотами.

Блондин глянул вверх. Командир — оберштурмфюрер — был совсем мальчишкой со светлыми волосами. Специальный экземпляр германской расы для рейхсфюрера СС, но еще цыпленок, настоящая молодая затычка. Гладкая кожа, он выглядел свежевыбритым, не хватало только, чтобы от него пахло одеколоном. Только глаза. Глаза — старые. Рыцарский крест висел несколько косо. Рука, державшая сигарету, была тонкой, как у девушки.

— Ты давно уже в войсках?

«Что? Он обратился ко мне на «ты»? Так, само собой разумеется, и фамильярно. Как будто нет никаких орденов и званий? Этот, конечно же, не отдает приказ механику-водителю: «Роттенфюрер Шмитке! Заведите мотор и медленно езжайте!» Он говорит: «Трогай, Генрих!»

— С Харькова, оберштурмфюрер!

— Наверное, вместе с ним? — женская ручка указала на Эрнста.

— Так точно, оберштурмфюрер! — «Откуда он узнал или сразу же приметил, как и почему двое подходят друг другу?» — Но он еще дольше! С начала русской кампании! До этого я служил в батальоне охраны!

Командир танка озорно улыбнулся и, когда его окликнули с другого танка, слегка приподнял руку, небрежно помахал и сказал:

— Пока, мой дорогой, держи ушки на макушке. Еще будут паршивые дни.

У Блондина перехватило дыхание: «Пока, мой дорогой!» Как педераст! «Хайль Гитлер» ему тоже не подходит. Типичный гражданский. Мальчишка в форме, к тому же с Рыцарским крестом и старыми усталыми глазами».

— Цыпленок, ты что, с ним за одной партой сидел?

— За одной партой? Почему?

— А почему тогда «ты» и «пока, мой дорогой»?

Танкист, угостивший их шоколадом, рассмеялся:

— Среди наших старших так принято.

А подошедший роттенфюрер добавил:

— А этот со всеми на «ты».

Эрнст покачал головой и улыбнулся:

— Никакой дисциплины! Так войну никогда не выиграть!

Они рассмеялись.

— Эй, люди, идем дальше! — окликнул их Пауль.

Они кивнули танкистам, и уже на ходу Блондин сказал:

— Если вы нам будете нужны, мы вас позовем!

А Эрнст не смог сдержаться:

— Пока, мои дорогие!

Некоторое время продолжали идти, словно на прогулке. Потом перед ними снова открыли огонь, и они прислушались. «Тигры» проскрежетали мимо. Вперед выехали противотанковые пушки. Русская тяжелая артиллерия открыла беспокоящий огонь.

Блондин шел за Эрнстом, замыкая отделение, медленно и механически жуя жесткий хлеб с тушенкой. «Из-за этих узлов сопротивления, — ругался про себя он, — мы все еще не можем прорвать оборону. Неужели эти проклятые оборонительные линии никогда не кончатся? Стоит только подумать, что дело сделано, что иван теперь побежит, вдруг — бум! Снова лежишь носом в дерьме перед новой позицией!»

Ударили пушки «Тигров». Их неожиданный грохот испугал Блондина, и он поперхнулся куском хлеба. Разрывы участились. «Дерьмо! — прошептал он на бегу. — Опять тот же самый фейерверк!» Огонь обороняющихся усилился и превратился в непрерывный грохот. «Тигры» шли на полной скорости, а гренадеры продвигались за ними короткими перебежками. Блондин прыгнул в пло-

скую воронку. Он задыхался. Он тупо смотрел в землю и слушал, как колотится пульс. По лицу бежали ручьи пота. Руки были влажными. Тяжело он перевернулся на бок, подтянул ногу и приподнялся, упершись правой рукой. Он осторожно приподнял голову и выглянул из-за края воронки. Перед ним лежали три человека. Один из них кричал. Левее горел танк, над которым поднимались густые черные клубы дыма. Пушка свисала над правой гусеницей. Блондин окликнул людей:

— Эй, ползите сюда, сюда!

Один потащил раненого рывками, метр за метром. При каждом рывке раненый кричал. Третий остался лежать. Блондин посмотрел на повернутое к нему лицо — темное, обгорелое. Он приподнялся, схватил раненого и затащил его в воронку.

— А что с тем? — спросил он.

Сапер-штурман повернулся и хотел снова вылезти наверх. Блондин удержал его:

— Ему тяжело досталось?

Сапер хотел что-то сказать, губы его шевелились, но голоса не было, и он только кивал головой. Один солдат подбежал к неподвижно лежащему, лег рядом с ним, затащил его себе на спину, отполз в сторону и исчез в воронке. Это был кто-то из наших. Ханс?

— Оставайся тут с ним, пока не придут санитары, понял?

Блондин побежал к воронке, в которой исчез Ханс с раненым. Впалые щеки, расстегнутая маскировочная куртка, под ней — серый мундир, черная петлица со звездой унтершарфюрера, Железный крест I класса, «штурмовой значок», значок «За ранение», а ноги... «Как у Ханнеса, — подумал он, — тут никакие перевязочные пакеты не помогут».

— Оставим его лежать здесь, — сказал Ханс, разматывая следующий перевязочный пакет. — Санитары сейчас подойдут, приятель. Они отнесут тебя в тыл.

Он глянул на Блондина:

— Как там у нас наверху?

— Хорошо! Но они побежали дальше. Нам тоже пора!

— Нам пора, приятель! Счастливо!

Впалые щеки. Большие глаза. Разорванные ноги. Если его вовремя доставят в тыл — тогда ампутация. Может быть, лучше ему остаться лежать. Протезы, каталка, если... Если он вообще выживет!

Воронок становилось все больше. Гремели пулеметы, танковые пушки палили непрерывно!

Блондин бежал мимо горевшего «Тигра». В нескольких шагах от него лежал танкист — сожженный, скрюченный, только по рукам можно было узнать, что это было когда-то человеком. Блондин сглотнул и залег. «Проклятый стальной гроб. Мы еще можем увертываться от пуль, когда грохнет. Но они, сидя в своем ящике, не слышат ничего, кроме своего мотора. Едва ли что-то видят, а когда бабахнет, то вовремя выбраться могут лишь случайно. Нет, — он поежился, — лучше уж ходить пешком!»

Русские перенесли огонь дальше, в глубину.

Когда он побежал дальше, то увидел, что Пауль махнул рукой. Свистнули пули. Ложись! Отдышаться, встать, глаза закрыл, и вперед! Танковые пушки гремят, пулеметы строчат! «Лечь! Встать! Лечь! Встать! Как много это тренировалось, до проклятия! А сейчас я это делаю добровольно, автоматически, без кричащего командного голоса! Добровольно? Конечно, я бы сейчас с удовольствием остался бы лежать, добровольно. Но зачем же я встаю и бегу дальше? Лежи, идиот! Лежи...»

Он упал в нескольких метрах от Пауля, увидел небольшую кучку земли, на которой лежал пулемет, перевернулся на бок, достал лопатку и осторожно стал набрасывать землю перед головой. Когда его «кротовья

кучка» была готова, он снова перевернулся на живот и довольно улыбнулся. Пауль что-то крикнул ему, но он не понял и переспросил:

— Что случилось?

Глаза склеивались от пота и грязи, и он потерся лицом о рукав.

— Зепп? Где?

— Слева от тебя. Слева! Видишь его?

— Да, он двигается. — «Проклятое дерьмо! Еще один. А под таким огнем ничего не сделаешь! Ждать. Можно только ждать». И ему показалось, что прошла вечность, прежде чем стал стихать огонь. Он приподнялся и крикнул Паулю:

— Я бегу к Зеппу!

И вот он его увидел. Зепп лежал на животе, руки — под грудью, ноги подтянуты, скрючены.

— Куда, Зепп? Куда тебе попало?

Зепп застонал.

— В живот? — Блондин залег рядом с ним и попробовал перевернуть его на бок. Руки Зеппа были в крови, веки плотно сжаты. Рот перекосился, верхняя губа задралась. Блондин слегка выпрямился, расстегнул на нем ремень, задрал маскировочную куртку и рубашку, стал ощупывать спину, от ребер к животу. Липкий, влажный горячий. Две раны. Выглядит, как сквозное ранение.

— Тебе повезло, Зепп!

— Что с ним? — Эрнст присел рядом на каблуки.

— Я думаю, сквозное ранение.

Эрнст немного приподнял стонущего и положил его на бок. Они наложили на раны пакеты и плотно их забинтовали.

— Лежи спокойно, Зепп. Санитары уже в пути.

— У тебя прекрасное «попадание домой», — рассмеялся Эрнст. — Лазарет, отпуск по ранению. Что тебе еще надо?

Зепп попытался улыбнуться.

— Зепп, если бы ты был иваном, то побежал бы сам на перевязочный пункт, напевая при этом молодецкую песенку.

— Но я же не иван.

— Да, но сигаретку уже закуришь?

— Эрнст, мотоцикл! — крикнул Блондин и замахал руками: — Санитар! Санитар!

Мотоциклист развернулся, поднял руку и остановился.

— Ты видел санитаров?

Связной поднял очки и кивнул назад:

— У них сейчас «горячий сезон». Что, ваш приятель тяжело ранен?

Эрнст покачал головой:

— Ранен навылет. Самое большее, потом будет страдать от изжоги, если переест. Можешь его забрать с собой?

Мотоциклист снова надел очки.

— Возьму его на обратном пути, тут недолго! — И уехал.

— Тихо, как в церкви.

— Тихо? Да, после такого фейерверка, может, и тихо. Наши танки сейчас у иванов, поэтому у нас спокойно. Зепп, ты слышал? Мотоциклист на обратном пути возьмет тебя с собой.

— А мы уходим. — Эрнст сунул ему еще одну сигарету за ухо. — Поправляйся и дома не слишком усердствуй!

Они помахали ему руками, Зепп улыбнулся и слабо поднял руку.

Эрнст и Блондин потихоньку пошли вперед. Танки прекратили огонь и поехали по позиции. Вовсю трещали пулеметы. Слышались разрывы ручных противопехотных и противотанковых гранат. Перед первой линией окопов они нагнали свое отделение.

Камбала испуганно остановился и что-то рассматривал. Вокруг лежали убитые немцы.

— Пошли дальше, Камбала! — Блондин подхватил берлинца под руку.

— Нечего тут смотреть. Здесь кто-то из 3-го батальона. Нам снова повезло.

Он обошел кучу человеческих тел, споткнулся о каску и выругался. Вокруг лежали коробки с пулеметными лентами, винтовки, автоматы и кругом — мертвые: разорванные на куски, изрешеченные, раздавленные танковыми гусеницами. Стоял отвратительный смрад. Запах прилипал к языку и плотно обволакивал нёбо. Они пробежали мимо подбитого Т-34. Одна из его гусениц свисала со стенки окопа, словно огромная змеиная кожа. Рядом сидел, сжавшись, мертвый русский офицер. Перед ним на спине лежал убитый немец, наполовину приподняв руки, словно собираясь сдаваться. Двое русских наполовину свешивались с бруствера. Камбала снова остановился и приподнял свесившуюся на грудь каску офицера.

— Боже мой! У него лица нет!

— Если бы у него было все на месте, то он бы не был убитым, ты, дурак!

Куно кивнул, а Эрнст с чувством превосходства посмеялся над замолчавшим наконец Камбалой.

Раздался взрыв, и стена траншеи обвалилась. Эрнст выругался, стряхивая комья земли с шеи. Ханс побежал вперед, крикнув:

— Они стреляют по своим позициям! Берите ноги в руки и пошевеливайтесь!

Они побежали сквозь взрывы. Услышав нарастающее шипение, бросались на землю, ждали разрыва и бросались дальше, напряженно ожидая подлета следующего снаряда. Эрнст показал на подорванный дот. Перед ним лежали мертвые саперы. Земля была выжжена дочерна. Запах стоял ужасный.

— Огнеметы! — с трудом переводя дух сказал Эрнст. — Кошмар, правда?

Свистящее шипение — взрыв! Земля взлетела к небу! Она еще не успела опасть, как рядом поднялся следующий фонтан. Снаряды падали непрерывно.

— Смотри, Цыпленок!

Карли, парень из управления взвода, его знали все. По профессии он был весельчак и эксперт в анекдотах. Теперь лицо у него было бледное как мел, зубы его стучали, кусая растрескавшиеся губы. Эрнст упал, буквально зарылся в землю и рукой вдавил каску Блондина.

— Ниже, Цыпленок!

Своим неизменным баварским ножом, который он постоянно носил за голенищем, он осторожно разрезал маскировочную куртку Карли на плече и предплечье. Тот дернулся и закричал.

— Осколок. Предплечье и ребра! У тебя есть еще пакеты? — Эрнст перевязывал крепко и быстро. Ватные пакеты еще быстрее пропитывались кровью. Они услышали только первое шипение и разрыв, последовавшие слились в сплошной грохот, забрасывая траншею кучами земли. Они вжались в стену траншеи, слыша только этот нестерпимый постоянный грохот. Блондин закрыл глаза. Пахло сожженной нефтью землей. Его ноги упирались в обугленный труп. «Вонь, огонь, проклятые нервы, жара, ожидание! И это ожидание — хуже всего! Ждать, слушать, ничего не делать, не видеть, только слушать, нюхать и ждать! Беспомощно ждать и надеяться, что не попадет туда, где сидишь!» Он захотел отвлечься и начал лихорадочно вспоминать книги и фильмы об артиллерийских обстрелах времен Первой мировой войны. «Тогда они часто целыми днями сидели в своих укрытиях, ждали и надеялись. Кто-то сходил с ума, кто-то доходил до того, что уже ничего не слышал и не соображал, а другой уже даже мечтал об избавительном прямом попадании». Но его мысли не помогали. При каждом на-

растающем свисте он крепко прижимал голову к стене окопа, поднимал выше плечи и сильнее поджимал ноги к туловищу. После каждого разрыва он снова приподнимал голову, расслаблял плечи и ноги. Это было постоянное чередование напряжения и расслабления. Но через некоторое время осталось только напряжение. А огонь продолжался, словно гроза с непрерывными ударами грома, только более пронзительными и душераздирающими. Огонь вдруг усилился еще больше!

Проснулась немецкая артиллерия!

«Наконец-то, — подумал Цыпленок и попробовал подтянуть верхнюю губу к носу, — наконец-то!» Вой реактивных минометов проник в его мозг, и он даже попытался улыбнуться.

Огненный ураган бушевал во всю силу!

Летели комья земли, свистели осколки. Труп сожженного русского и сапоги Блондина почти засыпало. Со стены траншеи осыпалась земля. Покрытый грязью стальной шлем приблизился. Лицо под ним словно припорошено серой пудрой. Такая же грязная рука, и белая сигарета, и хриплый голос:

— Покурить не хочешь?

«Ну и мужик этот Эрнст! Что за нервы! В этом аду он думает о курении! Но он правильно делает. Курение успокаивает. Или это только понимание, что надо что-то делать?» Блондин кашлянул. Губы распухли, язык прилип, нёбо саднит. Снова дождь камней и грязи. Они сидят лицом к лицу, и Эрнст ухмыляется, выпускает дым сквозь зубы. Поднимается рука с флягой, и Блондин снова притягивает верхнюю губу. «Я ведь тоже хочу пить, конечно!» И он снимает свою флягу, тоже поднимает ее, провозглашает: «Прозт!»[1], и оба улыбаются. Когда раздается очередной взрыв, они поворачивают головы и прижимают лица к стене траншеи. Когда душ из грязи

[1] Прозт! — «На здоровье!» (*нем.*) — *Прим. пер.*

Под обстрелом

прекращается, они снова поворачиваются друг к другу, смотрят друг на друга, отпивают по глотку и пытаются улыбнуться. И ожидание становится уже не таким тяжелым, даже напряженное вслушивание, запах и невозможность что-либо делать.

Но они были уже не одни. В траншее прошло движение. Блондин глянул за плечо. Два санитара тащили плащ-палатку, из которой свешивались две ноги в сапогах с высокими голенищами. Должно быть, старший офицер. Стена траншеи перед санитарами взлетела пыльным столбом и обвалилась. Когда пыль немного осела, санитары спокойно двинулись дальше. Они подошли ближе. «Карли! Бог ты мой! Карли...» И он крикнул Эрнсту:

— Эрнст, Карли!

Там, где лежал раненый, был холмик осыпавшейся земли. Они подползли и стали копать саперными лопатками, пока не показался кусок маскировочной куртки, потом — предплечье, плечо, шея, грязь и разорванное мясо. Нижней челюсти не было. Эрнст высыпал полную лопату на кровавое месиво, опять прислонился к стенке окопа и от отчаяния начал втыкать лезвие лопаты в дно окопа. Удар за ударом в одном и том же ритме. Блондин смотрел на него некоторое время, потом положил руку на кулак своего друга и покачал головой.

Санитары забирались на кучу земли. Свисавшие из плащ-палатки сапоги тащились по грязи. Снова раздался взрыв. Шедший позади санитар свалился на колени. Палатка упала в грязь. Второй санитар одним прыжком оказался рядом с упавшим, повернулся, вытянул плащ-палатку вверх и снова опустил ее, взял раненого товарища на закорки и тяжелыми шагами побежал дальше. Еще один взрыв обрушил на них потоки земли. Блондин закрыл глаза: «Черт возьми!..» Санитары, словно тени, исчезли за поворотом траншеи. «Ну и нервы у них, мой дорогой! Боже мой, и зачем? Если бы они немного по-

дождали, может быть, и офицер еще был бы жив, и приятель не был бы ранен. Может быть...»

Огонь понемногу стал стихать. Блондин напряженно прислушивался. Да, огонь стал слабее, по крайней мере русский, потому что немецкие батареи продолжали выбрасывать в небо реактивные снаряды.

— Кого они несли?

Блондин пробежал несколько метров до брошенной плащ-палатки. Глянул под нее и побежал назад. Эрнст прикурил две новые сигареты. Он ничего не спросил. Они сидели, курили и слушали взрывы снарядов, падавших вокруг. Эрнст отряхнул маскировочную куртку и брюки, повесил автомат на шею.

— Кто-то из знакомых, Цыпленок?

— Нет, какой-то гауптштурмфюрер, я его не знаю.

Они собрались вместе. Ханс был доволен. Все были на месте.

Быстро стемнело.

Роты шли через глубоко эшелонированную позицию, оборудованную дотами, извиваясь длинной колонной. Горящие танки освещали разрушенные доты, наполовину засыпанные ходы сообщения, разорванные трупы. Перед районом противотанковой обороны дымили подбитые «Тигры» и штурмовые орудия. Перед дотами лежали убитые, в основном — немцы. Узкая полоска неба еще светилась глубоким темно-бордовым цветом.

Но вечер почти не принес прохлады.

Слева продолжали греметь танковые пушки. Эрнст проворчал:

— И ночью покоя нет!

Никто не ответил. В тыл проходили раненые, устало, медленно, тяжело. Блондин удивился, что не видит пленных, и спросил повстречавшегося раненого. Тот, кусая губы, буркнул невнятно:

— Они предпочитают лучше сдохнуть.

В последней линии траншей сидели и лежали солдаты 3-й роты. Неспособные идти раненые дожидались машин с продовольствием и боеприпасами, которые ночью на обратном пути должны были забрать их в тыл. Танки стояли темными скоплениями и ждали горючего. Гренадеры пересекли окопы и вышли на открытую местность. Брякали котелки, футляры противогазов скребли о лопатки. Никто не разговаривал.

Ночь была жаркая и душная, как и день. Все были потные.

— Окопаться!

Ханс руководил своими людьми, распределял посты.

— Мы должны охранять танки, пока они не заправятся. Потом отправимся дальше!

Эрнст нарезал хлеб толстыми кусками, клал на них куски тушенки и раздавал товарищам. Вторую банку тушенки он приготовил к использованию и держал носками сапог. Они молча жевали, понемногу отпивая из фляг, и смотрели на языки нефтяного пламени.

— Склад горючего. Такие горят часами.

— И воняют.

— Зато что-то можно увидеть.

— Да, если они пойдут в атаку, то будет даже хорошо.

— И не думай об этом.

— Почему?

— Слишком много было ударов по ним. Они так быстро не восстанавливаются.

Эрнст наелся и стал раздавать сигареты. Блондин сделал последний глоток, прополоскал горло, перевернул флягу и сказал:

— Всё. Когда же подвезут снабжение? — Он напряженно пытался держать глаза открытыми. Он устал как собака, голова его стала клониться и клонилась до тех пор, пока шлем не стукнул по рукам, лежавшим на коленях.

Эрнст улыбнулся, поднял выпавшую изо рта у Блондина сигарету, загасил ее и сунул своему другу за ухо.

Их оставалось восемь. Ханс, длинный командир отделения, — старший. Если принимать во внимание срок его службы, то для своего отделения он был Мафусаилом. Когда он стоял на посту у рейхсканцелярии, остальные еще прижимали свои сопливые носы к витринам магазинов игрушек, чтобы высматривать там железную дорогу или замок с рыцарями, посасывая леденцы. Для молодых Ханс был воплощением «ЛАГа». Любое сравнение с ним завершалось комплексом неполноценности. Но оставим это. Впрочем, кое-что удивляло их. Что-то не соответствовало Длинному. Хотя вся его грудь была увешана орденами, а на рукаве не было места для нашивок за подбитые танки, в его петлице поблескивала всего одна звездочка, и то слишком матовым блеском. Эта бедная, одинокая звездочка раздражала их, и уже очень давно. Ее было мало, по их мнению, слишком мало. И когда они сравнивали своего командира отделения с офицерами, то они выглядели блеклыми на его фоне, если не сказать ничтожными. Эрнст сказал как-то, что Длинный не может ехать на родину ни со своими начальниками, ни с подчиненными. Как типичная «фронтовая свинья», он не найдет, что делать в чуждых ему неписаных и писаных законах вне фронта. И поэтому свое дальнейшее продвижение по службе откладывает, в общем-то, он сам. Это невезение для Длинного — счастье для отделения, для Пауля и Йонга — близнецов, для Петера, у которого с момента смерти Вальте-

Вальтер Вайследер

ра пропало прикрытие, для Камбалы и его прилежного слушателя Куно, и для Эрнста — как всегда равнодушного, спокойного и сытого, и для Блондина.

Дори, этого маятника, болтающегося между фронтом и тылом, они увидели только ночью. Его ждали как Деда Мороза, потому что он вез не только боеприпасы, а прежде всего продовольствие. И кроме того, он всегда знал последние новости. Быть может, «поломка» будет у него на обратном пути. Хотя шпис смотрел на это по-другому, но старшине виднее!

День пятый

6 ИЮЛЯ 1943 ГОДА

Его разбудил лязг танковых гусениц. Он глянул на часы: почти полночь. Эрнст сунул ему под нос зажигалку и улыбнулся:

— Возьми за ухом.

— За ухом? Что за ухом? — удивленно спросил Блондин. Эрнст вытянул у него из-за уха окурок и вставил его Блондину в губы.

— Можешь дымить один?

Мимо проезжали «Тигры». Блондин скривил лицо. Всякий раз, когда он слышал мерзкое скрежетание и лязганье гусениц, у него мурашки пробегали по телу со спины, через темя на затылок. Кожа съеживалась, и он становился словно собака, у которой шерсть встала дыбом, но не от злобы, а от страха. Затарахтел мотоцикл с коляской. И голос позвал:

— Эй, вы, сони! Приехало бюро добрых услуг!

— Да это Дори! — Эрнст вскочил и закричал в ответ:

— Дори! Мы здесь!

Мотоцикл снова затарахтел, подъехал ближе и остановился. Тень соскользнула с сиденья и подняла очки на каску.

— И как ты сразу нас нашел, Дори? И без поломок! Что скажешь по этому поводу, Цыпленок?

— Просто мастерство, Эрнст, а может, и что-то другое?

— Случай, — улыбнулся мюнхенец. — Просто случай.

— На самом деле так, — проворчал Дори.

— Что на самом деле?

— Точно так, как мне сказали из третьей, что наш отряд лежит перед танками и что два невероятных придурка — там же. — Дори улыбнулся: — Описания личностей лучше и быть не могли.

Остановились вездеходы «Штейр». К ним побежали солдаты. Загремели котелки. Возбужденный шум приглушенных голосов.

— Боеприпасы и жратва доставлены, — сказал Дори, показав на темные силуэты машин.

— И это ты говоришь только сейчас? — разозлился Блондин и собрался бежать к машинам. Эрнст удержал его:

— Цыпленок, дай Дори сигарету «с родины».

— Да, но... — Он прикурил сигарету. Эрнст сел на сиденье водителя задом наперед, а Блондин прислонился к заднему сиденью. Дори зарылся в коляске и достал оттуда, наконец, и поставил на землю две коробки с пулеметными лентами, а рядом положил несколько дисков к русским автоматам.

— Снабжение для Пауля и Петера.

За ними последовали две буханки хлеба и две банки тушенки.

— Специальный рацион из твоей бельевой сумки, Эрнст.

Два котелка — у Эрнста загорелись голодные глаза, и он облизнул губы. И снова непередаваемый голос Дори:

— Жирный гуляш для господ!

Он осторожно приподнял из коляски термос и прошептал:

— Чай, господа. К сожалению, термос не полный, хотелось бы заметить. А теперь — сюрприз! Смотрите, вы, стоптанные сапоги, что привез для вас дядя Дори! — Он вытянул руки перед Эрнстом и Блондином с лимонами на ладонях. Когда оба снова обрели дар речи, Блондин хлопнул Эрнста по плечу и рассмеялся:

— Дори конкурирует с тобой! Смотри, он еще превзойдет тебя!

Эрнст кивнул, покачал головой, как лунатик, и прошептал:

— Такого, дорогой мой, я от Дори не ожидал! — При этом он не забыл переложить консервы в свой футляр от противогаза.

Сначала они наполнили свои фляги, порезали лимоны и осторожно протолкнули их через горлышко, потом отпили по большому глотку, снова наполнили фляги и тщательно завернули крышки. Потом они мелко нарезали хлеб и насыпали его в котелки. Дори окликнул Камбалу и, когда берлинец наконец подошел, шикнул на него:

— Бери термос с чаем и раздай напиток. Если бы подошел пораньше, то эти, — он кивнул на Эрнста и Блондина, — столько бы не выпили.

Он прикурил сигарету «с родины» и стал внимательно смотреть, как Эрнст с Блондином уничтожали гуляш.

— После долгой прогулки на свежем воздухе так поесть особенно вкусно, — прочавкал Эрнст.

А Блондин рассмеялся:

— Лучше, чем в Белгороде, не так ли?

Эрнст пропустил шутку мимо ушей и обратился к Дори:

— Может, съешь чего?

— Нет, — усмехнулся тот. — Я уже сыт. А теперь — освободите место. Мне еще надо к ротному. Возить продовольствие — это моя частная инициатива.

Он подошел к мотоциклу, нехотя сел за руль и завел мотор.

— Сейчас же вернусь обратно.

Эрнст вымазал насаженным на кончик ножа куском хлеба соус от гуляша со дна своего котелка, прищелкнул языком и удовлетворенно рыгнул. Блондин продолжал спокойно есть дальше. «Что за обжора! С такой обезьяньей скоростью очистил полный котелок гуляша, да еще полбуханки хлеба!» Он улыбнулся, дочиста облизал свою ложку и сунул ее в сухарную сумку.

— Эрнст, можешь доесть мое? Я наелся до отвала.

— Хм? Пока ты не выбросил?

Блондин закурил: «Я же совсем забыл, надо было еще в полдень это сделать!» Он расстегнулся, достал из сухарной сумки серую оберточную бумагу, оставшуюся от пирога, и присел на корточки.

— Свободное время, можешь как раз здесь и посра...

Эрнст отставил котелки в сторону, продолжая ругаться про себя. Блондин с облегчением улыбнулся, засыпал полной лопаткой земли свое облегчение, снова застегнулся, прицепил лопатку к ремню, как раз на животе, и сказал:

— Теперь опять хочется пить.

— Еще бы! Пожрать, выпить и наложить большую кучу на поле! Может, тебе еще чего-нибудь?

Дори примчался обратно и крикнул:

— Все ясно?

Мимо проезжали бронетранспортеры.

— А что новенького, Дори?

— Сверни-ка мне, Эрнст, штучку, нашему Цыпленку в активе еще понадобятся. Значит, так, мы прорвались, так, по крайней мере, говорят. И так на пятнадцати километрах по фронту, все русские позиции начисто взломаны.

— Только тебе понравилось.

— Знаешь, Эрнст, да. Все шло без меня.

— Пятнадцать километров, — промолвил Блондин и почесал подбородок. — Это настоящая дыра.

Огневая позиция. Июль 1943 г.

— Огромная дыра!

— «Рейх» и «Мертвые головы» тоже проскочили. Тяжелее всего пришлось «Великой Германии».

— Это благодаря их новым танкам.

— А потери, Дори?

— Очень большие. Особенно у передовых рот.

Блондин почувствовал комок в горле, поперхнулся и откашлялся.

— А что дальше?

Дори глубоко затянулся, с наслаждением затянул дым через верхнюю губу в нос, задержал его, а потом выпустил.

— Танки и штурмовые орудия полным ходом идут на Обоянь. Мы бежим следом. А что танки оставили позади себя или не заметили — ну, да вы уже знаете. Иваны, пропустившие танки, назад отходить не могут, но и в плен особо уже не сдаются.

— Значит, теперь пойдем легче.

— Да, — кивнул Дори. — Но до тех пор, пока иван не подтянет резервы. Тогда вам снова придется туго.

— Почему?

— «Почему?», — передразнил Эрнст Блондина. — Не выставляй себя глупее, чем ты и так уже есть, Цыпленок! Надо топать, а если повезет — ехать, пока русские не подтянули резервов. Где они их держат — я не знаю. Но когда они окажутся здесь, то их начнут колотить танки, а мы займемся пехотой. Приблизительно так будет, Цыпленок?

— Точно так. Кроме того, перед вами еще находится пара дрянных районов обороны, противотанковый ров и железнодорожная линия и...

— Ничего себе? И больше ничего?

— И Обоянь!

— Не могу больше слышать этого дрянного названия!

— Тогда я скажу: излучина Псела, — пошутил Дори.

— Что это еще за ерунда?

— То же самое, Эрнст. Первое — название места, второе — ландшафта. Должно быть, прекрасные места с равнинной речкой Псел. Ну ладно, шутки в сторону, я поехал. Возьму еще с собой двух раненых. Счастливо!

Он завел мотор, два раза повернул ручку газа.

— Пока! Вам привезти чего-нибудь особенного?

— Отпускной билет!

Они рассмеялись, Дори помахал рукой, включил передачу, дал газ и так круто развернул мотоцикл, что колесо коляски оторвалось от земли.

— Видел бы это его друг — техник!

— Ему такое совсем не надо. Дори и так каждый раз нарывается на разнос!

— Две странные птички.

— Они нужны друг другу. Один без другого — только полпорции.

Они потащились к отделению. Эрнст бросил две коробки с пулеметными лентами на землю:

— Для Петера и Пауля от Дори!

Ханс посмотрел на них и сказал:

— Можешь их сразу помочь нести.

Они снаряжали ленты, а Эрнст ругался на Дори и на портящий настроение груз патронов. Все рассмеялись.

Ночь была теплой.

Роты двинулись вперед.

Эрнст и Блондин шагали друг за другом. Слева от них — Камбала, Куно и Петер. Справа — Пауль и Йонг. Во главе — Длинный Ханс. Все они были в шароварах с напуском. Преимущество — пыль не так быстро набивается в сапоги. Единственный консерватор — Ханс. На нем — суконные брюки, по дедовскому обычаю заправленные в голенища со складкой спереди. У него необычайно длинные ноги, а из-за короткой маскировочной куртки они кажутся еще длиннее. Полная противоположность ему — Камбала. У него длинная маскиро-

вочная куртка свисает почти до колен, как полупальто. Блондин улыбнулся: «Как длинный сюртук в вермахте, так называемый сюртук «в память о кайзере Вильгельме», также прозванный «курткой от несчастных случаев», «защищающей колени от солнечных ожогов»!» Куно то и дело оборачивался. Опять они спорили. Петер не встревал.

«Неужели он снова идет с перекошенным лицом, серьезный, мрачный, тупо смотрит перед собой и думает о Вальтере? Пауль и Йонг идут в том же ритме, стабильно. Одного роста, одной комплекции, одно целое. Их объединяет их пулемет. Да... А Эрнст и я? Эрнст снова топает как индеец. Единственный с непокрытой головой. Всклокоченные волосы слиплись от пота. О чем думает? О жратве? О Мюнхене? О бокале холодного пшеничного пива? Пить ему всегда хочется. В крайнем случае, он даже пьет чай с лимоном. Скучно идти вот так, но все же лучше, чем бежать на позицию с дотами. К жаре постепенно привыкаешь. Жажда тоже переносима. Если, конечно, не думать сразу о пиве и о тенистом пивном садике».

— Эй, Цыпленок!

— Что?

— Ведь ты же знал Вальтера лучше, чем кто-либо из нас?

— Может быть. Во время рекрутчины и в батальоне охраны я жил с ним в одном помещении. Часто вместе проводили время. Вместе учились на саперных курсах в Шпреенхагене. На съемках фильма в Бабельсберге. Во время кампании по сбору зимней помощи перед дворцом УФА. Вальтер справа — я слева. Посредине — Сара Линдер! Что это ты сейчас вспомнил о Вальтере?

— Не знаю. Видел, как он погиб. Так дома представляют себе геройскую смерть. Во время атаки удар в «тыкву» — и все... К сожалению, Цыпленок, не каждому дано такое счастье. Большинство подыхает в муках!

— А к чему твой вопрос о Вальтере?

— Да, мой Цыпленок, вот в чем дело. Вальтер был для меня типичным представителем подрастающего поколения. Я думаю, как снаружи, так и изнутри. Для него все было определено. Из многодетной семьи — в национально-политическую академию. Чистый, понимаешь, что я подразумеваю? Порядочный во всем. Чтобы не звучало напыщенно, я бы сказал — чистый. Чистый в своих мыслях и идеях. Чистый и ясный в своем поведении и убеждениях. Подрастающее поколение, Цыпленок! Элита — не из реторты, а из смолы! И все же он был здесь? Да, и именно в него, блестящего чистого и порядочного парня попало. Рядом с ним бежало полно всякой малышни, но нет. Попало именно в него. Разве это справедливо?

— Сейчас ты занимаешься тем, в чем упрекаешь меня, когда говоришь «задумался, Цыпленок?». «Задумался, Эрнст?» Ты же знаешь старую поговорку: первыми гибнут лучшие — остается дерьмо.

Эрнст улыбнулся и вытер пот с лица:

— В соответствии с этим я должен остаться, так?

— Чепуха! Это не имелось в виду!

— И все же я умру в постели. Я это знаю.

— А от чего, ясновидящий ты наш?

— От того, что сильно обожрусь и упьюсь пшеничным пивом.

— А я? Про меня ты тоже знаешь?

— Это нетрудно. Умрешь во время спора. Скорее всего, задохнешься, потому что часто будешь втягивать лужи в ноздри.

Они рассмеялись. Наконец, Блондин сказал:

— Странно, Эрнст. Знаешь, что я хотел бы знать? — А когда Эрнст не ответил, продолжил: — Знать, как будет после войны. Представь, война прошла, а мы бы встретились через пять или десять лет после нее.

— Думаю, ты хочешь стать учителем. Тогда все ясно. Ты будешь в гимназии. — Он покачал головой и поправился: — Да, в национально-политической академии, естественно. Будешь женат, с детьми, мальчиком и девочкой, как предписано, будешь ругаться на налоги и на тещу и первого числа каждого месяца будешь получать свою монету.

— А ты женишься на дочери хозяина пивоваренного завода и будешь жить за счет ее собственности.

— Лучше за счет пива.

Блондин стал серьезным:

— Без шуток. Ты думаешь, что мы, наше обстрелянное поколение, вообще сможем жить нормальной гражданской жизнью?

Эрнст задумался и почесал нос.

— Думаю, да. Хотя сейчас я себе этого не могу представить. Сначала нам будет чего-то не хватать. Бравых начальников, снарядов, грязи, искусственного меда и, например: начальники есть везде, и бравые есть в гражданской жизни. В сомнительных случаях устройство привычного разноса возьмет на себя жена.

Он прервался и задумался. Возникли проблемы, потому что он перешел с диалекта на хохдойч:

— Эта свинская война в нас что-то сломала. Где-то у нас контачит. Хотя перегоревшие предохранители можно заменить, поврежденные проводники остаются. И это есть, а может быть, и будет нашей болезнью. Сувенир, Цыпленок! Эти помехи дальше мы будем тащить за собой всю жизнь. Лучший пример дает Первая мировая война. Когда они тогда пришли с нее домой, у них был тот же дефект. Не умеют ничего, кроме как стрелять и убивать. Что им делать? Идти во фрайкор. В этом они знали толк — стрелять и убивать. В рейхе было немногим лучше — солдаты с обеих сторон. С одной — вечные ландскнехты, с другой — те, которым игры в войну

Сара Линдер. В октябре 1942 года я и Вальтер Вайследер стояли рядом с ней, когда она собирала зимнюю помощь на Потсдамерплац

и солдатиков до смерти надоели. Объединения верных родине и не имеющих родины.

— Коммунисты?

— Не все. Большинство — социалисты. В конечном итоге все пришло к тому же, а именно — к взаимному проламыванию черепов. Больше всего повезло, может быть, тем, кого приняли в рейхсвер. Они были тем, что сейчас называется «запасные части в глубоком тылу». Кроме того, они были внепартийные, то есть государство в государстве. По моему мнению, верные кайзеру тугодумы.

— Да и время не особенно хорошее.

— Ты еще говоришь! Война проиграна, работы нет, жрать нечего, инфляция — что еще оставалось делать, кроме как ругаться и драться? В основном было две партии — верная кайзеру, мечтавшая о довоенном времени, и другая, которая хотела нового, лучшего будущего. Консервативная и революционная. Ты видишь между ними компромисс?

— Нет, но он был. Меня интересует наше будущее. В восемнадцать-двадцать лет внутренне мы уже никуда не годимся. Выйдем ли мы когда-нибудь из серых тряпок?

— Ты — совершенно определенно — нет, — улыбнулся мюнхенец. — Учителем придешь в национальную политическую академию. Там всегда будешь носить форму. Школьный советник Цыпленок в коричневом, и повязка со свастикой на рукаве. По совместительству — офицер резерва Лейбштандарта. Должна быть традиция! Может, станешь даже директором школы. В Обояни, например!

Он рассмеялся над своей шуткой, громко хлопнув Блондина ладонью по каске.

— Замечательные времена! Вот в чем штука! Директор Цыпленок в Обояни. И тогда будешь рассказывать

своим детям, как ты туда пришел и о большой битве под Курском. На улице будет идти снег, вы сидите у камина. На стене висит твой стальной шлем и шпага «ЛАГ». И в пятницу вечером ты будешь пить мюнхенское пиво. А когда нечего будет рассказывать — будешь выдумывать. — Он продолжал хохотать.

— Прекрати, старый фантазер!

— И раз в год будет отпуск. Тогда ты сможешь съездить домой в рейх. Посмотришь на часовых у рейхсканцелярии и подумаешь: «Все не так, как было в мои времена!»

Постепенно приступы смеха у друга стали действовать Блондину на нервы, и он вскипел:

— Откуда только можно почерпнуть столько глупости!

— Глупости? — Эрнст вдруг стал совершенно серьезным. — Ты действительно думаешь, что я говорю глупости? Все же ты еще очень наивен, Цыпленок! Если мы выиграем войну, то нас откомандируют сюда или на Ледовитый океан, а может быть, и в Сахару. Там будешь служить апостолом. Прививать культуру местным жителям. Дома, в рейхе, будут сидеть те же бонзы, которые уже сегодня удерживают свои позиции до последнего человека. В Берлине по Курфюрстендам будут прохаживаться специалисты по тепленьким местечкам. Ты будешь прогуливаться по Обояни. Я буду приезжать к тебе в гости на годовщины ее освобождения.

Блондин притянул верхнюю губу к носу.

— Странно, с этой стороны я историю еще не рассматривал. Если смотреть на вещи так, как ты, то мое будущее кажется обеспеченным. Апостол культуры в Обояни. Отправят для обновления и расширения идеологического курса в рейх. Там меня введут в курс нового положения вещей, я буду перепроверен разбирающимся в тонкостях коричневым человеком, правильно ли я все излагаю. К двадцать пятой годовщине службы будет

приглашение на имперский партийный съезд. Моя дочь станет руководительницей Союза немецких девушек в Обояни, а потом перейдет в Союз немецких женщин, а мой сын, который...

— Который будет служит в «ЛАГе», потому что он такой же тупой, как и ты.

— Черт возьми, Эрнст, от твоих перспектив тошнит. А если мы проиграем войну?

— Тогда ты все равно будешь в Обояни. В качестве иностранного рабочего в каменоломне!

Они продолжали идти в ногу, курить, делиться своими мыслями и потеть.

Местность была холмистая. Земля сухая и растрескавшаяся, сухая трава, низкий кустарник и редкие заросли орешника. Ничего прочного, ничего привлекательного. Никакого контраста. Ландшафт был мягким и почти скучным. Отличался только левый фланг. Там были крутые холмы, сверкал огонь и колотили танковые пушки. Там вдруг проснулась немецкая артиллерия и прокатилась по всему горизонту.

Мимо проезжали связные-мотоциклисты. Один из них остановился далеко впереди командира роты, развернулся, поехал назад и что-то крикнул гренадерам. Эрнст махнул рукой. Мотоциклист затормозил и остановился.

— Хотел только попросить сигарету.

— И ты не смог стрельнуть у командира роты? И он тебя ни одной не угостил?

Дори рассмеялся и начал отряхивать рукава и грудь. От него пошла пыль. И Эрнст ругался, пока скручивал ему сигарету.

— Может быть, пыль тебе вкуснее?

— Ханс зовет, — Блондин толкнул мюнхенца в спину, — мы должны идти дальше!

— Беги, Цыпленок, — сказал Эрнст и повернулся к Дори: — И что говорится в твоем специальном сообщении?

— Иван снова занял оборону. Район обороны называется Грезное или что-то в этом роде. «Рейх» попал под сильный обстрел!

— А что будет у нас? Хорошо, что мы не впереди.

— Ты думаешь, Эрнст. Сначала марафонский бег, потом — поворот налево и участие в маленькой битве на окружение. Усек?

— А, черт побери! Когда же перед нами все успокоится?

Дори поправил очки, небрежно поднял руку в немецком приветствии и, уезжая, крикнул:

— Удовольствия вам в драке!

На ходу Эрнст кивнул на правый фланг и проворчал:

— Сейчас там все только начинается!

Блондин промолчал, подумав только: «Главное, что у нас пока тихо». Он пытался приспособить дыхание к ускоренному темпу марша. Они почти бежали, задыхаясь, слыша канонаду, и удивлялись тому, что как раз на их участке царила воскресная тишина.

Но уже через два часа удивляться им было нечему.

Через два часа застрочили пулеметы, загремели пушки «Тигров» и захлопали противотанковые пушки.

Через два часа русские гвардейские стрелки побежали под фланкирующий огонь головных рот «Лейбштандарта».

Ко второй половине дня все было закончено.

Ко второй половине дня Грезное было взято. Оборона русской 6-й гвардейской армии была прорвана. От 51, 52, 151 и 152-го гвардейских стрелковых полков остались только номера. Дорога на Обоянь, в тыл советской 1-й танковой армии, была открыта!

Но обо всем этом люди из отделения Длинного Ханса ничего не знали. Изможденные от марша и боя, они

сидели между остатками стен бывшего хлева с обвалившейся крышей. Охранение от первого взвода залегло далеко в поле.

В руинах маленького жилого дома, выделяющихся остатками печи. Во дворе стоял целый колодец с журавлем. Ханс предупредил, чтобы воду из него не пили, но рассмеялся, когда увидел вооруженных котелками босых солдат, садившихся у колодца и медленно, с наслаждением поливавших водой распухшие ноги. Эрнст где-то стащил большую кастрюлю, помятую и местами ржавую, но достаточно большую, чтобы помыть не только свои ступни, но и своего светловолосого друга. Они сидели друг напротив друга, массировали ноги и стонали:

— А-а-а! О-о-о! Вот так хорошо!

— Хотел бы знать, как ты можешь все так организовывать, Эрнст? — удивился Камбала.

— Случайно, — проворчал мюнхенец, искоса глянув на берлинца. — Мне попалась кастрюля. Что мне было делать?

— Я и говорю, почему она попалась именно тебе, а не мне?

Они рассмеялись, и Эрнст снова искоса глянул на Камбалу:

— Камбала, у тебя есть еще что-нибудь перекусить?

Берлинец скривил лицо:

— Есть немного хлеба. Больше — ничего.

— Тогда доставай свой хлеб. Я дам тебе, что положить сверху. — А когда Камбала повернулся, добавил: — Позови Куно, слышишь!

Камбала снова скривил лицо, на этот раз довольно, и хотел было надеть сапоги.

— Оставь свои вонючие шкарбаны! Они никому не нужны! — Эрнст открыл свою сухарную сумку, поставил перед собой на землю одну початую и одну полную банки тушенки, достал из противогазного футляра за-

Под Обоянью. Июль 1943 г.

вернутый в мокрую тряпицу кусок сливочного масла, проверил, как это обычно он делал перед каждым перекусом, остроту своего ножа, довольно улыбнулся и отрезал два куска хлеба толщиной в палец. Когда подошли берлинец и Куно, Эрнст и Блондин уплетали уже за обе щеки.

— Что такое? — спросил Эрнст остальных. — Вы что, не хотите?

Пауль и Йонг отложили свой пулемет и сели у кастрюли с водой. Только Петер отмахнулся и продолжил молча чистить свой карабин.

— Намажь Петеру бутерброд, Цыпленок.

Блондин намазал мягкое масло, положил кусок тушенки и примял его сверху ножом. Он вытащил одну ногу из кастрюли, немного подумал, потом поставил ногу обратно и протянул бутерброд Камбале:

— Камбала, возьми бутерброд и передай Петеру с приветом от Эрнста.

Петер взял бутерброд. Камбала что-то сказал ему, хлопнул дружески по плечу и рассмеялся. Потом оба они подошли, и Эрнст проворчал:

— Ну вот, приветствую за обеденным столом всю семью.

Между стеной двора и старым фруктовым деревом стояла противотанковая пушка. Артиллеристы увидели тесный кружок вокруг кастрюли с водой, удивились, и один из них крикнул:

— Вам что, уже еду подвезли?

— Нет, — отмахнулся Камбала, — мы на подножном корму!

— Мы? — возмутился Куно. — Мы? Ты подразумеваешь Эрнста? Если бы не он, то был бы у тебя на закуску собственный хрен с твоими говенными фотками сверху!

— Или салат из ушей дохлого осла, — рассмеялся Йонг.

— А так у тебя толстенный бутерброд, — поддержал Пауль своего друга.

Камбала перестал жевать и хватал ртом воздух.

— А где наш командир отделения? — быстро спросил Блондин.

И Камбала, которому не дали возразить, разочарованно продолжил жевать дальше.

— У командира взвода. — Эрнст вытер свой нож большим и указательным пальцами и взялся за флягу. — Там думают, что мы будем делать ночью после такого спокойного дня?

— И это ты называешь спокойным днем, старый хвастун?

— Кто дает мясо, Камбала, тому можно все, даже похвастаться.

Блондин пошарил в своей маскировочной куртке.

— Последняя пачка сигарет «с родины», господа! — Он почти торжественно открыл ее и пустил по кругу. — Покурите с толком!

— С чем? — Куно сунул сигарету в губы.

— С тем, чего у тебя нет, Куно, — ответил Камбала, довольный тем, что смог дать отпор хотя бы одному.

Они курили и шевелили с наслаждением пальцами ног. Эрнст шлепал по воде ногами, закатив глаза и урча, как довольный пес, валяющийся по траве. Далеко справа догорало то, что снаряды оставили от Грезного. Фронт был спокойным. Начинавшийся вечер — теплым и мирным. Эрнст ковырял кончиком ножа в зубах. Наконец он встал и сказал:

— Вынимай свои ласты из кастрюли, Цыпленок.

Он взял емкость, раскрутил воду и выплеснул ее на несколько метров.

— Сейчас приду, — сказал он и зашлепал босыми ногами к колодцу, чтобы вымыть кастрюлю. Все смотрели на него. Блондин широко улыбнулся:

— Кто как думает, зачем ему понадобилась кастрюля? А я могу вам сказать. Если сегодня ночью привезут еду, то он или стащит, или получит спецпаек на все отделение, и для нас это значит, что будет оргия обжорства, ясно?

— У Эрнста природный дар, за который не дают ни орденов, ни званий.

— Правильно, Камбала. На этот раз ты прав! — рассмеялся Пауль. — Такой, как Эрнст, должен сидеть в Генеральном штабе, тогда у армии всегда была бы жратва, а голод стал бы иностранным словом.

— А вместо него сидит в штабе какой-нибудь идиот, может быть, и гений, только не организационный, как Эрнст, а велосипедный.

— Точно, Йонг, а Эрнст, как недооцененный роттенфюрер, растрачивает свой талант перед свиньями.

— Под свиньями ты подразумеваешь нас, Пауль? — улыбнулся Куно и сунул свою свежевымытую ногу, словно для проверки, Паулю под нос.

— Ничуть не бывало, — отскочил он испуганно. — Ты почти такой же чистый, как и Дори.

— Как Дори? Это уже оскорбление, мой дорогой!

— Оставьте Дори в покое! — ругнулся Эрнст и поставил кастрюлю одним краем на камень для просушки. — Если бы не Дори, то не видать бы вам ночью шнапса!

— Шнапс? Что слышат мои воспаленные уши? Неужели маркитантская лавка выехала так далеко вперед?

Раздался громкий смех. Только Камбала остался озадаченным невольно вызванным им смехом.

Артиллеристы у противотанковой пушки снова оглянулись и покачали головами.

— Камбала! — хохотал Блондин. — Ты величайший! Шнапс из маркитантских товаров в качестве фронтового приложения, черт возьми, да ты просто фантазер!

Он наклонился к берлинцу и приложил указательный палец к губам:

— Никому больше. Секретно, только для командования! Шнапс, естественно, из маркитантской лавки. Еще лучше: он был в маркитантской лавке! Быть может, сидит как раз сейчас бухгалтер и пытается вычислить, куда делись две бутылки водки и пара бутылок коньяка.

— Я понял, — обрадовался Камбала, — Эрнст их тоже стащил.

— Тс-сс! Камбала! Вовсе не стащил! Ты — солдат! А на военной службе не таскают, а организуют! — Блондин покачал головой и пожал плечами: — Совершенно безнадежный этот житель столицы рейха! Эти бутылки также замечательно попались Эрнсту, как та кастрюля. Усек?

Они завыли от удовольствия.

— Значит, так: бутылки лежат в машине у Дори, и если он сегодня ночью приедет, то все будет, понял, Камбала?

— Я же не дурак! Тогда пропустим по маленькой, хаха-ха, — присоединился берлинец к настроению остальных.

— Ты разве пьешь шнапс? Я думал, у вас есть только вода из Шпрее!

Камбала разошелся:

— Заткнись, Куно! Когда меня крестили и мой дед пропустил за меня рюмочку, то в купели был чистый, понимаешь ты это, чистый корн! — Он вытянул голову вперед, как хищная птица. — А тебя, Куно, макали тыквой в коровий навоз и...

— Всем почистить оружие! — Ханс стоял перед отделением, широко расставив ноги и уперев руки в бока, лицо его выражало что-то среднее между усмешкой и сочувственным пониманием.

— Сначала — оружие! Потом вы можете жрать, пить и спорить. — Он показал на босые ноги: — Или ухаживать за своими дегенеративными ступнями! — Теперь

он усмехнулся своей казарменной ухмылкой. — Вот был бы кадр для «Вохеншау»! Лейбштандарте фюрера в героической борьбе! Босые, как какие-нибудь зулусы или кафры! Консервные банки — естественно, откуда-то стащили. Пустые фляги. Обожравшиеся, словно счетоводы из войсковой продовольственной службы, пьяные, как возчики с пивоварни, а оружие засорено и загажено, как будто мусор им вывозили!

Он сел на камень, при этом взгляд его упал на кастрюлю. Сначала он посмотрел на нее, потом — на Эрнста, кивнул, улыбнулся и закурил.

— Мы остаемся здесь. Боеприпасы и продовольствие подвезут. Когда — о том знают звезды. Главное — поспать. Как можно быстрее, как можно дольше и как можно тише! Вопросы?

Все молчали. Он встал, подошел к стене хлева, выбрал место, расстегнулся, положил штурмовое снаряжение под голову вместо подушки, лег со сложенными руками на бок и слегка согнул ноги в коленях.

— А ну, поднимайте свои задницы! — Голос Ханса звучал насмешливо.

Эрнст выругался. Блондин поднялся и сидел молча. Камбала, как маленький мальчик, тер глаза. Пауль и Йонг смотрели в небо. Петер занимался карабином, а Куно спокойно продолжал храпеть.

— Получить продовольствие в управлении взвода!

В один момент все приободрились, схватили котелки, сухарные сумки и поспешили к разрушенной хате. Там в длинной очереди стояли солдаты, разговаривали, курили и расспрашивали стоящих впереди о меню: гусиное жаркое? Свиная отбивная с капустой? Голубая форель или паштет с трюфелями? На этот раз снова был гуляш.

— Ты что, был шеф-поваром у Кемпински?

Повар сиял, словно капельки жира в котле его полевой кухни:

— Я? Почему?

Камбала пропищал:

— По разнообразию в меню.

— Не нравится — не ешь, — проворчал повар.

— Это из той же вчерашней лошади? — показал Пауль указательным пальцем на гуляш.

Повар выругался и стукнул половником. Но палец оказался быстрее и показал на форменную куртку выше поварского фартука — на ней были капли соуса и кусочки мяса.

— Типичный шеф-повар, — улыбнулся Эрнст. — Вместо Железного креста у него гуляш на геройской груди. — При этом он наполнил котелки и передал их Блондину. Тот быстро ушел, вылил содержимое в кастрюлю, сбегал к колодцу, ополоснул котелки, снова встал в очередь. Остальные отвлекали повара.

— Вчера собачатины там было меньше!

Повар закипел от бешенства и зарычал.

— Пауль, ты слышишь? Он сейчас залает!

Пауль и Йонг передали свои полные котелки Блондину. Повар вспотел и закричал:

— Унтершарфюрер!

Камбала продолжал его подначивать, обращаясь к Паулю:

— Слышали? Он позвал папу! Осторожно, Куно, сейчас он наведет порядок! — Они рассмеялись.

Унтершарфюрер заорал:

— Тихо, вы, стадо свиней!

— Этот ухарский голос мы как раз сегодня засекали во время атаки, — сказал кто-то из артиллеристов.

— Кто сказал? — Унтершарфюрер закричал на октаву выше: — Выйти вперед, солдат!

— Кто сказал! — крикнул Пауль. Йонг повернулся и закричал ожидающей очереди:

— Кто сказал?! Выйти вперед!

— Кто сказал? — повторил Блондин, не успев перевести дыхание. А Камбала крикнул:

— Выйти вперед!

Унтершарфюрер взял половник из рук повара, отложил его и угрожающе тихо зашипел:

— Вздумали надо мной издеваться? Вы? Вздумали? Вам это выйдет боком! — Он сказал это ясно и выразительно, а потом вдруг закричал в полный голос: — Кто это был? Кто?!

— Я думаю, он был, — сказал Эрнст совершенно спокойно, а когда каптенармус набросился на него: — Вы думаете? Говорите ясно, солдат! Кто? — Эрнст молодцевато отчеканил: — Я думаю, унтершарфюрер, о рейхе, о фюрере, о победе и о... — И он спокойно показал на повара:

— А это был он!

— Вы, дурак, пытаетесь утверждать... Вы думаете...

— Это был повар, — подтвердил артиллерист, а Пауль щелкнул каблуками и доложил:

— Могу подтвердить! Я ясно слышал!

— Точно, это был повар!

— Повар!

— Тихо! — закричал каптенармус. — Вас надо бы всех говном кормить! Я...

— Кто здесь орет, как недорезанный бык? — У котла с гуляшом вынырнул стройный унтерштурмфюрер, коротко обвел взглядом собравшихся, бросил презрительный взгляд на обляпавшегося повара и на багрового, тяжело дышащего каптенармуса и спросил с безразличным лицом:

— Так это вы, Пенски?

Каптенармус встал по стойке «смирно»:

— Это стадо свиней хотело меня...

— Эти парни, — прервал его спокойно унтершарфюрер, — хотят, наконец, получить свою еду. Они ее заслужили с достаточно большим трудом. И, Пенски, потише.

Как можно тише. Иван не должен слышать, что мы ужинаем.

Каптенармус щелкнул каблуками и прокричал:

— Так точно, унтерштурмфюрер!

— Да тише вы, Пенски! Зато побыстрее. Ясно вам? — И обращаясь к повару: — Шевелите своим половником, солдат! И побольше мяса и поменьше бульона, а то завтра *вы* побежите с пулеметными коробками. — Он кивнул солдатам, приветливо улыбнулся, заложил руки за спину и добавил: — Всё. Принесите мне тоже немного гуляша, Пенски.

— Вот и все, — ухмыльнулся Эрнст. Он поставил кастрюлю с гуляшом на место, где стояла его «ножная ванна», зажал свой котелок с обычной порцией между колен, порезал хлеб мелкими кусочками и размешал их с гуляшом. Тихо присвистнул, с наслаждением зачерпнул гуляш ложкой и отправил его в рот.

— Все равно, конина, собачатина — все равно вкусно. — А когда он посмотрел на полную кастрюлю, снова улыбнулся:

— Дайте потом отсюда и артиллеристам. Они хорошо нас поддержали!

Они сидели в кружок у кастрюли. Обычный рацион был слабоват. С добавкой из кастрюли он становился достаточным и насыщал. А полный живот и сигарета на десерт приводили мир, их мир, снова в порядок.

Ночь была ясная и светлая. В небе гудел самолет, тарахтя и стрекоча, как старая швейная машинка. Блондин глянул вверх и подвинулся к Эрнсту:

— Помнишь Белгород, Эрнст. Прекрасный гуляш?

— Еще бы, — улыбнулся Эрнст. — Но на этот раз она прилетела слишком поздно.

Русский разведывательный самолет, напоминающий по шуму швейную машинку, за свою вошедшую в поговорку частоту и точность появления прозванный

еще «дежурным унтером», бросил бомбы где-то вдалеке.

Эрнст, принюхиваясь, поднял нос, а Камбала пошутил:

— Я смотрю, ты вынюхиваешь хороший десерт?

Эрнст только пожал плечами, пробормотал что-то про обжору, встал, поправил маскировочную куртку и снова посмотрел на небо.

— Что это с Эрнстом? — спросил Куно, и Блондин ответил:

— Ему не нравится ночь. Слишком светло. Слишком ясно. И слишком спокойно. Идеально для игры в войну. Или мы остаемся здесь, тогда иван выигрывает время и подтягивает резервы, или...

— Или нам надо что-то делать! В любом случае нам остается сначала выспаться, — закончил Пауль предложение.

Эрнст пробрался к стене хлева, где лежало снаряжение. Сел, прислонился спиной к еще теплым камням и свернул сигарету. Остальные последовали его примеру. Сидели, или лежали, курили, или пытались заснуть. На самом деле они ждали, чем закончится это «или — или», то, на что вынюхиванием намекал Эрнст и что сказал Блондин.

Во дворе между хлевом и домом лежала старая кастрюля, испачканная гуляшом.

День шестой

7 ИЮЛЯ 1943 ГОДА

Дальнейшее течение битвы под Курском ясно, во всяком случае для стратегов. И флажки на картах Генерального штаба ожидали только того, перенесут ли их вперед или назад. Некоторые флажки лежали уже на полу или в картонной коробке. Они уже свое отслужили, потому что рот, батальонов и полков уже не было. Но простой боец не знал ни о дальнейших стратегических ходах, ни о флажках. Его горизонт ограничивался взводом, кое-как видно было еще роту, но на батальоне он обрывался. Гренадерам думать было не нужно. Они не делали ничего такого, над чем другим приходилось напрягать свои умы. Но если мыслители допускали ошибку или их оппоненты думали быстрее или лучше, то на штабной карте становилось флажком меньше. И тогда приходилось напряженно думать над тем, откуда как можно быстрее взять новый флажок. Хотя были запасные, но количество их, к сожалению, было очень ограниченно. Впрочем, переставить флажок было легче, чем перегруппировать дивизию или изменить направление главного удара танкового полка на холмистой местности между Белгородом и Курском.

Обо всех этих манипуляциях с флажками ни Длинный Ханс, ни его люди не имели никакого представления, и

это уже было хорошо. У Эрнста, когда он отбрасывал пустую кастрюлю, был слабый проблеск, чутье, что надо завалиться под стену хлева и поспать.

Через час они уже были на марше.

Дори сидел за рулем. Эрнст скручивал сигареты про запас. Блондин грыз ноготь. Они слушали новую сводку вермахта от Дори:

— Опять был у моего друга-связиста, играли в «скат»[1] и слушали музыку. Да, и тогда опять прозвучала эта дурацкая песня: «Я знаю, когда-нибудь чудо свершится» — наша песня, вы знаете уже, та самая, с испорченного прощального ужина в Берлине. Великолепная Сара! Прекрасный голос! Отличный фильм!

— Дори, — прошептал Эрнст, — это и есть вся твоя новость?

— Да подожди же! Вот теперь я потерял нить.

— Ты ее теряешь всегда, когда хочешь закурить.

Дори подождал самокрутку, зажал ее в углу рта, пару раз затянулся и продолжил:

— Итак, следующее: мы окончательно прорвались! Сегодня ночью — едем, сколько сможет машина. Завтра тоже будем ехать, сколько сможет машина.

— А иван? Он что, так же быстро бежит вместе с нами?

— Чепуха, Эрнст! Дивизия «Мертвая голова» до сих пор стояла правее нас и прикрывала наш фланг. Теперь ее сменили, и она едет позади нас, уходит влево и выходит в авангард. Зато дивизия «Рейх» будет пробиваться правее нас.

— Вот оно, стратегическое мастерство. То, что было левее нас, теперь должно отправиться направо, а что было правее — отправится налево! А мы? Что предстоит нам? Может быть, мы можем ехать назад и потом отправимся в отпуск?

---

[1] Скат — немецкая карточная игра. — *Прим. пер.*

— Ты не понимаешь, Эрнст! — рассмеялся Блондин. — Это называется перегруппировкой. Это — тактический маневр. Они должны скрыть свои намерения и запутать противника.

— Скрыть, запутать. Цыпленок, сколько раз я уже это слышал. Что тут скрывать и кого запутывать? Ивану абсолютно все равно, кого бить, написано на его нарукавной ленточке: «Адольф Гитлер», «Рейх» или «Мертвая голова». К тому же полосок под маскировочными куртками все равно не видно.

— Да слушай же ты дальше! — прервал его Дори. — Мы остаемся в центре, едем медленнее других и ждем, кого иван остановит первым. Они гонят полным газом, а мы — мелкой рысью.

— А потом? — спросил Блондин.

— А потом, Цыпленок, ты все никак не поумнеешь! Потом впереди заварится то же дерьмо!

— В Курске будет отпуск!

— Запросто, Цыпленок. А потом — все снова.

— Из дерьма прочистится — и опять в дерьмо.

— Точно, Дори. И так до тех пор, пока у тебя не будет холодная задница.

— Дори, а что с Обоянью?

Дори резко затормозил и начал ругать езду рывками:

— Сонные тетери! Новички! Хотел бы знать, где эти там, впереди, нашли свои права!

— Обоянь, Дори, Обоянь. Что с этим дрянным местечком? Наш Цыпленок хочет стать там директором школы.

Дори резко повернул голову и удивленно посмотрел на Блондина:

— Директор школы в Обояни?

Эрнст рассмеялся, а Блондин выругался.

— Ничего плохого, Дори. Это просто шутка. Но мы остановились на Обояни.

Дори снова тронул машину вперед и покачал головой:

— Про Обоянь я больше ничего не слышал. Что-то стухло в бардаке.

— Ну что, радиотишина?

Дори пожал плечами и больше ничего не ответил.

Солнце опять припекало. И моторизованный марш обещал быть утомительным. Единственное преимущество состояло в том, что не надо было идти пешком. Разговор продолжать больше никто не хотел. Все начали клевать носами. Эрнст попробовал уснуть. Далеко слева от них висели клубы темного дыма. Подъехав поближе, они рассмотрели подробности. Местность была покрыта боевой техникой и оружием. Они увидели разбитые и сожженные остовы танков, противотанковых пушек, артиллерии, автомобилей и людей! То, что прежде было людьми. Остатки дымили и, потрескивая, горели. Блондин смотрел на них с открытым ртом. Дори вел машину почти со скоростью пешехода, и сигарета выпала у него изо рта. Эрнст тер подбородок. Они ехали долго и смотрели, пока снова не обрели дар речи. На самом деле из оцепенения их вывел гул самолетов и тихие глухие звуки взрывов.

— Это что, предназначалось нам? — спросил Блондин.

— Нет, — успокоил его Эрнст. — Это далеко правее нас. Звучит после артиллерии.

— Но я думал, — Блондин притянул верхнюю губу к носу и показал рукой на руины: — Я думал, мы прорвались! Кто тогда атакует?

— Хотел атаковать, Цыпленок. Хотел! Это была ошибка, ошибка в расчетах, стратегический недостаток или что-то в этом духе.

— Это были русские резервы. — Дори стер пот со лба и смахнул капельку пота с кончика носа. — Именно

потому, что мы прорвались, иван бросил в дыру все, что поспешно смог собрать.

— Это была настоящая команда кандидатов на вознесение. Чистой воды самоубийство! Они колотились о наши группы танков, как пьяные о стену.

— Я не видел раненых. И пленных нам навстречу не было.

— Да, Цыпленок. — Эрнст снова почесал подбородок, заросший щетиной. — И это было совсем недавно и длилось недолго.

— И ты думаешь, это сделали наши танки? — засомневался Блондин. — Я не вижу ни одного немецкого танка. У нас совсем не было потерь? Ни одной поврежденной коробки? Не могу понять. Нахожу это странным.

— Я тоже весь внимание. И тоже ничего не видел!

— Но кто тогда учинил этот разгром?

Эрнст пожал плечами. Дори тоже не знал ответа и смотрел на танковое кладбище, а Блондин притянул к носу верхнюю губу. Гудение в небе и глухие удары продолжались.

Они не могли знать, что благодаря всего лишь одной паре глаз неожиданно не попали под пушки отряда русских танков. Хуже того! Русские знали, что должны предпринять отвлекающую атаку, совершенно отчаянную, потому что у нее не было другой цели, как выиграть время, чтобы залатать прорванный фронт. «ЛАГ» совершенно внезапно был бы атакован с фланга, если бы не один немецкий капитан летчик, который случайно заметил скопление русских танков, сразу понял грозящую опасность наступающему корпусу войск СС. Он поднял немедленно по тревоге свою группу пикирующих бомбардировщиков без обстоятельных докладов и запросов разрешения на вылет и направил ее в бой. Так 8 июля 1943 года для советской стороны разыгралась трагедия. Шестнадцать танков советского 2-го гвардейского танкового корпуса и несколько стрелковых

батальонов были атакованы только с воздуха. Авиационные пушки против Т-34. Осколочные бомбы против пехоты. В то время как гренадеры войск СС продолжали развивать успех и выходили на оперативный простор, немецкие эскадрильи нанесли уничтожающие удары по русским гвардейским бригадам. Через час никакой угрозы с флангов уже не существовало. Русские стрелковые батальоны были разгромлены, пятнадцать подбитых Т-34 дымили на местности.

Солнце сияло сквозь листву. Машины стояли в тени деревьев. Солдаты ждали.

«Полжизни солдат ждет напрасно». Поговорка — правда. И ожидание было хорошо, по крайней мере, в их ситуации. Пока они ждали — ничем другим они не занимались, а другое могло быть только хуже.

Блондин лежал рядом с машиной. Он чувствовал себя разбитым и бесконечно усталым, хотя прошло всего несколько дней с тех пор, как Дори приехал в тыловую деревню с известием о предстоящей операции «Цитадель», вызвавшим неприятные ощущения в желудке. Тогда он лениво лежал в тени рядом с Эрнстом и Комиссаром и смотрел сквозь дырявую крышу на небо. Сколько же времени прошло? «Странно, — подумал он, — что так быстро можно потерять чувство времени. Может быть, это из-за того, что один день похож на другой или просто нет времени замечать время? А теперь у меня есть время, потому что ожидание — не что иное, как убийство времени. Но время мне безразлично. Ожидание — тоже, даже если поедем точно так же дальше и сегодня приедем в Курск или вообще туда никогда не попадем. Все это мне на самом деле безразлично. В тени так хорошо».

Лето, солнце, суббота... «Суббота и солнце, а потом — вместе в лес с тобой вдвоем...» — идиотский шлягер. Что общего между субботой, солнцем и вдво-

ем с тобой? Лежу себе на теплой земле, убиваю время, ничего не делая, в голову приходят дурацкие мысли, чего-то жду, а чего — не знаю. Пытаюсь найти дыру в девственном небе, а в башке играет песенка, подходящая к моей ситуации как киноактриса к танку. Лучше поменять портянки или написать письмо. Написать! Я не должен забывать про дневник! Странно. Проходят часы, дни, недели. А что из этого получится? Едешь, топаешь, ешь, пьешь, куришь и убиваешь иванов. А если посчастливится, то будет трехнедельный отпуск на родину. Все это ожидание — не что иное, как ожидание отпуска. А потерянное время — необходимое зло за три недели жизни! Три бестолковые недели! Двадцать один долгий и короткий день и ночь. И если будет время, как, например, сейчас у меня, будешь думать о следующем отпуске. И будешь представлять, как будешь использовать каждый час и как будешь его ценить. И эта предварительная радость — моральная сила, собирающая всего парня воедино. Жалкий двадцать один день! Они притягивают со всей силой страсти, о них думают, чувствуют и на них надеются, как маленький мальчик, сгорая от нетерпения в соседней комнате, ждет момента, когда прозвенит колокольчик и мать позовет: «Младенец Христос был здесь! Можешь войти!» Триста сорок четыре дня грязи, пыли, пота, снега и льда, маршей под дождем, атак по грязи, занятий под палящим солнцем, разносов и проверок, одних сухарей и искусственного меда, триста сорок четыре дня надежды и ожидания момента, когда шпис даст мне в руки отпускной билет и скажет: «В мое время вы бы ждали эту бумажку до столетнего юбилея фюрера. Но сейчас? Ну, ладно, солдат, проваливайте. А если кто-то спросит, в какой части вы служите, скажете — в армии спасения! И Боже упаси вас сказать, что в «ЛАГе»! И тогда я лихо отдам честь, безукоризненно повернусь кругом и пойду. Просто пойду. И это — счастливейший

момент в жизни солдата. Прекраснее любого повышения в звании. Лучше любого ордена! Наслаждайся этим моментом! Каждой секундой! На три недели ты становишься человеком, наконец-то сможешь сам располагать собой и своим временем, отвечаешь только за себя и больше ни за кого в целом мире. Можешь делать, что хочешь, а не то, что приказывают тебе другие! Глубоко вздохни. Свободно дыши. И дрянная повозка уже не будет такой тряской, а деревенская улица — не такой грязной, а дрянной ландшафт — не таким мрачным. Мир будет выглядеть совершенно иначе. Даже вши будут кусаться радостнее. Ты упакуешь свои вещи, а приятели будут болтать, перебивая друг друга, давать советы, адреса, делиться тайными уловками, как можно продлить отпуск. И ты будешь болтать и смеяться, и слушать их прекраснейшие слова, и не слушать, и не слышать, потому что мысли твои уже улетели далеко-далеко. Наконец, ты довольный втискиваешься в коляску мотоцикла, вещи — на коленях, машешь рукой, кричишь и смеешься, а мотоциклист оглядывается и дает газу. Вот это толпа! Отпускники сидят, лежат, стоят на платформе, травят анекдоты, смеются, хохочут, играют в «скат» и надоедают друг другу отпускными фантазиями. Все лучатся радостью и солнечным светом, даже когда штурмом берут вагоны. Естественно, каждому хочется уехать. И каждый конечно же уезжает, и ему все равно, сидя, стоя или повиснув. Поезд идет домой! И это — самое главное. Он медленно раскачивается. Ругань начинается, только если он без видимой причины вдруг останавливается на перегоне. Тогда в душу закрадывается страх. Страх того, что в последний момент что-то может сорваться. Как только поезд трогается дальше — все забывается, и разговоры становятся все громче и громче. В одном купе сидит рассказчик анекдотов и заставляет плотно набившихся слушателей после каждой остроты взрываться от

хохота. В другом идет игра в карты. Где-то отпускники поют только что сочиненные песни, чаще всего непристойные. Настроение такое, как будто все едут на парад победы в Берлин. Постепенно становится тише. Какой-нибудь мудрец уже не может утаивать свои знания и объявляет: «Самое главное — это сон. Вы должны выспаться впрок на три недели. Во время отпуска каждый час сна — потерянное время!» Засыпают. И иногда хор храпящих звучит ничуть не тише ругани играющих в «скат» и хохота слушателей анекдотов.

Ничего не мешает. Ничто не может испортить тебе настроение. Ничто не может омрачить твою радость и разрушить иллюзии. Ты счастлив. Пересадка в Берлине. Растерянно и удивленно ты отмечаешь большое количество людей в форме, которые здесь вращаются. Они одеты с иголочки и наглажены, аккуратны и корректны, иногда даже элегантны. Ты оглядываешь свои тряпки и думаешь о том, сколько работы они должны проделать дома, чтобы не было стыдно выйти в мундире и брюках. И ты удивляешься тому, что на фронте стольких не хватает, а здесь столько их толчется, и не понимаешь, почему ты в своей не подогнанной болтающейся форме должен таскать в руках коробки с пулеметными лентами, а они — лишь перчатки. И ты радуешься, когда садишься в очередной поезд для отпускников с фронта и едешь на юг. Здесь ты вместе с тебе подобными, одетыми в такую же видавшую виды форму, говоришь на том же языке, дышишь той же вонью, даже если вошебойка избавила всех от худшего, ешь из той же банки, куришь из той же пачки и, как и твои попутчики, лихорадочно ждешь того момента, когда приедешь в родной город. И лихорадка нарастает тем больше, чем более знакомым становится ландшафт, пробегающий за окном. И после получения отпускного билета ты переживаешь вторую кульминацию, когда появляются отличительные признаки твоей родины, когда появля-

ется замок твоего города. И время становится другим, и погода другая, даже если она приветствует тебя проливным дождем, как во времена Ноя. И ты становишься другим. Проходишь через зал, выходишь из дверей, останавливаешься на лестнице перед вокзальной площадью, ставишь багаж, сдвигаешь со лба кепи и глубоко вздыхаешь. Это — неописуемый момент, когда ты снова оказываешься дома. Сформулировать его невозможно. Его можно только пережить. И дорога домой вверх по Моренштрассе мимо пивного зала, где ты вместе с Клаусом и Ханзи провел первый и последний большой танцевальный вечер, мимо ипподрома и кафе-мороженого, медленно и знакомясь заново со всем, и дальше к рынку. Ты останавливаешься и смотришь, как будто никогда отсюда не уезжал, поднимаешь нос и принюхиваешься. И замечаешь маленькое отличие от прежнего: нет запаха жареных сосисок. Ты улыбаешься — откуда ему быть на четвертом году войны! И ты идешь, нет, тащишься, мимо памятника принцу Альберту и мимо фонтана и сворачиваешь на Кеченгассе. Старый таможенный двор, дедушкина табачная лавка, его привычный кабачок, фонтан, и ты видишь свою бабушку, как раз покупающую молоко.

Так это было в последний отпуск.

Потом первую неделю был отпуск — настоящий отпуск. Потом все уже было испорчено. Начинаешь считать дни, которые еще остались, а остальное — только тянущее чувство в желудке. А теперь я снова жду, и это будет чертовски долгое ожидание, потому что последний отпуск был после царапины, полученной под Харьковом, в апреле. Прошло всего три месяца. Надежды, что после Курска будет отпуск, нет. Еще ждать три четверти года. И снова это слово «время». Будет время — я посплю». Он закрыл глаза и стал ждать. Когда не получилось заснуть, он оперся на локти и стал смотреть на грязные мыски сапог.

— Ты должен поспать, Цыпленок, — с этими словами к нему подсел Эрнст.

— Не могу.

Эрнст сочувственно кивнул:

— Словно заколдованный. Когда есть время, чтобы поспать, — не можешь уснуть, а когда спать нельзя — глаза слипаются сами.

Блондин внимательно посмотрел на него. Не последует ли после философских рассуждений о сне что-нибудь разумное, но Эрнст молчал и деловито оглядывал округу.

Раскаленное солнце стояло в небе. И Блондину захотелось, чтобы кто-нибудь его выключил. Деревья устало и лениво свесили листву. Даже малейший ветерок не пытался развеять жар в этой духовке. Очень высоко в небе, настолько светлом, что при долгом взгляде на него болели глаза, слетались и разлетались две точки. Блондин улыбнулся — два ястреба играли в высоте. Им хорошо, они не потеют, а если им станет слишком жарко — могут сложить крылья и спикировать. Он потерял птиц из поля зрения и снова уставился на носы своих сапог, потом вдруг зевнул, пожевал, проглотил, почувствовал усталость в шее, голова стала тяжелой и откинулась назад.

Эрнст растолкал его и показал наверх. Блондин посмотрел сквозь листву в раскаленное белое небо. Темные точки... Самолеты! Другие с высоты пикировали на них. Пронзительное гудение, глухие удары, треск очередей, вспышки, облачка дыма, завывание, подъем вверх — падение и гриб дыма на земле!

— Вот это бой!

— И ты при этом мог спать. Это продолжается уже довольно долго. — Солдаты стояли на опушке леса, наблюдали и оживленно разговаривали.

— Такого боя я еще не видел, — пробормотал Блондин.

— В дерьмовом деле все впервые, — прокомментировал Эрнст. — Артиллерийская подготовка, система обороны, массы танков, а сегодня — воздушный бой. Цыпленок, у меня такое нехорошее чувство, что с тобой ничего не получится.

— Со мной?

— Да, с директором школы в Обояни.

Они рассмеялись.

— Скажи честно, Эрнст, чем бы ты хотел заняться после войны?

Мюнхенец проводил глазами русский штурмовик, который с длинным хвостом дыма на бреющем полете пытался дотянуть до своих позиций.

— Я точно не знаю.

Немецкий самолет налетел сзади как стервятник. От хвоста русского самолета полетели куски. Фюзеляж вспыхнул, и остатки машины рухнули на землю.

— Наверное, чем-нибудь техническим. Что имеет отношение к автомобилям или к радио. Деньги мне безразличны. Главное, чтобы можно было поесть и выпить. — Он начертил носком сапога полукруг на лесной земле. — Тебе хорошо. Ты хочешь стать учителем. А я — я ничего не хочу. Нет у меня никакой цели. А если я чего-то и хочу — то это времени! Хочу, чтобы у меня было время для себя. Понимаешь? Кроме работы — время для чтения, время для пивного садика. Делать то, что доставляет удовольствие. Без спешки, без принуждения. Время для любимого занятия. Например, чтобы слушать пластинки. — Он поменял опорную ногу и начертил другой полукруг. — Я думаю, это все. Спокойствие и удовлетворенность. Согласие с собой и с миром. Это мне удается.

Он слегка толкнул Блондина в бок и улыбнулся:

— Ты теперь разочарован. Ты ожидал большего, не так ли?

— Нет, Эрнст. Этого достаточно. Может быть, даже много. — Он притянул верхнюю губу к носу. — В любом случае будущее вряд ли можно себе представить, если его рассматривать так, как ты. — И он, не поднимая взгляда, показал головой вверх, где побледневшие полосы дыма заменялись новыми, резко очерченными.

Пауль и Йонг сидели рядом, словно близнецы, и молча наблюдали за воздушным боем. Куно и Камбала разговаривали на повышенных тонах, в присущей им манере, которой недолго было перерасти в перепалку, едва не доходящую до драки. Петер уже в сотый раз чистил свой пулемет. Дори лежал под своей машиной и спал.

Блондин бросил взгляд на своих приятелей и продолжил размышления: «Ханнес сидел бы на корточках рядом с Паулем и Йонгом. Уни еще больше распалял бы двух упрямых спорщиков. А Петер не сидел бы один если бы Вальтер и Зепп... если бы...»

— Представление закончено, Цыпленок!

Блондин почувствовал легкий толчок руки Эрнста в плечо и от неожиданности вздрогнул.

— Пойдем, Цыпленок, нам надо разбудить Дори.

Вечером на их правом фланге загремела артиллерия. Огонь был слабым и далеким. Он их не беспокоил, просто сопровождал марш — и больше ничего. Гренадерские роты в колонну отделений маршировали длинными рядами в привычном ритме. Если на пути попадался крутой овраг, так называемая балка, которая вынуждала людей ее обойти, колонны идущих смыкались, как мехи у гармони, чтобы затем автоматически снова восстановить прежние интервалы. Когда неожиданно снова загремела артиллерия, солдаты прислушались. Некото-

рые повернули головы, другие ненадолго остановились. Позвали идущих впереди и позади, показали направо, обменялись соображениями и продолжали идти в том же ритме, что и до этого, только более внимательно и напряженно. Многие, но не все. Потому что были еще и такие, кто, услышав раскаты, вовсе не думал, что сразу среди них появятся облака разрывов, а просто спокойно отметил, что огонь артиллерии далеко справа. Для них это значило, что нет никаких оснований для беспокойства, это — не по нам! Третья категория солдат сожалела, что что-то происходит только на правом фланге. Они горели нетерпением схватить русских за горло, идти на них в штыковую, с криком «Ура!», как это бывает только в «Вохеншау» и в книгах. Правда, Блондину в его ближайшем окружении не были известны такие охочие до войны ура-патриоты. А когда далеко на горизонте появились точки и кто-то крикнул: «Воздух!», колонны мгновенно рассыпались влево и вправо в поисках укрытия, все различия между бывалыми и новичками, трусливыми мямлями и готовыми к съемкам в кино героями совершенно исчезли. Солдаты прижались к земле, положив головы между рук, или, как это говорится на солдатском языке, спрятали морды в грязь, и ждали, пока опасность не минует, по возможности быстро и безвредно. Когда налет прошел без каких-либо потерь — землю украсили еще несколько воронок, — они встали, построились и в прежнем темпе пошли дальше.

Застрочил пулемет, затем второй, третий, четвертый. Захлопали минометы. Ханс махнул автоматом, и отделения рассыпались в цепь.

— А я думал, иван бежит! — выругался Эрнст.

— Недостаточно быстро! — ответил Блондин. — Мы постоянно его догоняем.

Когда первые разрывы перед ними вздыбили землю, Эрнст загасил свою сигарету и спрятал окурок в карман брюк:

— Такой спокойный был день, а теперь он кончился.

Блондин улыбнулся:

— Почти. Не хвали день, пока вечер не кончится.

Они залегли у плоского выхода из балки и открыли огонь. Поле было пересечено оврагами, пересеченная местность не была идеальной, поэтому первые волны наступающих русских смогли подойти сравнительно близко, прежде чем они не попали под сосредоточенный огонь пулеметов и он их не скосил. Блондин оценил дальность в 200—250 метров, стрелял из своей русской снайперской винтовки спокойно и точно. Эрнст наблюдал за ним и ухмылялся:

— Как на стрельбище!

Когда после короткого перерыва в атаке появилась следующая волна, русские под скашивающие их с необыкновенной быстротой пулеметные очереди попытались прорваться дальше своих убитых товарищей. Это было ужасно и одновременно потрясающе, с каким упрямством они продолжали атаковать, чтобы с неотвратимой точностью попасть под немецкий пулемет. Картина повторилась. Вынырнула следующая волна. Наступающие пытались проскочить за ряды скошенных перед ними убитых и раненых товарищей и выиграть несколько метров пространства.

Стаккато пулеметов их останавливало, валило друг на друга и рядом друг с другом. Кучи тел перед немецкими гренадерами становились выше и шире. В перерывах между волнами Пауль и Петер доставали новые ленты, заряжали их и ждали следующей волны. Она приходила так же точно, как и «аминь» в церкви, и снова трещали пулеметные очереди. Крики раненых перед балкой становились все более многоголосыми.

— На сегодня твой долг выполнен!

Блондин не ответил. Он положил голову на винтовку. «Сумасшествие! Сумасшествие, как эти идиоты могут

гнать своих людей на наши стволы! Сумасшествие, как они позволяют себя так расстреливать. Упрямо, упорно, тупо, как...» От бешенства он начал дрожать! Первые снаряды легли левее от балки на лугу. Ханс крикнул, чтобы пустили сигнальную ракету. Командир взвода пробежал мимо с криком:

— Они стреляют с недолетом! Наша артиллерия бьет нам по ж...

«Если сейчас иваны... — Блондин, прищурив глаза, посмотрел поверх ствола. Ничего... Это ли не возможность? В тот момент, когда у них есть шанс, потому что наша артиллерия прижимает нас к земле, именно сейчас они не атакуют, хотя до этого тщетно пытались это делать в течение нескольких часов!» Шипя взлетела сигнальная ракета. Далеко справа, у начала балки, где немецкий огонь был наиболее сильным. Командир взвода, продолжая ругаться, посылал в испуганное небо одну ракету за другой. Артиллерия вдруг прекратила огонь. Установилась тишина. Солдаты начали выглядывать из-за укрытий. Внезапная тишина была необычной. Они искали глазами то, чего не надо было искать, и как по команде повернули головы налево. Танки!

«Это наши танки или русские?»

Грохнули пушечные выстрелы и разрывы снарядов.

Русская противотанковая пушка. Наши танки пошли в атаку!

— Вперед!

Крик был громким и пронзительным, и когда Блондин, наконец, пришел в себя, он увидел солдат уже за балкой, бегущих к куче лежащих убитых русских. Он хотел встать, однако услышал ненавистный свист и сразу же залег. При взрыве широко открыл рот, сдвинул сползшую каску снова на лоб, выполз из укрытия, пробежал, снова залег и прислушался. «Это не немецкая артиллерия. Это — иван!» Когда он побежал дальше, увидел, как вверх снова взлетают ракеты. Он слышал

стрельбу русской пушки «рач-бум», раскаты выстрелов из немецких танковых пушек, заглушавших стоны и крики раненых русских. И он увидел их — убитых и еще живых, и то, что предстало перед его глазами, чуть не вывернуло ему желудок. Он прыгал через скрюченные тела, пробовал на них не наступать, наступал на что-то мягкое и скользкое, отпрыгивал, натыкался на оружие, спотыкался о лица с широко открытыми глазами, вздрагивал от свиста, разрывов, ни о чем не думал, ничего не чувствовал, только постоянно сглатывал, чтобы подавить поднимающуюся тошноту, бежал, падал, вскакивал и бежал, бежал.

Снаряды убивали мертвых во второй раз. Разрывы подбрасывали их, разрывали в клочья, били ими с глухим шмяканьем о другие тела. Снарядам было все равно. Убитым было все равно, но раненым — нет. Однако их крики глохли в грохоте разрывов.

Блондин увидел пару светлых водянистых глаз, упрямо и безжалостно смотревших на него. Он видел только мертвые глаза, вокруг были только мертвые глаза. Он вскочил, побежал дальше, и ему было все равно, когда и куда попадут снаряды. Он хотел убежать подальше отсюда. Только бы подальше от этих глаз! От мертвых глаз! Он, задыхаясь, рванулся вперед, словно машина, как будто это был не он, не чувствуя под собой ног, не управляя ими. Он пробежал мимо немецких солдат, где-то в подсознании слышал автоматную стрельбу, отмечал треск пулеметных очередей, перепрыгивал через убитых и, наконец, споткнулся о стоящий вертикально ствол миномета. Серо-зеленые тени, и снова широко открытые глаза. Точно так же, автоматически, как бежал, он выстрелил. Серо-зеленая тень свалилась, широко открытые глаза исчезли.

— Цыпленок!

Крик зазвучал в нем как эхо: «Цыпленок, Цыпленок!» Он несколько раз с силой сморгнул глазами, как будто

после долгого кружения на карусели. Заметил прямо у обреза ствола своей винтовки пару гладких кожаных подметок. Рядом лежали двое русских. Один — тихо, другой — двигал ногами, как будто решил бежать лежа. Блондин хотел подняться, почувствовал, как что-то не пускает его ногу, обернулся и увидел ствол миномета.

— Что, Рыцарского креста захотел? Придурок несчастный!

Вдруг Эрнст залег рядом с ним и процедил сквозь зубы:

— Какой же ты дурак! Первым вбежал на минометную позицию, как гладиатор на стадо овец! И вдруг свалился как мешок. Я думал, что в тебя попали!

Блондин попытался улыбнуться:

— Я только споткнулся о минометную трубу и...

— Это было твоим счастьем. Вон тот, — он указал на кожаные подметки, — стрелял, и другие хотели. — Он осмотрелся. — Они бегут, Цыпленок, давай пошли!

Вскакивая, Блондин бросил короткий взгляд на раненого русского. Он уже не двигал ногой и лежал спокойно, как и два его товарища.

Эрнст закричал:

— Стреляй, Цыпа! Стреляй! — И выстрелил перед собой.

Несколько русских пытались уйти. Они бежали налево, наискосок к оврагу. Там холм и ямы, там укрытие. Вдруг там взлетели фонтаны пыли.

Пауль стрелял короткими очередями. Петер кричал, что кончились патроны. Ханс махнул рукой:

— Прямо, к деревьям!

«Странно, — подумал Цыпленок, — я вообще не видел деревьев. А где рота?» Он обернулся и увидел позади остальные отделения. И испугался: «Мы — впереди! Черт возьми, мы же впереди!»

— Эрнст! Мы — пер... — Он упал, услышал свист пуль и глянул вперед. Метрах в пятнадцати от него появились

русские. В тот же момент грохнул пулемет Петера и повалил их.

Ханс прокричал снова:

— Вперед! Дальше!

Трое русских. Первый лежит. Второй сидит на корточках, третий стоит на коленях. Первый испуганно смотрит. Второй моргает. Третий пытается улыбаться.

Эрнст мыском сапога слегка толкнул лежащего и дернул стволом автомата. Блондин внимательно наблюдал, как трое медленно встали, слегка приподняв руки. Их взгляды беспокойно метались между ним и мюнхенцем и наконец остановились на автоматном стволе. Он улыбнулся: «Как на матче по теннису, когда зрители взглядом провожают мяч и крутят головой туда-сюда». Эрнст кивнул, когда русские расстегнули ремни, и снова поднял ствол автомата. Лица у троих посерели. «Они сейчас думают, что их расстреляют». Блондин надул губы, поднял руку и показал большим пальцем назад:

— Давай-давай. Валите в тыл!

Трое посмотрели друг на друга, лица их снова порозовели, и русские медленно и неуверенно пошли. Один обернулся. Эрнст махнул автоматом и крикнул:

— Иди, иван, для тебя война уже кончилась!

При этом он рассмеялся, поманил Блондина указательным пальцем, показал на русских и улыбнулся:

— Вот так иваны нравятся мне больше всего, Цыпленок!

Высокий командир отделения первым пришел к холму, поросшему деревьями. Он сразу же дал указания пулеметчикам и выпустил сигнальную ракету. Командир взвода, подошедший чуть позже, запыхавшись, с расчетом станкового пулемета, рассмеялся, когда Длинный крикнул ему:

— Чтобы наша артиллерия знала, где мы, и больше не путала нас с иванами!

Командир взвода рассмеялся и указал на четыре русских миномета и два пулемета, которые в полной сохранности стояли на огневой позиции:

— Великолепно! Сколько бы вреда они могли нам принести!

От расчетов не осталось и следа.

Пауль открыл огонь первым. Петер продолжил. Последним заработал станковый пулемет. Ханс и командир взвода лежали рядом и наблюдали действие огня на отходящих русских. Блондин тоже стрелял, и Ханс, кивнув головой, показал ему кулак с отогнутым вверх большим пальцем. Когда первые снаряды просвистели над холмом и поставили далеко впереди завесу из разрывов, Эрнст сел на свою каску и достал кисет.

— Самое время покурить, Цыпленок! Наша артиллерия проснулась.

Блондин прислонился спиной к стволу дерева, снял каску, провел рукавом по лицу и волосам и глубоко вздохнул. Эрнст протянул ему прикуренную сигарету, кривя лицо при каждой пулеметной очереди, как будто желая сказать: «Не так громко и не так поспешно! Куда русским деваться? Или под заградительный огонь, или на ваш прицел!»

Блондин курил, глубоко затягиваясь, и опять притянул верхнюю губу к носу: «Минометчики просто удрали или вместе с пехотой должны были бежать на нашу балку? Странно, эти штуки стоят здесь, как будто их забыли, при том, что этот холм — идеальная огневая позиция. Они бы здесь легко могли сдерживать нашу атаку несколько часов». Он покачал головой: «Непонятно, полные идиоты. Бежали как пьяные на балку, вместо того чтобы здесь спокойно ждать, пока об этот холм не разобьем башку. Это же любому ясно. У них

глупости еще больше, чем у нас, а люди все равно не играют никакой роли, у них же их много».

Голос командира взвода оторвал его от размышлений:

— Это вы первым оказались на минометной позиции? Хорошо. Это — подвиг.

Блондин не знал, что с ним случилось, он стоял, совершенно растерявшись, и только твердил:

— Так точно, унтерштурмфюрер!

Командир взвода сдвинул каску на затылок и сказал:

— Достаточно, парни! Мы окапываемся в предполье, а на холме располагается взвод тяжелого оружия и противотанковые пушки.

Немецкая артиллерия выпустила далеко в поле еще пару серий снарядов и замолчала.

Земля была сухой. Ее поверхность была твердой, как цемент.

Гренадеры ругались. Ханс погонял их при окапывании, как надсмотрщик рабов. Только Эрнст улыбался. Когда Блондин подколол его, чему он так по-свински глупо улыбается при такой работе, тот ответил, что знает свое дело. Когда окопы были готовы, мюнхенец улыбнулся еще шире:

— Противотанковые пушки, Цыпленок. Если их ставят наверх, то дальше мы не пойдем. Наоборот, мы будем чего-то ждать. А кроме того, меня радует вот это. — И он показал лопатой на Ханса, определившего себе место и начавшего рыть окоп. — То, что ему придется рыть глубже всех, так как он самый длинный.

«Типичный оптимист, — вздохнул Блондин. — Когда он в Лихтерфельде должен был идти на дополнительные занятия, то радовался, что ему удалось не дать инструктору сходить в увольнение».

Вечер был душным.

Солдаты сидели или лежали в своих окопах. Ханс ушел неизвестно куда, наверное, к командиру роты. Куно и Камбала чистили пулеметы, разговаривали или спорили. Петер чистил затвор тщательно, серьезно, сосредоточенно. Пауль и Йонг спали. Эрнст закусывал, а Блондин наблюдал за ним. На самом деле он больше слышал, чем видел, и обрадовался, когда Эрнст спрятал консервную банку, убрал хлеб, вытер о траву свой нож и, щелкая языком, стал ковыряться в зубах.

— Ты что, заболел?

— Почему?

— Не ешь ничего! Может, сигарету хочешь, по крайней мере?

«Где у меня еще были сигареты из дома? Куда я их запихнул? А вот, есть еще несколько штук».

— Огоньку не дашь?

Эрнст нагнулся поглубже в окопе, чтобы прикурить сигарету. Они курили «в кулак», и, пока некоторое время не разговаривали, оказалось, что Эрнст ждет ответа.

— Что ты спросил, Эрнст?

— Не заболел ли ты. Есть не хочешь и при этом атакуешь, как сорвиголова, просто самоубийца! Хотя командир взвода думает, что ты герой, и, может быть, за это получишь орден. Но я не хочу бегать за героем, чтобы защищать его от русских.

Когда он переходит с диалекта на хохдойч или по крайней мере пытается, то это — серьезно. И Блондин это знает. Он сильно затянулся и пробормотал:

— Нервы сдали. Все из-за проклятых глаз.

— Глаз? — Эрнст растерялся. — Я не ослышался? Глаз?

— Да, глаз! Я хотел от них убежать! Просто убежать от глаз!

— Вот это да! Цыпленок! Убежать от глаз! Теперь я понимаю, что у тебя действительно сдали нервы. Глаза тебе помешали. Если бы не я, то тебе была бы крышка.

Смотри, чтобы у тебя вместо ордена на героической груди не оказался номерок пациента психушки. Это же надо... глаза...

Они замолчали, пока тихий храп не заставил Блондина улыбнуться. «Он воспринимает мою почти смерть очень невозмутимо», — подумал Блондин. Он прислонился к стене своего окопа и стал наблюдать за огоньком своей сигареты, ярким и красным, когда он затягивался, огненным кружком, становящимся все у́же и медленно вгрызающимся в бумагу. Он нюхал дым, и это было как раньше, как дома в первые вечерние часы: спокойствие, пребывание с самим собой, огоньком сигареты и музыкой: «Ветер пожаловался мне», «Она не хочет ни цветов, ни шоколада», «Что говорил ты мне о любви и верности».

Храп соседа усилился, он булькал и хрипел с удивительной равномерностью.

Блондин улыбнулся: «Совершенство. Даже его храп совершенен. Если бы у меня не было Эрнста... Странно, весь мир говорит о товариществе. А что это на самом деле и что это в действительности? В своей основе это так: находят приятеля, с которым есть взаимопонимание, а может быть, и двух. Другие? С ними живут независимо от желания, привыкают к совместному пребыванию, как привыкают ко всему. Кто-то уходит. Приходят новые. Ничего не меняется. Многие остаются всегда одни, несмотря на воспеваемое фронтовое товарищество. Одни, несмотря на то что на самом деле никогда не бывают предоставлены сами себе. Просто дело везения, найдется настоящий приятель или нет. А от приятеля до друга еще долгий путь. Дело случая, так как все на этой войне зависит от случая. Если я, например, посмотрю на отделение, ясно, что я знаю всех. И все они знают меня, насколько можно познакомиться с человеком во время казарменной гимнастики, по жизни в одном помещении, учебе, карауле. Но во вре-

мя увольнения интересы уже разделялись. Потом, на фронте, опять все вместе. Все знают, кто как храпит, у кого потеют ноги, кому что нравится из еды и выпивки, кому нравятся блондинки, а кому брюнетки, у кого есть подружка, а кто еще с удовольствием бы познакомился, какой у него дом, о чем мечтает, какую причуду имеет. Но чтобы знать человека? Другие товарищи из взвода или роты — просто фамилии со званием и без него, унтер- или обер-, имена с обращением на «ты» или служебным обращением на «вы»! При этом войска СС еще явно прогрессивны. Нет никаких господ, как в сухопутных войсках, люфтваффе или на флоте, где человек начинается только с обер-стрелка, с господина обер-стрелка! Простой солдат называется стрелком, летчиком или матросом. С малейшим незначительным званием он становится господином! У нас господ нет! Стрелок, конечно, по-прежнему остается «стрелком Задницей», штурман — по крайней мере — мужчиной, а роттенфюрер — уже фюрер, хотя водить ему некого. А потом идет длинный ряд фюреров, от унтершарфюрера до оберстгруппенфюрера. Это — новшество, но разве от этого что-нибудь изменилось? Стрелку Майеру все равно, рвет ли ему задницу господин унтерофицер или об этом же заботится унтершарфюрер. Господин или не господин, Сливовый Август или Тряпка, Мечтательный Танцор или Мочащий Постель всегда без петлиц, без звездочек и погон, а если стрелок Майер почтеннейшее спрашивает у господина фельдфебеля разрешения пройти или спрашивает обершарфюрера: «Разрешите пройти?» — результат один и тот же! Перед тем и другим, прежде чем пройти, он должен шаркнуть ножкой. Он должен отжиматься или приседать! В конечном результате господин или не господин — простой формализм. А где остается товарищество? При петлицах и звездочках оно в любом случае пропадает. Есть хорошие и плохие начальники. Великолепное сви-

детельство об окончании юнкерской школы в Брауншвейге, пребывание на хорошем счету у командира и даже Рыцарский крест не дают гарантии на то, что люди за ним «пойдут в огонь и в воду», как это метко говорится. За него идти в огонь? Должно быть наоборот! За своих людей командир должен идти в огонь, если речь идет о старых представлениях времен Фридриха, когда солдат должен был «бояться своего офицера пуще супостата». Наиболее употребительным и самым распространенным выражением для обозначения взвода, роты, батальона является «отряд свиней»! А для обычного бойца: «Вы, слеза», «Вы, трофейный германец», «Вы, жертва переселения народов» и другие более грубые титулы. Если есть награда или хотя бы орден, то прежний садовый гном становится вдруг «солдатом», но только тогда. Как говорится, есть командиры такие и сякие. Бойцы, привыкшие все упрощать, поделили их на три категории: первая — стихийные, жадные до орденов сорвиголовы, вторая — доученные до должности и звания пеньки и третья — корректные, справедливые и дельные. Но чтобы они были товарищами? Скажи как-нибудь гауптштурмфюреру: «Привет, товарищ!» Как думаешь, какую мину он тебе скривит, если уже даже мелкий «обер», обершарфюрер, в трех километрах от фронта устраивает разносы за то, что ты не по уставу его поприветствовал. Потому что твое приветствие, как он выразил-

«Цыпленок». Лето 1943 г.

ся, «не немецкое приветствие, а указатель уровня воды в твоей тыкве». Разве шпис — твой товарищ, когда низводит тебя до размеров эмбриона за то, что твои сапоги в районе для отдыха блестят не так, как во время смены караула у рейхсканцелярии? Или молодой унтерштурмфюрер, который через четыре дня после боев под Харьковом устроил гонки по-пластунски а-ля Лихтерфельде, чтобы отряду свиней снова привить уважение к начальству? Был ли товарищем командир роты, когда он для проведения «Немецкого дня» со своими товарищами-фюрерами хотя и использовал организационные таланты Эрнста, однако не постеснялся отделать его перед своими гостями за несолдатский внешний вид, чтобы потом пить и жрать то, что добыл именно этот «полусолдат».

Обычно тебя называют товарищем, когда от тебя чего-то хотят. Примечательно, что один солдат никогда не окликает другого, независимо от того, из каких они частей и родов войск, словом «товарищ». Он скажет «приятель». Но приятельство? Нет, не звучит. Часто упоминаемое и затертое товарищество как высшее проявление для сварного шва снаряда или общих фронтовых переживаний кажется покровительственной уступкой высших чинов, если не вовсе выдумкой военных литераторов. Если один господин майор говорит другому господину майору «товарищ», то это приемлемо, но чтобы один боец другому? Даже вопрос: «Товарищ, у тебя сигаретки не найдется?» — был бы нетипичным. «Эй, приятель, у тебя есть покурить?» — звучит реальнее. Если боец и говорит когда-нибудь «товарищ», то только в пренебрежительном, издевательском тоне. «Товарищ, сбегай ты, а то я очкую». «Вперед, товарищи, а то нам надо назад!» Или совсем мрачное применение: «Товарищи с другим номером полевой почты», как называют иванов. Не отделаться от нехорошего чувства, что ореол, связанный с понятием товарищества, связан скорее

со светлыми воспоминаниями послевоенного времени и был, само собой разумеется, настоящим. Понятие товарищество, как принятие на себя ответственности за другого и его тягот, самоотверженное стояние за другого, родившееся на фронте и отмеченное им, возникло уже потом, за столом, в военных объединениях и на полковых встречах, в память о неотъемлемой солдатской добродетели.

Но было ли для каждого члена солдатского братства товарищество на фронте таким же само собой разумеющимся и священным, как в кругу своих друзей за пивным столом? Будем ли и мы, буду ли и я сидеть после войны за пивным столом в кругу добрых старых товарищей, болтать в романтическом ореоле о военных временах, когда мужчина чего-то еще стоил и не мог положиться ни на что более крепкое, чем товарищество? И пока по радио будут передавать марш «Альте камераден», и старые товарищи будут отбивать его ритм ногами. А выпью ли я потом за товарища Шмидта, бывшего штурмбаннфюрера Шмидта, в священной памяти о том времени, когда я был для него в лучшем случае неандертальцем, а во всех остальных — просто нулем?

Полная чепуха! Товарищество есть не что иное, как человечность. Человечность во время крайнего проявления бесчеловечности. А человечность связана вовсе не с каким-либо определенным временем, родом войск или со специальным подразделением, а с людьми. Пока, несмотря на бессмысленность войны и различия в униформе, есть еще люди, вера в добро не будет просто иллюзией или теоретической философией.

Хорошо известно, что в этой мясорубке еще живы проявления человечности, и совершенно все равно — мне, по крайней мере, — называются ли они гуманизмом или товариществом».

Блондин отогнал свои мысли и зевнул.

Ночь была тиха. Если бы время от времени не доносились короткие пулеметные очереди и не взлетали осветительные ракеты, можно было подумать, что война тоже уснула. Блондин потянулся, снова зевнул, словно собака, и, так как его окоп был коротковат, поднял ноги на край окопа. «Вот хорошо, как в дедушкином кресле-качалке», — подумал он, заложил руки за голову и стал смотреть в небо, удивляясь, что внезапно у него из головы исчезли все мысли, что он не распутывает какую-нибудь проблему, как обычно, что он не делает ничего другого, а просто и спокойно лежит. Это как у костра или на море, когда смотришь на горящие дрова или на равномерную игру волн, не думая об этом, и мысли подчинены только отдыху. Ум отдыхает. Подкорковая внутренняя жизнь вновь приходит в равновесие. Наступает короткий отдых для «я».

Он лежал с широко открытыми глазами и забыл подтянуть верхнюю губу к носу.

Кажется, повара решили устроить себе отпуск. Дори часа два назад привез боеприпасы и в качестве особого приложения — две буханки хлеба, немного искусственного меда и по пять сигарет на человека. Солдаты ругались. Всего пара дней боев, а кормить уже перестали. А что будет, когда они неделями будут лежать в грязи?

Дори присел рядом с Эрнстом и Блондином, пропотевший, запыленный, и внимательно стал наблюдать за мюнхенцем, как тот с кисло-сладким выражением лица уминает искусственный мед.

— Вкус — отвратительный. «Сто семьдесят пятый», — так он называл заменитель меда. — И со времен Лихтерфельде он не стал лучше.

— А почему тогда ты жрешь эту дрянь?

— Потому, Дори, что у тебя другой нет.

Дори украдкой подтолкнул Блондина.

— А почему у тебя нет ничего другого? Обычно ты более взыскателен.

Эрнст уложил свой хлеб и отмахнулся. Дори улыбался все шире.

— Ты уже сыт, Эрнст?

— Да, вот так, — указательный палец горизонтально прочертил под носом, — до отвала.

— Тогда мы, Цыпленок, можем, наконец, приступить. Режь хлеб. — Дори ощупал свою маскировочную куртку, и его улыбка переросла в смех, когда он сказал:

— Цыпленок, вот наша намазка для бутербродов!

Эрнст осмотрел консервную банку. Подбородок его отвис. Он перехватил воздух. Наконец, он овладел собой и рассмеялся:

— Вот же пес ты, Дори. Заставил давиться меня дерьмом, а сам привез мою банку. Но, несмотря на то что я был сыт, мой дорогой, для этого местечко еще осталось.

Он поделил ветчину на восемь кусков.

— Вот, Цыпленок, дай остальным их долю. Пусть слижут свое искусственное дерьмо на десерт.

И, жуя за обе щеки, он задумчиво заметил:

— Снабжение начинает медленно доставать!

День седьмой

8 ИЮЛЯ 1943 ГОДА

Создав небо и землю и не забыв про солнце, решил Господь Бог после шести дней непрерывного творения установить заслуженный день отдыха — воскресенье. Седьмой день битвы под Курском не был ни днем отдыха, ни воскресеньем. И он был горячим!

Отдельные облачка, приклеившиеся к небесной сфере, иногда давали тень. Собравшиеся роты, батальоны и полки шли широко разбросанными длинными колоннами по холмистой местности, пересеченной глубокими оврагами. На правом фланге танки и штурмовая артиллерия поднимали длинные хвосты пыли. Еще правее, вдалеке слабо, но непрерывно гремела артиллерия, сопровождавшая гренадеров еще в предыдущий день. К тому времени каждый боец знал, что там иван отчаянными атаками пытается прорвать их фланг. Экипаж разведывательной машины из «Мертвой головы», ожидавший горючего, рассказал, что их сменили баварские пехотинцы. Теперь они должны были держаться, чтобы подвижные соединения войск СС могли прорваться к излучине Псела.

Гренадеры восприняли новость с присущим им упрямством и пошли дальше. Что такое излучина Псела и где она находится — никто не знал. Им также было

все равно, излучина ли это, дрянной городишко, река или гряда холмов. С названиями всегда были связаны тяготы. Они только не понимали, зачем им сбивать подметки, если здесь можно было бы ехать.

Рота, в которую входило отделение длинного унтершарфюрера, замыкала полковую колонну. Этим все были довольны, особенно Эрнст. Этот успокаивающий факт его радовал, и он воспринимал такую летнюю прогулку приятной. Марш был почти удовольствием. Люди улыбались. Все идет легче, если знаешь, что дивизия идет за другой. В предыдущие дни все было наоборот. Тогда они шли в авангарде, а это уже половина абонемента на то, чтобы попасть в список, обрамленный черным прямоугольником под Железным крестом в газете. Как уже сказано, этому больше всех радовался Эрнст. Он глубоко ушел в собственные размышления. Блондин наблюдал за ним и думал, какие проблемы пытается решить мюнхенец, как он оценивает свои шансы, чтобы остаться невредимым. Он ждет возможности блестящего проявления ума, возможности добраться до припасов. В авангарде это невозможно. Но в хвосте, к тому же в непосредственной близости от мясных горшков Лукулла? Ему бы только узнать, где полевые кухни, где едут машины и повозки с продовольствием, а еще лучше — где остановилась маркитантская лавка. Как только это будет установлено, тогда остается только дождаться темноты. Блондин ни словом не нарушал ход мыслей своего друга. Он молча топал рядом с мюнхенцем, внутренне предвкушая, как Эрнст будет проворачивать дельце. Он усмехнулся, перевесил винтовку на другое плечо и посмотрел в небо, в сияющую голубизну, покрытую мелкими облачками. Потом он осмотрел округу, которая не была такой уж унылой, какими представляются обычно военные ландшафты. Когда идет бой, омерзительным становится любой ландшафт, будь то Вогезы или Аргонский лес, Фландрия или Сомма. Тот, что был перед

ними, был идиллией — плоские холмы, заросли орешника, балки. Почти красиво. Он напоминал Франконию. Не было только домов с красными крышами, шпилей кирх и извилистых дорожек, глядя на которые думаешь, почему они не прямые, а закрученные вокруг каждого поля. Нет также виадуков, а в остальном — ничего угрюмого, одинокого монотонного и меланхоличного. Ничего такого, что бы напоминало общее представление о русском пейзаже. Добрая страна, если бы не люди — солдаты, артиллерия, танки и штурмовые орудия. «Если бы» — проклятое словосочетание. Надо его вычеркнуть из словарей. «Если», тогда бы не было никаких «но» и многое стало бы не таким проблематичным.

Глубокие следы гусениц были почти дорогой. Много следов в пыли, покрытые пылью вывернутые и размолотые куски дерна, но это дорога, и она ведет, а там, где есть направление, идется легче.

Блондин начал про себя напевать марш дивизии «Лейбштандарт». Текст был пошлым, как обычно, но зато мелодия пробирала до костей. Это уже было известно в 1-м пешем гвардейском полку, проводившем разводы караулов в Потсдаме. Прежде это был его марш. Блондин потихоньку напевал. Через некоторое время он поймал себя на том, что повторяет только припев, а из него — только проигрыш трубы: «Тра-ля-ля-ля-ля!»

Удивленный Камбала повернулся и толкнул Куно:

— Ты слышишь, Куно? У нас тут завелись донские казаки.

Блондин в ответ усмехнулся и неожиданно громко, во всю силу запел, подражая звукам трубы:

— Тра-ля-ля-ля-ля! Это гвардия...!

Эрнст безразлично покачал головой, показал на солнце, потом на Блондина и постучал себя по лбу. Его каска отозвалась звонким металлическим звуком.

— Нет, Эрнст, это не солнечный удар. Стальной кокос от него защищает!

— А почему ты орешь всякую ерунду и пугаешь округу?

— Я тоже как раз подумал. Споешь со мной?

— Я? Иди ты!

— Почему нет? Можешь предложить что-нибудь лучше?

Эрнст только махнул рукой, больше не мешал Блондину, продолжая идти по жаре под палящим солнцем. Камбала стал подпевать, Куно загудел октавой ниже, Пауль и Йонг улыбнулись и запели чисто и высоко. То, что в Лихтерфельде они делали по принуждению, против своей воли и с проклятиями, теперь у них получалось добровольно и от всей души.

Ханс остановился и подождал, пока отделение не поравняется с ним. Он скривил лицо и со сдержанным смешком крикнул:

— Камбала! Вы же поете с переливами как кастрат! Запишитесь в хор Венских мальчиков, парень! Но чтобы петь «Гвардию»? «Гвардию»! Смените пластинку!

Камбала недолго подумал и затянул своим тонким мальчишеским голоском:

— «По вражеской стране идут войска СС и песенку веселую поют...»

Эту песню сменила другая, потом третья. С Блондином пел только Петер. Остальные голоса были еле слышны. Потом он пел один. Ханс бросил на него своеобразный изучающий взгляд и опять ушел вперед.

Проторенная танковыми гусеницами колея то уходила в низину, то круто поднималась на холм. В воздухе стояло марево. Жара давила.

Блондин забыл мелодию.

«Если вместо орешника были бы сосны, дающие побольше тени, а следы танковых гусениц — полевой дорогой, все было бы так, как во время моего первого похода со взводом фанфаристов. Он тоже был в июле, и солнце тогда палило так же, как и сегодня. Вспотели, нет, все были мокрыми от пота. И посбивали ноги. Тогда

мы были еще непривычными», — он проглотил слюну и зевнул. «Тогда я тоже был еще цыпленком. Не самый маленький, нет, высокий, худой и неуклюжий, зато самый младший. Тогда я должен был нести огромный чугунный котел».

Он осмотрелся вокруг, посмотрел на мелькающие перед ним подметки сапог Эрнста и улыбнулся: «Прямо как тогда. Я тоже шел за мелькающими подметками. Мне были видны только стоптанные каблуки, камушки на проезжей полевой дороге, бороздки от дождя и пучки травы по сторонам. Тогда. Странно, тогда их тоже было восемь. И среди них — замечательный парень Герд. Бывший образцом во всем. Где-то он теперь? Наверное, где-то в России. Кажется, он в противотанковой артиллерии. Из остальных семи четверо погибли. Последним — Ханзи. Нет, лучше — он пропал без вести. Но что значит пропал без вести? Погиб — значит, окончательно. Пропал без вести — значит, окончательное будет тянуться бесконечно долго».

Мимо проехали машины и мотоциклы. Один мотоциклист остановился и крикнул:

— Вам, усталым мешкам, все ясно?

Эрнст оказался у мотоцикла первым. Он таинственно шушукался с Дори. Тот смеялся и показывал назад. Блондин наблюдал за обоими. Когда он проследил глазами в указанном Дори направлении, то увидел в лесочке, широкой полосой подходящем к дороге, стоящие машины. «Будет ли возможность? Действительно ли это машины с продовольствием? Они что, ехали средь бела дня? Оригинально!» Но потом он догадался: «Естественно, мы же замыкаем дивизию, поэтому и товарищи из черпачной братии такие молодцы! Остановились в тенечке, чтобы гуляш на жаре не прокис. Но, к сожалению, им придется ждать ночи. Потому что, только когда стемнеет, подвезут продовольствие. Естественно,

Обстрел

что везти готовую пищу войскам должны будут другие товарищи. Могут начать стрелять и, при известных обстоятельствах, даже попасть. И кто тогда будет составлять расточительные меню и наполнять неисчислимые голодные рты?»

Эрнст и Дори продолжали беседовать. «Они советуются, — улыбнулся Блондин, — придумывают махинацию, с помощью которой они смогут провести кухонных солдат. Один узнал, где и какое продовольствие есть, а другой позаботится, как его добыть».

На редкость спокойный день. Редкая благоприятная возможность. Просто идеальная исходная позиция для организаторского гения. И напротив, не очень хороший, если не сказать плохой, для начальника финансовой части. Им и так непросто, потому что плох мир, люди, и особенно некоторые разновидности солдат. «Внимание!» — вот лозунг тыловой службы! Ни на секунду не отрывать глаз от продовольствия. Лучше всего — сесть на них и сидеть днем и ночью, как наседка на яйцах. Ящики с провизией, полки с банками, мешками, бутылками — священная собственность. Ее надо охранять до последнего издыхания. Это была война тыловиков. И как они на ней сражались!

Во время боев под Харьковом при отступлении «салохранители» защищали свое богатство от голодных бойцов даже с помощью автоматов. Когда подходили русские, надо было провести сверку запасов с продовольственными накладными. Должен быть порядок! Как же можно в противном случае с сознанием выполненного долга взорвать склад? И это — не анекдот! Это было в действительности! Огромный продовольственный склад уже был подготовлен к взрыву. В такой обстановке было невозможно потратить оставшееся время на выдачу дрожащим от голода и холода немецким отступающим героям французского коньяка, вестфальской ветчины или франконской сухой колбасы. Склад от

собственных солдат с карабинами наперевес охраняли часовые. Один из интендантов орал как самый главный и толстый защитник, отдавая невозможные приказы до тех пор, пока Дори под устроенную Вальтером и Паулем пулеметную стрельбу и взрывы ручных гранат не крикнул ему: «Иван идет!» Тогда ветераны охраны и их полководцы моментально ретировались к своим машинам и исчезли под треск пулеметов. Они даже забыли взорвать заложенные заряды. Впрочем, ничего бы и не взорвалось, потому что предусмотрительные саперы продолжали там суетиться и сняли взрывные машинки. Эрнст выбил бронетранспортером складские ворота, въехал в здание склада и обеспечил «организацию». И все получилось! Без спешки, без паники и споров. А когда через полчаса иванов еще не было видно, но вместо них приехал командир батальона, то Эрнст, замещая начальника склада, построил своих людей и сделал один из самых знаменитых своих докладов о том, что подразделения на несколько дней обеспечены продовольствием, подтвердил это цифрами, конечно же, выгодными ему, так как шеф не должен был знать, что Дори перегрузил свой мотоцикл с коляской. Доклад заканчивался словами: «Остатки склада подготовлены к взрыву».

«Старик» знал мюнхенца. Он улыбнулся и дал указание, чтобы все, что было погружено на бронетранспортер и несколько вездеходов, поровну было разделено между ротами. Однако он не сказал, кто должен был это сделать, и слава богу, что не сказал. Поэтому получилось так, что делил все не каптенармус и не повар, а Эрнст. Результат был тем более удивительным. Бойцы получили продовольствия на несколько дней, главным образом мясные и рыбные деликатесы. Они восприняли этот факт совершенно невозмутимо, и даже были рады. Высшими инстанциями было отмечено, что моральный дух части еще никогда не был так высок, как именно при

отступлении. Для вермахтовских психологов, если бы такие существовали, результат анализа был бы интересен. Какими простыми средствами можно придать войскам внутренней крепости и внешней бодрости, даже в том случае, если им надо отступать, а не наступать. К сожалению, за эти вещи, поднимающие моральный дух и укрепляющие телесную силу, не предусмотрено орденов, поэтому Эрнст продолжал бегать без Рыцарского креста. В качестве компенсации он получил разнос от старшины за нецелевое использование бронетранспортера, а Дори вынужден был подкупать своего друга-техника.

Ночью подошли машины. Солдаты складывали в них свои вещи, брали боеприпасы и продовольствие, выскребали остатки гуляша со дна своих котелков и ругали поваров. Хотя никаких трудностей в снабжении не было, опять привезли только гуляш, если этот клейстер без мяса и блесток жира вообще можно было считать гуляшом. Если Эрнст был прав, то давешняя собака должна была быть не только старой, но еще и чертовски тощей. Поскольку кухонные товарищи тоже были только людьми, то привезли с собой еще хлеб и кофе. Камбала спросил повара, есть ли у него топор или пила, потому что буханку обработать обычными инструментами не получится, может быть, только ручной гранатой удастся раздробить ее на кусочки. В этот момент Куно сунул под нос надутому ротному писарю лимонку и сказал:

— Убери свой огурец, когда буду взрывать мою буханку, или прыгай в мой котелок! — Как обычно, началась ругань с каптенармусом. Командир роты распределил свою благосклонность равномерно, причем сначала он распек солдат, а потом по одному перебрал кухонный персонал. Чтобы все видели, что все получится, если только захотеть, он схватил буханку хлеба и укусил ее. Это была ошибка. Он понял это в тот же момент, открыл

рот, провел языком по заболевшим зубам, обвел всех глазами, ожидая, что кто-нибудь засмеется. Ни у одного даже уголки рта не потянулись. Потом он угрожающе тихо прошептал каптенармусу:

— Попробуйте вы, Пенски! Если у вас получится, то и у парней тоже.

У каптенармуса не получилось. Хотя он и рискнул своими пломбами, но комок цемента превратить в только что испеченный хлеб ему не удалось. Когда с руганью он отбросил буханку, она попала в термос из-под кофе, в котором исчезла, глухо ударяясь о стенки. Тогда прозвучал тонкий голос Камбалы:

— Это твоя граната, Куно?

Только в тот момент все рассмеялись. Командир тоже смеялся. И еще что-то сказал каптенармусу, но за смехом, к сожалению, его не было слышно. Но это распоряжение, наверное, было связано с тем, что каждый получил по полной фляге кофе вместо обычной половины литра. К тому же был удвоен паек сигарет.

Ночью Блондин сидел в своем окопе. Его партнер по разговорам из Мюнхена исчез. От Дори тоже не осталось и следа. Война запыхалась и решила передохнуть. Даже артиллерийский огонь на правом фланге превратился в слабое робкое бормотание. Взлетела пара осветительных ракет. Где-то прогремели пулеметные очереди. Блондин улыбнулся: «Над всеми партами установилась тишина, даже со стороны кафедры не слышно ни единого вздоха. Подожди немного, будешь спать и ты». Такой вольный пересказ Гете был написан на классной доске. Его дополняла карикатура на учителя немецкого языка, спящего на кафедре перед пустыми партами. А вместо отличников были березовые кресты с висящими на них стальными шлемами, напряженно ожидавшими реакции учителя. И она пришла! И как пришла! Кавалер ордена крови, депутат рейхстага, доктор филологии, преподаватель немецкого языка и истории сначала не обратил

внимание на замерший класс. После достаточно долгого рассматривания рисунка на доске он, наконец, понял содержание рисунка, уставился на него, а потом просто выскочил из костюма. Его полукруглое полное лицо приняло окраску золотой рыбки из классного аквариума. Его от природы маленькое полное рыхлое тело разрослось до размеров былинного викинга, а что последовало — походило на канонаду под Вальми в словах! Пораженчество! Предательство нации! Подростки обладают духовным развитием недочеловеков! Саботаж! Попытка разложить боевую мощь борющегося за свое существование народа! Его голос вибрировал всеми тонами. И, как это было свойственно этому преподавателю, он устроил моментальный военно-полевой суд. О глупой мальчишеской выходке он не думал.

К сознанию, пониманию и разуму он также не обращался. Он часто по мелочам придирался к Блондину, поэтому в нем легко было выявить автора карикатуры. После того как нервная вспышка учителя несколько улеглась, он произнес приговор:

— Вы, пачкун! Вы, несчастный маляришко! Я вам не забуду это произведение! Я превращу вашу будущую жизнь в ад, пока вы не обрадуетесь, что над вашим трупом стоит березовый крест! Я вас отправлю туда, где ваш вздор окончательно испарится! Радикально! Вы поняли?

А когда Блондин по-военному щелкнул каблуками и выкрикнул:

— Так точно, господин доктор! — и добавил, что уже подал заявление о приеме на службу в «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», остатки самообладания у педагога рухнули. Он уже замахнулся, чтобы ударить, но вдруг своевременно заметил различие в росте, и рука его остановилась в воздухе.

— Мои руки длиннее, чем вы думаете! — крикнул он и замахал обеими руками, словно жонглер.

— Мои руки достанут и до «Лейбштандарта»! Вы это увидите! Я вам это гарантирую! — И после этого он плотоядно улыбнулся.

Ну вот, старый боец остался дома, будучи в своей школе верным пропагандистом среди своих воспитанников единодушной подачи заявлений на добровольную службу. Но его рука действительно дотянулась до Лихтерфельда. Однажды во время рекрутчины Блондина вызвали в канцелярию. После обязательных приседаний он, наконец, мог стоять прямо. Шпис задумчиво развернул письмо и так же задумчиво прочитал Блондину обвинения. Он понял что-то о непослушном ученике, строптивом субъекте без убеждений и чувства Родины, о пятне позора на элитном полке, которое необходимо стереть и уничтожить, чтобы освободить от него новый общественный порядок. Блондина охватило тошнотворное чувство. Шпис разорвал письмо, клочки которого упали на безукоризненно чистый письменный стол. Он смерил глазами Блондина сверху вниз и обратно и вдруг крикнул:

— Для нас педагогический оргазм ягодичного барабанщика дерьма не стоит, ясно? Мы не даем вспомогательных уроков для школьных неудачников, ясно? Мы ценим только мужчин с именем фюрера на рукаве, ясно? Что было раньше — нам наплевать, ясно? Сейчас, сегодня — считается. Остальное — нет! — После этого он улыбнулся и сказал почти по-отцовски:

— Но если вы у нас попытаетесь заниматься тем же, чем довели своего препода до белого каления, то я могу вас уверить... — И вдруг снова перешел на крик:

— У нас — никогда! Мы разорвем вам жопу так, что туда задвинутся Бранденбургские ворота! Ясно?!

Тогда Блондин засветился гордостью. Гордостью за своего старшину. Гордостью за свой полк. Гордостью за самого себя, за то, что служит в «ЛАГе» или еще будет служить. Одновременно впервые он заметил противо-

речия между коричневым и серо-полевым, противопоставление, которое его часто занимало и решить которое он не смог по сей день. Коричневый — это партия. Серый — это армия. Если рассматривать коричневое или тех, для кого этот цвет — вторая кожа, то можно прийти к выводу, что коричневый — всегда позади, в тылу. Коричневый всегда дает лозунг серому: вперед! Если говорить о подходящих фигурах, то серый — худой и стройный, коричневый — круглый и толстый. Но коричневый не обособлен. Не осознавая того, мы достаточно долго носили коричневые рубашки: сначала как пимпфы, а потом как гитлерюгенд. Но коричневый цвет — цвет партии. А для нее мы еще слишком молоды, незрелы и недостаточно крепки идеологически. Партия стоит за мировоззрение. А многие из его премудростей под снарядами теряют свой смысл. Хотя коричневое руководствуется мудростями, для серого нет ничего хуже изречений. А черный? Черный для нас — это черные СС, партийные и гражданские СС, гестапо и служба безопасности. Черное — это бонзы в многочисленных учреждениях, где собрались массы с уголками старых бойцов на рукавах, считающих себя хозяевами мира. Чтобы ими стать, надо быть молодыми бойцами. Это — мы. К сожалению, старые черные бойцы с начала войны тоже носят форму серого полевого цвета. К сожалению, они, как и дивизии войск СС, носят полоски на рукаве. Не с названием полка или дивизии, а с названием своего ведомства. Для людей, не разбирающихся в этом, для тех, кто не хочет в этом разбираться, нет особого различия. К сожалению, эти мужики носят такие же знаки различия, как и мы, и, к сожалению, (вот где собака зарыта!) нас бросят в один горшок вместе с ними. СС — все равно что СС, а войска СС — это их составная часть, так как шеф всего этого — Генрих Гиммлер, рейхсфюрер СС. Мы носим форму серого полевого цвета, как и остальные солдаты, ездим на таких

же танках, топаем в тех же сапогах, жрем ту же жратву, пьем то же самое пойло и состоим в таких же подразделениях. У нас те же строевые приемы и команды, как в армии, и такой же короткий отпуск. Мы образуем роты, батальоны, полки и дивизии, как и сотни нам подобных, у нас также приказывают и подчиняются, ругаются и смеются, стреляют и укрываются. Пока все понятно. Несмотря на это, имеются особые отношения между нами и другими родами войск: напряжение, дистанция, недоверие, иногда — отчуждение. Причина этого в том, что мы молодой род войск, что он состоит только из добровольцев, в том, что мы считаем себя элитой или, с другой стороны, нас считают такими, особенно русские? Заключается ли причина желания казаться лучше во внешней стороне — росте, рунах, черепах — или в том, что для офицерской карьеры аттестат зрелости уже не нужен? Каждый может, если хочет, — это не ново. Разве не каждый наполеоновский гренадер нес в ранце маршальский жезл? Может быть, она заключается в часто упоминаемом «новом духе»? — Мысли Блондина остановились на «новом духе». Он задумался и наконец улыбнулся. — Новый дух — если сказать от всего сердца, то я мало что в нем нахожу. Если в нем и должно что-то быть, насколько тогда надо ругать старый? Как у нас обращаются с людьми, несмотря на «новый дух»? Надо ли разбить молодого добровольца, чтобы сформировать из него солдата? Надо не только свое «я», но и свой идеализм протащить сквозь дерьмо, чтобы он был достоин мундира фюрера? Должны ли методы военного воспитания быть безусловно самыми примитивными в обществе? Должен ли язык этого воспитания происходить из самых вонючих закоулков клоак? Является ли низведение личности до абсолютного человеческого нуля высшей военной целью? Или можно сделать по-другому? И было ли по-другому? Должно ли понятие «человек» быть изъято из словаря военных? А было ли

оно? Или все еще действует циничное пренебрежение к человеку: «Собаки, хотите жить вечно?»

Для многих господ из вермахта мы — идеологически вымуштрованные солдаты партии, нежелательные и ненужные фанатики, которым нацистская мифология вколочена в башку кувалдой. Слепые, упрямые и тупые. «Длинные бедные собаки», или «Длинные убогие герои». Наши офицеры наполовину неграмотны, потому что аттестат, как известно, не является предпосылкой. Недоучки и неудачники, у которых вместо мозга остался в черепе только лозунг: «Наша честь — верность!» Жаль великолепного человеческого материала. Если бы каждый роттенфюрер был высококвалифицированным унтер-офицером или фельдфебелем. У нас он остался бы сидеть в своем звании, а в армии его нет. Естественно, у нас есть такие типы офицеров, и не только у нас. И почему жалеют отличный человеческий материал? И откуда берется роттенфюрер, который бы в армии получил звание на две-три ступени выше, если бы в качестве офицеров были бы только такие типы? Отборный человеческий материал был и остается проблемой всякой гвардии, будь то у русских или у нас, в Пруссии или у Наполеона. Не говоря уже о древних греках и римлянах. Тогда, как и сейчас, между гвардией и остальным войском складывались несколько напряженные отношения. Хотели того или нет, но она была нужна. Если где-то по особенному завоняло, если дальше не идет или начинается мясорубка, то туда отправляют войска СС. Там, где, как говорится на солдатском жаргоне, дымится дерьмо, мы играем роль пожарной команды. Когда дело улажено, говорят: «Неудивительно при таком вооружении, при таком продовольствии, при таком человеческом материале!»

Естественно, при этом не замечают, что наше оружие ничем не лучше и ничем не хуже, чем у мотопехотной или танковой дивизии сухопутных войск. И лишь немно-

гие согласятся с тем, что элитные дивизии сухопутных войск «Великая Германия» или «Танковая учебная дивизия» гораздо лучше вооружены, чем мы. И это неудивительно, ведь нас снабжают техникой и вооружением сухопутные войска, а не наоборот. И кто бы, учитывая этот аспект, еще предполагал, что именно нелюбимые войска СС получат новые танки, тогда как собственные армейские дивизии будут ездить на старых? Поэтому в «Лейбштандарте» нет никаких новых чудо-танков, никаких «Пантер». Поэтому у нас и не осталась половина танков стоять с кипящими моторами на марше во время выдвижения!

«При таком продовольствии — неудивительно! При такой еде можно и худшее дерьмо выдержать!» Ошибка. От кого мы получаем жратву, кто нам ее выделяет — сухопутные войска! То же самое, что и с вооружением. Едва ли можно себе представить, что господа из управления продовольственного снабжения именно нам будут отправлять паштет из гусиной печени, в то время как собственные войска будут давиться перловкой. Даже если наши буханки хлеба такие же черствые и плесневелые, как в сухопутных войсках, если проблема искусственного меда у нас, как и в армии, состоит в том, чтобы наслаждаться этим сладким клейстером, что само по себе является искусством, которым владеют только избранные, даже если сыр и здесь, и там пролетает одинаково быстро и догнать его можно, только дав полный газ, все продолжают считать: продовольственное снабжение у нас лучше. Итог: кто лучше жрет, тот лучше и воюет!

«Неудивительно при таком человеческом материале!» Что-то в этом есть. У нас служат только добровольцы. И это отличает нас даже от 1-го гвардейского полка кайзеровских времен. Возрастные различия небольшие. Женатых надо искать с биноклем, по крайней мере, что касается солдатских званий. Во внутренних

установках добровольцев даже убивающая дух казарменная гимнастика немногое смогла испортить. Что касается этих установок, то они направлены на то, чтобы держаться, если стоит держаться, и прорываться, если их переключили на атаку. Коротко, потому что они безупречны! Как обычно, на все можно посмотреть и с другой стороны. Упрямая оборона, в то время как тактический отход был бы выгоднее, слепой бег в атаку, тогда как терпеливое ожидание является лучшей альтернативой. Что в лоб, что по лбу, некоторые господа иронически поднимают брови, когда речь заходит о войсках СС.

Напротив, простой солдат честнее. Если он знает, что его сосед — войска СС, то на них он может положиться и будет уверен в том, что иван там не пройдет. Солдат нас понимает. Между простым стрелком из войск и нами нет никаких различий. Солдат есть солдат. Среди молодых офицеров тоже есть понимание. Критическое отношение появляется выше. С получением красных лампасов Генерального штаба на брюки появляется отвращение к новому. Старое — достойная чести прусская традиция — присуще сухопутным войскам. Традиция гласит: стотысячное войско, а еще лучше — кайзеровская армия. Терпимо относятся к коричневому цвету, но черный является красной тряпкой для господ в сером! Мы тоже черные, хотя господам должно быть об этом лучше известно! К сожалению, им совершенно все равно, что мы не коричневые и не черные — мы серые полевые, и что у нас нет ни отдельного армейского командования, и что мы не можем принимать самостоятельные стратегические решения, потому что все войска СС подчинены Главному командованию сухопутных войск. Им также все равно, что мы делаем то же самое, что и остальные армейские дивизии, и не хуже их! Напротив — и это им не все равно! Они все еще считают себя, естественно, в своем кругу, среди товарищей,

«прусскими генералами». Они — лишь отвечающие за самих себя военные индивидуалисты — хотя такой вид людей нечасто проявлялся среди прусского генералитета. Таким был, например, Фридрих Вильгельм фон Зейдлиц, которого Старый Фриц за это осуждал, или Людвиг Йорк фон Вартенбург, которого король снял с должности. Невозможно и представить, чтобы генерал из вермахта сделал то, на что решился в сражении под Харьковом и чем рисковал наш шеф Пауль Хауссер, которого некоторые называют «папаша Хауссер». Он думал и действовал вопреки приказу, против ясного приказа фюрера! Без малейшего прикрытия со стороны своего непосредственного начальника Эриха фон Манштейна! Предоставленный самому себе со своим решением, он спас время, обстановку и людей. Он действовал и отвечал так, как фон Манштейн не осмелился и как Паулюс в Сталинграде даже и подумать не был способен. В этом заметно что-то от «нового духа». В этом проявляется солдатский кураж, свобода принятия решений и личность вождя.

Дурацкие мысли. Запутанные и противоречивые, и довольно писать об этом. Это — не мое. Для этого у меня нет таланта, исторического взгляда и кругозора, источников и не знаю, чего еще.

Блондин улыбнулся: судьба у меня такая, что я всегда должен все обдумывать. Ничего не имею против, что иногда мне в голову идут сумасшедшие мысли. И почему? Если у солдата есть время, когда ему его дают, тогда он начинает думать о глупостях или ими заниматься! Убивать время всеми возможными способами. Или думать, как я, например, о реальной жизни родов войск. Странно — соперничество здесь — соперничество там. Собственные войска кто-то ругает и одновременно испытывает гордость за них. Недовольны друг другом из-за бессмысленной муштры, плохого питания, заносчивых фюреров, охотников за Железными крестами, де-

боширов, отцов-фельдфебелей и, естественно, «ЛАГ»! Но если кто-то другой скажет нам то же самое, то получит в морду! Мы ругаем «ЛАГ», но себя считаем лучшими среди других!

И это так. Действительно, солдат — это то, что часто о себе слышит, — глупейшая рогатая скотина среди людей. Он прикуривает сигарету, садится на теплую сухую землю, болтает ногами в окопе и слушает сверчка. Быть может, он опоздал и зовет маму-сверчиху? Что за мысли лезут в голову? От героя-учителя до проблем войск СС и до сверчков!

Блондин посмотрел в ночь. Пауль и Йонг отправились спать. Ханс — совершенно точно у командира роты. А Петер — надо больше заботиться о Петере — он чистит пулемет или сидит в окопе и размышляет. Тихие голоса — это разговаривают Куно и Камбала. А где Эрнст и Дори?

Пока я сижу без дела в окопе и мне в голову лезут дурацкие мысли, эти двое действуют. Активно действуют в собственном тылу, среди продовольственных подразделений. Дори стоит на шухере или отвлекает, а Эрнст ищет, находит и забирает. Вот так проходят организационные мероприятия.

Он затушил окурок, сполз в окоп, согнул ноги, положил голову на руки и стал ждать, когда придет сон. Война дала Передышку. Кто знает, как надолго.

День восьмой

9 ИЮЛЯ 1943 ГОДА

В 2.30, вскоре после того как небо стало светлеть, они поехали дальше. Отделение высокого унтершарфюрера было усилено четырьмя солдатами — остатками другого отделения. Они были знакомы. Керле-Керле — юморист из Гессена, никто не знал его по имени, заменил Уни. Его приятель Фляше из Рёна сразу же взялся за переноску ящиков с пулеметными лентами для Петера. Камбалу снова низвели до уровня простого стрелка. При этом никаких протестов он не высказывал. А Керле-Керле был назначен вторым номером к пулемету Петера. Третьего все звали пимпфом. Таким он и был. Блондину он понравился с первого взгляда, очевидно, потому, что напоминал ему его самого — худой, высокий, а стальной шлем так смешно сидел на его стриженой голове, будто был на два размера меньше. Ханс сразу же подтрунивал над всеми особенностями. При кратком представлении новичков он показал большим пальцем на редкую манеру Пимпфа носить каску, сказав при этом:

— Раньше он хотел стать парашютистом, но оказался слишком длинным для прыжков с малой высоты. Прекратить!

Четвертый был из Восточной Пруссии. Он совсем не соответствовал обычным представлениям о выходцах

из этой местности о том, что они грубы, неуклюжи и неразговорчивы. Он больше походил на Камбалу, острый на язык, веселый и живой, излучающий оптимизм, что уже было почти преступным. Его кличка была Шалопай.

Солнце появилось из-за горизонта.

Они ехали и жевали с упоенными лицами «особые пайки», которые Эрнст привез из ночного рейда. Блондин получил три пачки сигарет «Юно» и пачку «Шокаколы». Когда Блондин хотел разузнать подробности, Дори сунул ему, смеясь, в зубы толстую шайбу копченой колбасы и прошептал:

— Тс-сс! Цыпленок! Ничего не говори. Враг подслушивает!

А Эрнст проворчал:

— А вообще, мы разве куда-то ездили, Дори? Это же была бы самовольная отлучка?

Они ехали, курили сигареты, сыто и довольно встречая наступающее утро, пока насытившийся Эрнст снова не осмотрел округу и удивленно не ткнул Дори в бок так, что тот выругался и вильнул рулем.

— Дори, мы неправильно едем!

Дори повернулся к Блондину:

— Ему плохо, Цыпленок. Долгое воздержание, и вдруг — копченая колбаса, это не перенесет...

— Мы не туда едем, Дори!

Дори завращал глазами, словно корова, когда гремит гром, и возмутился:

— Неправильно? Но я еду за Хансом, парень!

— Тогда он едет не туда!

Тут Дори окончательно потерял терпение:

— Передо мной едет Ханс! Перед нами едет рота, понял? Батальон, полк, и не знаю, что там еще. Так?

— Так, да не так.

— Перестань, Эрнст, со своими дурацкими так — не так!

— Почему ведущий колонну должен ехать неправильно? Эрнст, ты можешь нам по-хорошему объяснить свою стратегическую критику? — Блондин сделал ударение на «по-хорошему» и плотоядно улыбнулся.

— Лучше «по-хорошему» посмотрите на солнце, — показал Эрнст вперед. — Видишь, где рассвет, Цыпленок? Перед нами. Понял?

И когда он увидел непонимающее лицо Блондина и качающего головой Дори, он хлопнул ладонью себя по коленке:

— Да вы просто тупые, господа! Мы едем на восток! Понятно вам? На восток!

Дори и Блондин по-прежнему ничего не понимали, и Эрнст перешел с диалекта на хохдойч:

— Мы скачем на восток, господа. А цель нашего наступления Обоянь находится на севере! Поняли вы, наконец? Мы едем на восток, вместо того чтобы двигаться на север! Что-то сгнило, господа!

Некоторое время они молчали. Слева слышалась канонада. Дори первым пришел в себя от неожиданности и продолжил разговор:

— Нам надо было не заниматься «организацией», а поболтать с моим другом-связистом, тогда бы мы знали больше.

— Тогда бы нечего было жрать.

— Но мы бы точно знали, в чем дело.

— Что-то одно надо выбирать, Дори.

— Могу отдать должное Эрнсту, он прав, — улыбнулся Блондин.

— Отдай к тому же и свою горчицу, чтобы не казалось, что ты такой же глупый, как и я. Хорошо, самое главное — наш военный гений при нас. — При этом локоть Дори ткнул Эрнста в бок. То есть он хотел толкнуть его в бок, но попал в его противогазный футляр. Эрнст злорадно рассмеялся и подмигнул Блондину:

— К двум дуракам должен быть и третий...

Дори и Блондин рассмеялись и почти одновременно сказали:

— Дурак.

Эрнст неожиданно перекосил лицо, поднял обе руки, как будто собирался сдаваться, и заявил:

— Третий должен наблюдать, чтобы первые два болвана не стали законченными идиотами.

Когда они наконец снова успокоились, Блондин предложил:

— Давайте-ка это обдумаем.

— Я весь в напряжении! — ответил Эрнст.

— Направление удара было на север, на Обоянь, — рассуждал Блондин. — Обоянь была или остается ключевой позицией. После нее между нами и Курском ничего не остается. Значит, после Обояни надо было слегка повернуть на северо-восток. Пока все понятно. Или что-то не так?

— Да, а что сейчас? — проворчал Эрнст.

— Сейчас мы едем на восток еще до того, как миновали Обоянь. — Дори почти ритмично застучал кулаком по рулю. — Я думаю, Эрнст, что ты был прав, назвав нас дураками, хотя я должен следить за дорогой, а не за солнцем.

— Значит, полное изменение первоначального плана операции?

— Молодец, Цыпленок, я думаю, что так. А теперь начнется, — рассмеялся Эрнст.

— Что начнется?

— Именно в этом и весь вопрос! Эх ты, старый служака! Почему взяли все войска и бросили в другое место?!

Все замолчали. Блондин притянул верхнюю губу к носу:

— Может быть, нас сняли с направления главного удара? Вчера канонада была у нас на правом фланге.

Может быть, там что-то не получилось? Или что-то не так?

— Или? — Эрнст с сомнением покачал головой. — Н-да, Цыпленок. Канонада была далеко позади нас. Ночью было тихо. Зато теперь канонада слева от нас! Да, Цыпленок, решение не найдено! Кроме того, Дори едет очень быстро. Вся дивизия давит на полную железку! У меня есть один ответ.

— Какой?

— Что-то случилось на востоке, и это важнее, чем Обоянь!

— Ты думаешь?

— Думаю, Цыпленок. Я думаю, что на востоке что-то есть. Что-то настолько опасное для нашего фланга, что Обоянь нам пришлось бросить. Я думаю, русские резервы! Резервы, более многочисленные и сильные, чем вчера. Поэтому мы на них и повернули. Да. Вот что, наверное, должно быть. Мы сначала должны расправиться с новыми иванами, иначе они сделают из нас свинью.

— Это звучит не очень-то оптимистично, Эрнст.

— Да, — кивнул он, — у нас большие потери. Первый день нам дорого обошелся. У нас еще ничего, а от 1-й роты осталось не больше взвода, и в 3-й дела обстоят не лучше. — И он заговорил очень серьезно и с правильным произношением:

— На основе моего опыта дело выглядит так: мы понесли большие потери и через пару дней опять у нас будут большие потери. А иван? У него в распоряжении — резервы. Такие, о которых мы можем только мечтать. Половина немецкой дивизии против трех свежих русских дивизий. Вот как выглядит дело! — Он достал пачку и дал из нее по сигарете Дори и Блондину. Прикуривая, он еще проворчал:

— Закурим по одной, пока для этого еще хватает времени.

Темп марша был необычайно высоким. Все выглядело так, как будто надо было выиграть гонки. Солдаты подозревали, что наступает решающий момент. У них был на это нюх. Насколько решающим будет этот момент, было известно немногим. У немцев это знал генерал-полковник Герман Гот. У русских — генерал П.А. Ротмистров, командующий выдвигающейся 5-й гвардейской танковой армией.

Они ехали и думали каждый о своем. Дори смотрел на дорогу. Эрнст грыз ноготь. Блондин притянул к носу верхнюю губу. Они не знали, где проходит финишная линия этих гонок. И если бы им сказали, что она где-то в районе Прохоровки, вряд ли кто-нибудь из них придал этому значение. Это название поначалу им ничего не говорило. Пока ничего!

А если бы кто-то ответил на вопрос «Когда?»: «Приблизительно через сорок восемь часов», то они кивнули бы головами и проворчали: «Да, времени еще много, кто знает, что до этого еще может случиться». То, чем Прохоровка станет для них через сорок восемь часов, у них пока не было никакого представления. Пока никакого!

День девятый

10 ИЮЛЯ 1943 ГОДА

Они ехали настолько быстро, насколько позволяли машины. И было так, как будто в день накануне битвы под Курском: гигантский сжатый танковый кулак словно клином рассекал пространство в восточном направлении. Блондин с удивлением отметил, что отвратительного чувства в желудке не возникло. Наоборот, он почти ничего не чувствовал. Получила ли удар его тонкая стенка живота? Была ли виновата трезвая и типичная для Эрнста оценка настоящей и будущей обстановки в том, что он спокойный и почти расслабленный сидел в машине на заднем сиденье, или безразличие, тупое восприятие неизбежных фактов, наплевательское чувство было сильнее тянущего ощущения в желудке? С одной стороны, ему было все равно, кто и что едет им навстречу. С другой стороны, оставалось любопытство, желание узнать, с кем предстоит встретиться на этот раз. От этого ничего не менялось, но было бы все же лучше, если знать, что там, с востока, катится навстречу ударному клину войск СС. При некоторых логических действиях и с помощью верхней губы и носа, конечно же, это можно прояснить. Почему Эрнст всегда попадает в самую точку? Когда он в ходе своих размышлений пришел к приемлемому, как

ему кажется, результату, то решил проверить его на деле:

— Эрнст, кто, по-твоему, едет нам навстречу? Я имею в виду, с кем мы должны будем драться и сколько их будет? Какое соотношение, какие силы стоят против нас?

— Думаю, Цыпленок, сейчас будет все не так, как в прежней великой стратегии. Как ты думаешь, Дори?

— Иван, — улыбнулся Дори и щелкнул пальцами. — Есть у тебя еще сигарета, Эрнст?

— Садитесь, Дори, — улыбнулся Эрнст, — вы получаете единицу. Следующий вопрос: что за иван? Какой род войск? Какие дивизии?

Дори повесил сигарету в уголке рта и ответил:

— Значит, я сейчас играю роль генштабиста? Сначала мы опрокинули гвардейских стрелков. Потом иван нанес отвлекающие удары 1-й гвардейской танковой армией. Последними он угробил механизированные полки. Пушечное мясо! Их сожгли, чтобы выиграть время. Время... — Он задумался, стряхнул пепел и поднял руку с вытянутым вверх указательным пальцем: — Время для стоящей дальше на востоке армии. Теперь понятно?

— Понятно, — буркнул Эрнст, а Блондин кивнул.

— Так как Иван знает, что мы на полном газу рвемся вперед, то он не станет против нас бросать пехотинцев или степных наездников с плетками. Остались только танковые дивизии. Ясно? Твой третий вопрос, Цыпленок, о силах и численности! На него ответить проще всего. Если мы бьем тремя дивизиями, то у ивана — минимум шесть. Это нормально, или, как говорит Эрнст, этому учит опыт. Вывод: противник, с которым мы будем иметь дело в районе «Н» во время «Ч», будет танковой армией, по-видимому, гвардейской! Всё!

Эрнст рассмеялся:

— Вот это класс! Дори, великолепно! И тебя до сих пор не отправили в Брауншвейг, в юнкерскую школу?!

Дори надулся, выпрямился, сидя за рулем, и гордо выпятил грудь. Он неряшливо стряхнул пепел, и ветер отнес его на куртку Блондина.

— Эй, Дори, поосторожней, прожжешь мне куртку!

— Все лучше, чем задницу! — рассмеялся он в ответ. — Еще есть вопросы, Цыпленок?

— Да. Еще один. Теперь, господа обер-стратеги, вы должны мне сказать, когда это начнется.

Эрнст махнул рукой, а Дори только посмеялся:

— Чем быстрее мы едем, тем раньше ты получишь ответ.

«Брюки тоже делают уже ненадолго. Дыра на колене обеспечивает вентиляцию, так же как и разошедшийся шов сбоку. В левом кармане дыра. Хорошо еще, что у меня нет денег. При военном окладе — тоже неудивительно, так как это просто ничто, если подумать, что за них приходится делать. Дурацкое слово — военный оклад. Плата за военную службу. Кто присягал прусскому знамени, кроме личных вещей, больше ничего не имел. Этому мы еще в пимпфах научились. И с тех пор до сегодняшнего дня ничего не изменилось! Ремни снаряжения еще в порядке. Сухарная сумка мешает и давит, когда сидишь. Краюха хлеба, кусок сухой колбасы. Две пачки «Юно». Пачка «Шокаколы». Столовый прибор, маленькие ножницы, немного погнутая металлическая расческа — вот, пожалуй, и все. Фляга самый нужный, а штык самый бесполезный предмет. Лопатка — вещь хорошая, впрочем, если только она не складная. Складная — это просто игрушка для ящика с песком. Самая ненужная вещь — это противогаз в футляре. Его используют обычно как Эрнст — в качестве контейнера для хранения жратвы. Плащ-палатка и котелок, притороченные ремнями к штурмовому снаряжению, так же нужны, как

и большие карманы, но зачем нужно штурмовое снаряжение? Идти в атаку лучше безо всякого снаряжения, а для штурма полевой кухни вполне достаточно котелка. Плащ-палатка — для палатки, но кто их сейчас ставит? «В поле лагерем палатки...» — эти времена прошли. Когда идет дождь, тогда нужен брезент, особенно весной и осенью, когда вода течет из сапог. А сейчас, в июле, когда жарко и сухо... — он посмотрел на солнце, — нет, дождя не видно».

— Что-нибудь случилось, Цыпленок?

— Нет, дождя не видно.

Непонимающее лицо Эрнста, озабоченный взгляд Дори — это длилось немного, пока они опять не приняли свое обычное выражение.

— Ты слышал, Дори?

— Ущипни меня, Эрнст, чтобы я проснулся, потому что об этом можно только мечтать. Ты что, сдурел? Не так сильно!

Эрнст разочарованно покачал головой, потянул воздух и при этом простонал:

— Дождем и не пахнет, Дори, тебе показалось. У нас война, и едем мы на огромную бойню. А наш отличный солдат не может сказать ничего другого, кроме «дождя не видно»!

Блондин хотел что-то сказать, объяснить, начал было...

— Спокойно, Цыпленок, молчи. Главное — не волнуйся. И это пройдет, это только моментальный приступ душевного смятения.

— Может, отвезем его в госпиталь, Эрнст?

— Ты не прав. Провести остатки своей молодой, полной надежд жизни в сумасшедшем доме? Это хуже, чем в «ЛАГе».

— Но Хансу надо доложить.

Эрнст кивнул, лицо его было совершенно серьезно:

— Но в смягченной форме, Дори, иначе мы потеряем веру в подрастающее поколение.

— Веру в Германию, Эрнст!

— В Великую Германию!

«Бессмысленно, — Блондин упал на свое сиденье, — бессмысленно что-нибудь говорить. Бессмысленно что-то объяснять этим идиотам. Один раз подумать вслух, и начинается! Они бы подтрунивали надо мной, даже если бы я был генералом или дедушкой. Они просто рады и счастливы, когда кого-нибудь подкалывают. Самый молодой — он же самый глупый. Для старых мешков всегда должен быть кто-то, на кого бы они выпускали накопившийся пар. Единственная правильная реакция — это молчание. Не возражать, не ругаться и не злиться. Это все только ухудшит дело. Этого они только и ждут. Если не поддерживать их глупости, то у них к ним пропадает интерес и они сами перестают ими заниматься. Просто сделать так, как будто ничего не случилось. Смеяться, ничего не говорить и дурачиться вместе с ними». Блондин снова осмотрел дырку и разошедшийся шов на брюках, уселся глубже на сиденье. Задул легкий ветерок. Шлейф пыли от колонны отнесло в сторону от дороги. Как в поезде: все переходят на ту сторону, куда не отлетает дым локомотива, чтобы можно было посмотреть ландшафт. Можно съесть кусочек шоколада, позволить себе сигаретку и просто осматривать окрестности.

Он достал жестяную баночку «Шокаколы» из сухарной сумки, почти торжественно открыл ее, отломил большой кусок шоколада, прижал бумагу и снова закрыл баночку. Он с наслаждением откусил кусочек, выпрямился, сел так, что можно было положить голову на спинку сиденья, чтобы медленно, полужуя, полурассасывая, плавить шоколад во рту. Когда он был готов и приобрел сливочный вкус, лучший в послевкусии, довольный, он

подумал: «Съесть все или часть оставить? У меня три пачки. Три полные пачки! Это такое количество, которого у меня никогда за всю мою службу не было! Раз в жизни взять и вычистить всю банку и раз в жизни насытиться! Сейчас я это могу сделать. А что будет завтра — черт его знает, и, кроме того, у меня будут еще две!» Пока он с наслаждением съедал кусочек за кусочком, он смотрел через запыленное стекло на окружающую местность, на июльское солнце, не обращая внимания на слова своих попутчиков. «Все равно — такое отношение единственное, которое помогает, единственно верное в мире, в этом мире. Все отбросить от себя — это тоже искусство. Пачки «Шокаколы» и двух хороших друзей достаточно, чтобы быть счастливым. Как мало все же надо человеку для счастья. Или это много? — Он выбросил куда-то пустую баночку. — Мало? Нет, два друга — это много, даже очень много!»

Вечером выдавали боеприпасы и устроили прием пищи. Паек сигарет был как в постную среду. Люди ругались. Командир взвода вызвал командира отделения. Когда Длинный Ханс вернулся, Эрнст проворчал:

— У него такие короткие шаги, как будто он боится что-то сказать.

Длинный прислонился к вездеходу и позвал солдат своего отделения:

— Сегодня ночью, самое позднее — ранним утром мы доедем до района Прохоровки. Там будем ждать контрудара русской 5-й гвардейской танковой армии. Она должна была ударить нам во фланг. Поэтому мы и повернули. Если с ней разберемся — ивану больше нечем будет крыть!

Солдаты молчали, только Эрнст пробубнил:

— Разве мы уже как-то раз это не слышали?

Ханс проигнорировал реплику и продолжал:

— Далеко правее нас пробиваются три сотни танков из Сухопутных войск. Если они своевременно придут к Прохоровке, то иван окажется в клещах. Еще вопросы?

Пауль, словно в школе, поднял руку:

— А если они своевременно не придут?

— Тогда придется все сделать самим!

— А мы, естественно, сильнее, или...?

— Не заблуждайся, Эрнст. С танками из Сухопутных войск наши силы будут приблизительно равны.

— Будут! Приблизительно! А черт, лизни меня в...!

— А если это будет тот тип новых «Пантер», то мы дождемся их к Рождеству!

— Заткнись, Камбала! Мы вообще с танками никак не завязаны. Мы обращаем внимание только на пехоту, ясно?! Хватит дебатировать! Два часа поспать, потом всем по машинам. Разойдись!

Они побрели к своим автомобилям. Эрнст засунул обе руки глубоко в карманы и даже забыл про курение.

— Я бы лучше останавливал машины, а не танки.

Дори улыбнулся:

— Камбала прав. Если это будет триста «Пантер», то нам повезет, если приедет хотя бы половина.

— И с ними у нас будут почти равные силы, — добавил Блондин и надул губы.

— Почти, Цыпленок. Ты умеешь считать? У нас, может быть, четыреста. Приедут триста армейских, будет семьсот. В соответствии с этим у ивана — более тысячи, правильно?

— И артиллеристы на таком узком участке фронта будут палить друг в друга! Эх, мальчик, мальчик, вот щепки полетят!

— Щепки, Дори? Будет свалка металлолома!

— А мы будем посреди нее?

— Вот именно. Надо будет только и следить, чтобы нас не раздавило железяками.

Дори забрался в машину и лег на переднее сиденье. Эрнст толкнул Блондина и пробурчал:

— Кто первый лег, тот и спит лучше всех.

— А мы?

— Будем спать стоя, так быстрее восстановим силы!

Два часа спустя они поменялись ролями. Эрнст и Блондин спали на своих сиденьях, Дори вел машину и насвистывал их берлинскую прощальную песенку: «Я знаю, чудо случится...»

День десятый

11 ИЮЛЯ 1943 ГОДА

Звезды стояли высоко. Солдаты перепроверяли оружие и боеприпасы. А потом они отправились в ночь. Уже не было так удушливо жарко, как в последние дни. Легкий ветерок обдувал лица и освежал воздух. Гул танков сгустился до монотонного грохота.

Ландшафт совсем не был идеальным для действий танков. Холмы, крутые овраги, складки, лесочки, непросматриваемый и изменчивый. На рассвете они начали окапываться. Эрнст, как всегда, чертыхался при этой работе, воткнул лопату в землю и проворчал:

— Все! С меня хватит!

Вдруг раздались выстрелы танковых пушек: громкие и резкие — немецкие и глухие раскатистые — русские. Гренадерам эти звуки были знакомы, и они разбирались в пушках. Русская самоходная артиллерия, «толстые чемоданы» калибра 122 и 152 мм.

Вдруг Эрнст заработал лопатой как аккордный рабочий, внутренне сдерживался, громко ругался, поглядывая на вздрагивающие ряды деревьев и на слегка полого понижающуюся равнину, и крича махал Блондину:

— Цыпленок! Вон та-а-а-ам!

Мимо пробежал Ханс, показал автоматом на отрытый Эрнстом новый окоп и позвал из лесочка Куно и

Камбалу. Слева от них, на холмике, махал рукой их командир взвода. Ханс уже оказался рядом с ним и показал своим людям знак рукой, медленно опуская ее вниз, как бы прижимая к земле: «Ждите! Еще не началось!»

Они закапывались, как кроты!

Куно и Камбала, Фляжка и Пимпф сложили ящики с пулеметными лентами за двумя валами земли, за которыми Пауль и Петер заняли огневые позиции. Йонг и Парни-Парни отрывали следующий окоп для запасной позиции. Получилось, времени хватило. Они смогли оборудовать свои окопы так, как будто они были на войсковом полигоне в Деберице, а не на холмах у Прохоровки.

Они ждали.

Их кулаки сжимали рукоятки. Пальцы лежали на спусковых крючках. Глаза всматривались в поле.

Блондин бросил взгляд на соседний окоп, где залег Эрнст. Едва заметные, серые облачка дыма — больше ничего не было видно. «Сидит парень в окопе и смолит, а у нас от напряженного высматривания глаза почти вылезают из орбит», — но у Блондина больше не было времени удивляться спокойствию своего друга, потому что первые снаряды разорвались за их позицией в маленьком лесочке. Поэтому Эрнст перестал окапываться и пробрался дальше вперед. «Поэтому Ханс позвал остальных, чтобы занять новую, лучшую позицию! Надо иметь чутье — и это все. Потом можно улыбаться или выкурить сигарету, пока русская артиллерия обстреливает высоту и лесок, предполагая, что мы сидим там, потому что там лучше сектор обстрела. Неудача для ивана — счастье для нас».

Русские наносили главный удар левее. Моторы ревели, гусеницы лязгали, деревья трещали, разлетаясь в щепы. Через лесочек продирались «Тигры»! Блондин видел, как валились мелкие деревца. Показались сталь-

ные колоссы, поломали стволы деревьев в дрова и пошли в атаку!

Загремели пушки.

Фонтаны пыли от разрывов тяжелых снарядов взлетели между танками. «Будем надеяться, что они не раскатают нас в лепешки, — Блондин смотрел пока что только на немецкие танки, — как можно обмануться, кажется, что гусеницы лязгают у тебя прямо под носом. А они катятся в десятках метров мимо. «Тигры» по очереди останавливаются и стреляют, едут, останавливаются и стреляют, потом снова едут дальше».

Когда он повернулся и посмотрел вперед, то от удивления забыл о том, что надо стрелять. Русских немецкие танки вряд ли могли вообще видеть. Холмы, возвышенности, низины, словно плоские миски, овражки и мелколесье их почти скрывали. Они подходили мелкими группами и тащили за собой противотанковые ружья. Они видели только немецкие танки, но не гренадеров, когда по ним ударили пулеметы. Действие первых очередей было подавляющим. Блондин видел, как русские разбегаются и падают. Видел, как их отметало от противотанковых ружей, как некоторые пытались бежать назад, как они искали укрытие, как они ползли или хотели ползти.

Вдруг воздух рассекло словно плетью. Блондин втянул голову, открыл рот, при взрыве крепко зажмурил глаза. «Проклятие!» — он бросил свою винтовку на бруствер и увидел завесу пыли. «Ничего не видно! Только пыль и дым! Да вон они. Черт возьми, как близко!» Он нажал на спуск и с облегчением услышал звуки выстрелов и почувствовал успокаивающие толчки отдачи приклада. «Медленно, — успокаивал он себя, — медленно, зато наверняка. Экономь патроны. Стреляй только тогда, когда можешь попасть. И нечего пробивать дырки в воздухе только для того, чтобы отделаться от собственного страха».

Это был сумасшедший фейерверк! Пулеметы вели огонь короткими очередями. Октавой выше слышались автоматы. Противотанковые ружья били в литавры, а танковые пушки и самоходная артиллерия — в турецкий барабан. К грохочущему концерту стали подмешиваться фальшивые тона, ослабленно-глухие, больше похожие на эхо. Он навострил уши. Глаза лихорадочно шарили по местности. Это тоже танковые пушки, только русские! Конечно же, иван послал не только пехоту против немецких «Тигров». Они показались на правом склоне перед позицией Пауля. Внезапно, хотя их ждали, по непросматриваемой местности им удалось подъехать необычайно близко. Т-34!

Один «Тигр» повесил хобот. В его левом борту зияла дыра. Башню охватили языки пламени, словно факел. Т-34 на полном газу неслись к «Тиграм» спереди слева. Первые «Тигры» дернули гусеницами и повернули. Один задымился, но продолжал еще стрелять. И первый Т-34 исчез в разлетающемся серо-черном облаке. Иваны мчались на полном ходу, чтобы не дать «Тиграм» воспользоваться преимуществом в дальности стрельбы и бронировании. Они мчались решительно, упрямо, ожесточенно. Масса против качества. Каждый попавший снаряд на сравнительно малом расстоянии проходил сквозь стальные стены, словно гвоздь через фанеру. И местность помогала русским.

«Спокойно, любитель спорта, спокойно. Оставь танки и следи за пехотой! Но мы лежим неправильно! До этого, при первом обстреле, скрытая позиция была хороша, но сейчас?» Холмики, на которых Петер и Пауль залегли со своими пулеметами, идеальны для обороны. Возвышенности — главные пункты. Стрелков в лощине очень много: «Значит, встать и вперед!» На бегу он что-то кричал. И он видел, что Эрнст тоже побежал.

Танковое сражение под Прохоровкой

С возвышенности гренадеры увидели два разрушенных крестьянских дома. Для хутора — много, для деревни — мало. Руины лежали на возвышенности и были исходной позицией для атаки русской пехоты. Слева от обломков хат дымила дюжина подбитых танков Т-34. Перед ними стояло несколько подбитых «Тигров». Еще два стояли непосредственно у развалин и ждали новой атаки.

Между Паулем и Петером на позицию вышли два станковых пулемета. И когда они открыли огонь, гренадеры с холмов перешли в контратаку. Они хорошо продвинулись до двух подбитых «Тигров». Блондин задыхался. Эрнст сплюнул, выругался и показал на танк, стоявший ближе к хатам. За его кормой лежал танкист и махал обеими руками. В руинах домов поднимали пыль падающие снаряды. Станковые пулеметы стреляли не переставая.

— К танку! — крикнул Эрнст.

Они побежали под свист пуль. Танкист, обгоревший дочерна, как суданский негр, улыбнулся им, вращая глазами:

— Я уже думал, что вы не придете!

— Что случилось? — спросил Эрнст.

— Нашего старшенького задело. Лежит впереди у гусеницы.

— Да, а почему ты не прополз вперед и не помог ему?

Танкист блеснул зубами:

— Потому что потому.

Его штанина на левом бедре была разорвана. Повязка на нем грязная, темноокрашенная.

Метрах в двадцати перед «Тигром» взлетел столб пыли.

— Цыпленок!

Тот кивнул.

— Копай окоп в стороне от танка. Если в него попадет, он взлетит на воздух!

Блондин пробрался к неглубокой лощинке. Низкий кустарник и сорная трава. Он отдернул руку и выругался. «Крапива! Вот дрянная трава! Растет по всему миру!» Он стал бросать лопатой выкопанную землю в крапиву. Потом перекатился и бросил четыре-пять лопаток пыли перед собой. Перевернулся на живот, довольно улыбнулся и посмотрел на «Тигр».

— Ты не ранен? — У Камбалы были очень озабоченные глаза.

— Ложись, Пимпф! — крикнул Блондин, увидев, что Длинный задержался на бегу, чтобы глянуть на Камбалу. Пулеметная очередь затрещала по кустам и подняла фонтанчики пыли на бруствере.

— Все в порядке, Камбала! Эрнст притащит сюда командира из подбитого танка. Давай, вперед! Мы сейчас догоним.

У хат ударили автоматные очереди, раздались взрывы ручных гранат.

— Проваливай, Камбала! Мы уже у хибарок. — И, когда Камбала уже вскочил, вдогонку ему крикнул:

— Следи за Пимпфом!

Танкист снова показал белые зубы и сказал:

— Поторопись, приятель, иди, помоги!

Эрнст был у танка. Какой-то человек приподнялся перед мюнхенцем на локте и улыбнулся Блондину. Тот постучал себя по каске и сказал:

— И вам тоже доброго дня. — И подумал в тот же момент: «Странно, как я дошел до того, чтобы пожелать доброго дня, когда он такой дрянной. И, кроме того, я должен был сказать что-то военное: или «Хайль Гитлер!», или еще что-то...

— Бери здесь, Цыпленок, ранение в плечо.

Сильно пригнувшись, они потащили стонущего от танка, и успели вовремя! Рядом с «Тигром» разорвался

еще один снаряд. Танкист-роттенфюрер блеснул зубами:

— Привет, шеф, все в порядке?

Тот молча кивнул. Ручьи пота блестели на бледном лице. Коротко стриженные светлые волосы облепили голову. Рыцарский крест висел косо. Он попытался улыбнуться, сказав:

— Спасибо, парни!

Мощный взрыв прервал его. Башня «Тигра» отлетела в сторону, и командир танка сухо констатировал:

— Был на волоске.

При этом он посмотрел на Блондина:

— Мы с тобой раньше не встречались?

Блондин улыбнулся: Рыцарский крест, «ты», так это тот женоподобный танкист из...

— Так точно, оберштурмфюрер! Мы с вами разговаривали после оборонительного рубежа с дотами.

— Так это был ты? — усмехнулся командир танка. — Йохен угостил еще тебя шоколадом из сухого пайка, да?

— Йохен? — переспросил Блондин.

— Был наш механик-водитель. — Лицо роттенфюрера стало серьезным, он движением головы указал в сторону останков танка.

Эрнст крепко завязал повязку и улыбнулся:

— В порядке, оберштурмфюрер. На плечо наложат гипс, а голень заживет. Даже еще сможете водить.

Командир танка рассмеялся:

— Пока все вылечат, будем уже в Курске, и война кончится!

Еще смеясь, он сказал:

— Ваши фамилии и рота?

Эрнст и Блондин взяли оружие, осмотрели, проверяя, окопчик, назвали свои фамилии и подразделение. Роттенфюрер снова улыбнулся своей прежней сверкающей улыбкой:

— Момент, вы, двое! — Он порылся в своей танкистской куртке. — Здесь, приятели, одна пачка от шефа и одна от меня! Счастливо вам, и — спасибо!

Они спрятали сигареты, и Эрнст проворчал:

— Давай, Цыпленок, а то еще получим по заднице за дезертирство!

Когда они выпрыгивали из укрытия, оберштурмфюрер улыбнулся.

Между остатками стен огонь пехоты был слабее. Эрнст доложил командиру отделения, и тот отправил его сразу к самому дальнему дому справа, где санитары перевязывали раненых. Сильный огонь танковых пушек слышался слева и справа от их новой позиции. Солдаты сидели в руинах между кучами щебня и трупами, снаряжая ленты и магазины. Первые артиллерийские снаряды легли далеко. Гренадеры подыскивали себе укрытия, секторы стрельбы и ждали. Следующий снаряд разбил в пыль угол дома.

— Пауль, слева!

Ханс поспешил к Йонгу, который взял две пулеметные ленты из ящика и повесил себе на шею. Пауль бросил свой пулемет на бруствер. Раздался тонкий свист и грохот взрыва. Пауль выпустил из рук приклад и повалился назад.

— Проклятие! Этого еще не хватало! — Ханс оттащил его назад и обратился к Йонгу:

— Посмотри, что с ним!

Потом поставил прямо покосившуюся сошку и открыл огонь.

Йонг ощупал своего друга, ничего не нашел, только на крае каски справа была вмятина. Когда Пауль открыл глаза, Йонг вздохнул.

— Черт, голова...

Пауль ощупал свою голову, взял каску, задумчиво посмотрел на вмятину, молча опять надел ее и пополз к Хансу.

— Очухался? — усмехнулся тот.

Пауль улыбнулся в ответ:

— В черепе так гудит или это танки? Танки!

Один, два, три, четыре Т-34 клином один за другим, пять — целое стадо стальных колоссов. А «Тигры»? Где «Тигры»?

— Эрнст!

Тот в грохоте взрывов ничего не слышал.

— Эрнст! — Голос длинного командира отделения перекрыл шум. Мюнхенец, наконец, понял.

— Противотанковые мины и кумулятивные заряды на магнитах!

Эрнст понимающе поднял руку и, пригнувшись, побежал к Камбале, который с Пимпфом и Шалопаем лежал между остатками стен, что-то крикнул им, берлинец кивнул и постучал пальцами по своему шлему, махнул Шалопаю, и оба исчезли позади за руинами дома, где лежали боеприпасы.

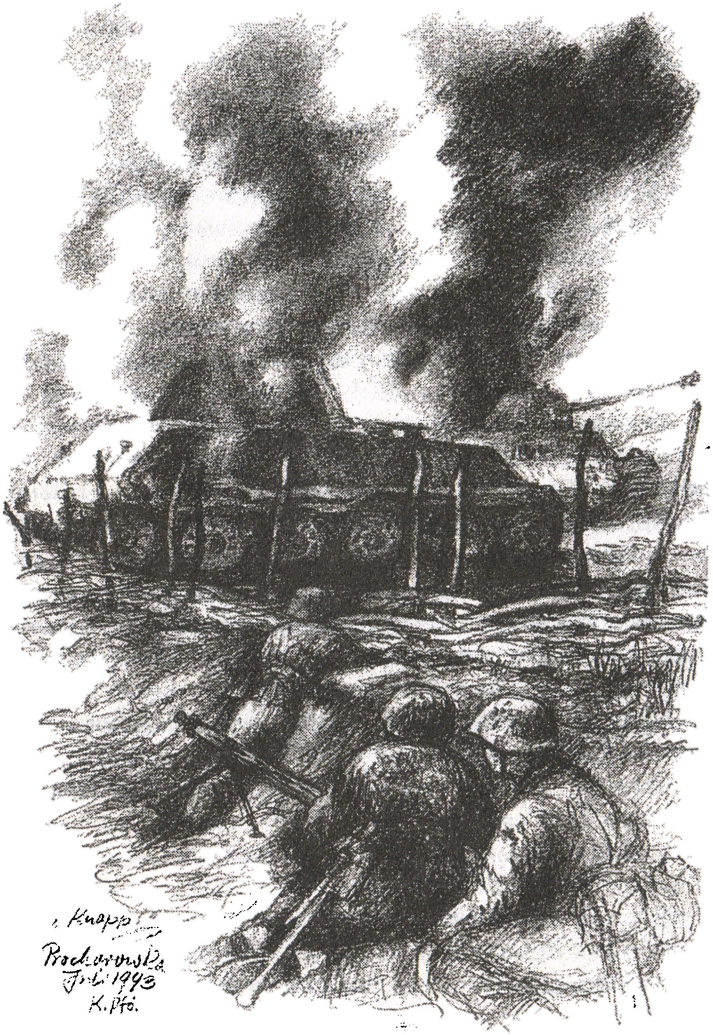
— Пропускайте танки! Следите за пехотой!

Русские танки медленно шли к развалинам, сразу за ними, словно привязанные к ним гроздья винограда, бежала пехота. Даже Ханс побледнел. Только Пауль улыбался, но это скорее был оскал, и он, как всегда, был единственный.

— Всех срежешь, Пауль? — Ханс знает, что сейчас за винтовками и пулеметами бесчувственных не осталось, и довольно кивнул, когда Пауль ему показал кулак с отогнутым вверх большим пальцем, прижал приклад и первой очередью освободил один из танков от сопровождавшей его пехоты.

Первый Т-34 проехал мимо остатков стены крайнего дома. Петер побежал с Парнем-Парнем и Фляжкой ко второму дому. Пауль стрелял, а танк ехал без пехоты дальше.

Ручные гранаты Парня-Парня и Фляжки опрокинули русских стрелков. Пауль молниеносно втянул пулемет



Прохоровка

в укрытие и поменял позицию. Через несколько секунд на его прежнем месте фонтаном взлетела земля. Эрнст спрятался за каменным обломком. Блондин мог бы добросить до Т-34 камень. Он только смотрел на гусеницы, слышал скрежет и позвякивание, видел, как входят в зацепление друг с другом стальные механизмы, хотел бежать прочь из этой ловушки, хотел, но оставался, сжавшись, неподвижно лежать.

— Здесь! Кумулятивные заряды!

Ханс хотел ответить и в тот же момент увидел солдата, ползущего по куче щебня, сбоку от прорвавшегося Т-34. Танк тяжело переваливался и покачивался с боку на бок.

Снова разрывы. Дым, пыль, камни.

Из башни блеснула вспышка пламени пулеметной очереди. Кто-то пронзительно и протяжно закричал. Блондин хотел позвать:

— Петер! Петер!

Раздалось несколько взрывов подряд. Пулемет из башни продолжал стрелять. Двигатель ревел с завыванием, гусеницы ползли, перемалывая все под собой, и тут столб пламени сорвал крышу башни.

— Черт, Цыпленок! — кричал и смеялся Эрнст. — Это Петер его подбил!

Он стрелял из автомата, не переставая смеяться и ругаться:

— Сюда, ко мне, вы, псы! Сейчас я отыграюсь на вашей заднице!

Второй Т-34 приближался слева. Его пушка изрыгнула огонь. Эрнст перестал ругаться, смеяться и втянул голову. Брызнули камни. Его русский автомат превратился в погнутые железяки и размочаленные щепки. Он посмотрел и выругался:

— Так же ни на что не годен, как и наши!

Парень-Парень вытаскивал хрипло кричавшего Фляжку из-под обвалившейся стены. Перед ними вы-

скочили русские пехотинцы. Блондин замер. Парень-Парень бросил Фляжку и, словно пьяный, неверными шагами попытался укрыться за остатками стены. И как раз сюда Т-34 повернул башню. Из башни сверкнуло, гусеницы лязгнули, Фляжка вскрикнул. Танк дернулся, немного повернул и двинулся прямо на раненого.

— Стреляй! — крикнул Блондин. — Стреляй!

Фляжка попытался ползти. Гусеницы нависли у него над спиной. Снова этот сумасшедший отчаянный крик! Гусеницы настигли его, прокатились, размололи, раздавили. Верхняя часть туловища приподнялась. Голова темно-красная, круглая, большая.

Блондин зажмурился, чтобы не видеть, как останки Фляжки лопнут, словно воздушный шар.

«Где наши «Тигры»? Где?»

Пауль стрелял по Т-34. Тот продолжал ехать. «Поздно! Слишком поздно! — отчаянно ругался Блондин, — поздно для Фляжки». И снова Петер выпрыгнул из укрытия. Он бежал медленно, пригнувшись. В каждой руке — по кумулятивному заряду. К нему приближалась дорожка пыльных фонтанчиков. Но прежде чем она его настигла, он исчез за каменными обломками. Танк наехал на стену. Пауль ударил из пулемета по русским стрелкам, появившимся в дыму и пыли. Танк снова дернулся и попытался повернуть в сторону позиции Пауля. Гусеницы натянулись, толкнули перед собой кучу щебня, поднялись по ней, ствол пушки задрался далеко вверх. В этот момент Петер подскочил к борту танка. Укрепил один заряд. Пригнулся, укрепил другой, пригнулся опять и схватился одной рукой за бедро, а другой хотел опереться о борт танка, упал на колени, повернулся, попытался отскочить от стальной коробки. Он перекатился на бок, волоча ногу, увидел машущего рукой Эрнста, перебрался через обломок стены, обессиленный, остался лежать за ней. Он улыбался. Т-34 сотряс взрыв, и сразу после него — второй! От-

крылась крышка люка, показались голова и плечи. Пауль дал очередь. Танкист провалился в башню и исчез в дыму и вспышках пламени.

У Петера на лице застыла улыбка. Получилось! Получилось подбить второй танк. Он тянул воздух сквозь сжатые зубы, улыбался, видел, как Эрнст вдруг широко открыл глаза, замер в отчаянии. Петер уже не слышал, как гусеницы подминали за ним стену. Третий Т-34 чуть позже был подбит «Тигром». Перед развалинами остались стоять шесть русских танков. Три прорвавшихся дымили. Воняло нефтяной гарью.

Они нашли Парня-Парня между развалинами стен. Он лежал с изрешеченной спиной. Между руинами встали два штурмовых орудия. Третье штурмовое орудие — слева и четвертое штурмовое орудие — справа с секторами обстрела в направлении равнины.

Вторая атака танков последовала двадцатью минутами позже. На этот раз русские прорвались. Подбитые штурмовые орудия остались стоять между развалин. При подсчете подбитых Т-34 Блондин сбился на одиннадцати, так как русская пехота подошла очень близко. Видимость была плохая. По лощине ползли клубы дыма от подбитых танков, окутывали развалины и холмы. Дымка, клубы густого черного дыма, поднятая взрывами пыль, и постоянно появляющаяся из них пехота.

Блондин увидел русских только тогда, когда взорвались ручные гранаты и их осколки застучали о камни, за которыми он укрывался. Русские опять атаковали плотными кучками. Тем хуже для них, что они до сих пор не могут оставить эту дурную привычку. С плотной кучкой всегда легче расправиться, чем с солдатами, соблюдающими во время атаки большой интервал друг от друга. Их упрямство смешно или удивительно. Они доходят до определенного места. И всегда, после

того как эту кучку людей сметает пулеметным огнем, появляется новая.

Неисчерпаемый арсенал людей. Что случилось с танками? Опять гренадерам приходится подбивать атакующие боевые машины с самого близкого расстояния. После грохота ручных гранат, после автоматных очередей — отвратительный лязг ударов саперными лопатками. Самое бесчеловечное из бесчеловечного! Если один линкор топит другой, то в первую очередь тонет корабль, во-вторых, уже думают о паре тысяч человек команды, а в-третьих — об обстоятельствах их смерти: сгорели, задохнулись, утонули. Подводная лодка топит торговый пароход, оценивающийся цифрами тоннажа. Истребитель сбивает вражеский истребитель или бомбардировщик. Всегда на первом месте — машина и ее тип. Только когда пилот видит своего противника, висящего на парашюте, он начинает думать о людях. За количество сбитых машин дают орден. Не за двадцать пилотов, бортрадистов или бортстрелков, сгоревших в своих самолетах, изуродованных до неузнаваемости во время удара о землю. То же самое у артиллеристов или танкистов. Так или иначе, подбивают много Т-34. Так или иначе, рисуют белые круги на стволах пушек. Считают уничтоженные машины, а не людей. И только в пехотном ближнем бою все по-другому. Там человек идет на человека. Там люди друг друга бьют, колют, стреляют. Естественно, за это тоже награждают орденами. Но не за количество солдат противника, которых кто-то один застрелил, забил или заколол, а за участие. Он там участвовал, был в экономколичестве ближних боев, за это полагаются такие-то и такие-то ордена. «Видеть белки глаз противника» — так гласит официальное глупое выражение. В солдатскую книжку вносят не половину и не целые ближние бои, а для упрощения — дни ближних боев! Кто хоть раз видел удары лопаткой, как они наполовину перерубают шею,

плечо или ключицу, кто слышал свист и хряск лезвия лопаты, врубающейся в мясо, вскрики и булькающий хрип пораженных, тот знает, что значит «видеть белки глаз противника», тот никогда не забудет, что он забил насмерть человека!

Блондин сосредоточился, собрался и стрелял точно. Выложил перед собой две ручные гранаты, чтобы их можно было сразу пустить в дело. Вставил новую обойму и высматривал сквозь пыль и дым новые ряды атакующих. «Ждать, подпускать поближе, еще ближе, чтобы их можно было видеть и сразу в них попасть. Вот сейчас. Выстрел! Голову в сторону, ждать. Снова появляются русские. Укрыться от осколков гранаты, голову выше. Стреляй и меняй позицию!»

После того как у Эрнста кончились патроны, он ударил прикладом русского по голове. Дерево разлетелось в щепки. Достал пистолет, выстрелил, споткнулся, собрался, заспешил назад. Блондин продолжал стрелять.

— Все, мой дорогой. Надо сматываться. Дело дурно пахнет.

Блондин выстрелил между двумя русскими. Они прыгнули в разные стороны. Один набежал на пистолетный выстрел Эрнста. Слева трое вскочили на остатки стены. Эрнст и Блондин выстрелили. Русский остановился, пошатнулся, поднял автомат перед бедром Блондина. Тот отскочил ему за спину. Почти вертикальный удар лопатки оставил страшный след. Эрнст крикнул:

— Сзади!

И Блондин из наклона нанес удар по кривой снизу вверх, почувствовал сопротивление и услышал вскрик. Он выдернул ручную гранату, прыгнул назад через стену, повернулся вокруг, ударился о каменную глыбу, увидел, как пули высекают фонтанчики пыли из стены, заметил остатки следующей стены, проследил, как через нее перекатывается Эрнст, вытащил вторую гранату, по-

бежал, споткнулся, прыгнул боком через остатки стены, схватил ртом воздух, услышал тяжелые частые удары у себя в груди.

— Цыпленок, туда!

Рядом с Блондином лежали убитые русские. Он испугался: «Они погибли при нашей контратаке или уже прорвались?»

— Автоматы, Цыпленок!

Конечно! Это самое важное! Буквально спотыкаешься об оружие и не видишь его. Он закинул свою винтовку СВТ за спину, схватил русский автомат, проверил дисковый магазин и довольно кивнул. Эрнст от сжатого кулака поднял большой палец, потом указательный. Когда поднялся средний, они вскочили и побежали в тыл.

Куно и Камбала лежали в самом дальнем левом разваленном доме. Они стреляли до тех пор, пока не кончились патроны. Тогда они стали бросать гранаты. Когда Камбала бросил последнюю, то сказал:

— Все, Куно, бежим назад!

Они одновременно выскочили из укрытия и по открытой местности побежали к следующему дому. Куно увидел русских первым. В карманах брюк у него были еще две гранаты — неприкосновенный запас. Он выхватил одну и бросил в группу русских, прыгнул вправо, к стене следующего дома, и позвал:

— Ты где, Камбала?

Между двух разрушенных хат Камбала вел свой первый и последний ближний бой. Один русский покачивался, раненный в бок. Другой громко закричал, когда приклад ударил его в лицо! Потом другие набросились на Камбалу. Куно зажмурил глаза. Когда он их открыл снова, то увидел нескольких русских, добивающих лежавшего на земле Камбалу. И он услышал его крики. Он достал последнюю гранату, выдернул чеку, подождал и бросил. Это был его лучший бросок, и он улыбнулся,

когда она разорвалась, улыбнулся и упустил свой шанс, единственный, остававшийся у него. При взрыве он должен был бежать, должен, но не мог. Он должен был увидеть взрыв, видеть, как один из них схватился за живот и упал на колени, как другой прижал руки к лицу и как сумасшедший забегал кругами, крича при этом, как ребенок, как он свалится на другого, пытавшегося ползти, но в результате головой уткнувшегося в землю. Когда Куно, наконец, вскочил и захотел добежать до следующей стены, позади него раздалась очередь. Он почувствовал сильные удары в спину и уставился стекленеющими глазами в серую потрескавшуюся стену, надвигавшуюся на него. Очередь швырнула его на камни. Его широко растопыренные пальцы заскользили по швам кладки. Пули били его, пригвождая к стене, как распятого. Когда первые русские гвардейские стрелки перебегали через короткое пространство между руинами, он медленно сполз, перекатился на спину, широко раскинув руки, рот его растянулся в улыбке, как будто он был доволен.

Двое русских пробежали мимо, не обратив внимания на убитого. Третий на мгновение остановился и короткой очередью сбил улыбку с мертвого лица. Но мгновение было долгим. Очередью его развернуло вокруг собственной оси. Он свалился на Куно и накрыл своей грудью простреленное лицо.

— Покури, Цыпленок, это успокаивает.

Он сидел на корточках, привалившись боком к стене, лицо — между рук, глаза тупо устремлены в землю. Вытоптанная трава, мелкие камушки, комок земли... Эрнст, взявшись за стальной шлем, повернул его голову к себе, вставил прикуренную сигарету ему в губы, потом медленно поднялся, чтобы осмотреться вокруг укрытия. Блондин механически затянулся. Медленно он начал возвращаться к действительности. Он закашлялся

от едкого табачного дыма, посмотрел вверх, медленно поднялся и встал рядом с мюнхенцем.

— Ну что, вернулся?

Блондин медленно кивнул, повернул голову, кивнул снова, когда его взгляд узнал укрытие. Это была извилистая траншея, глубиной не в полный рост человека, со слегка осыпавшимися краями. По переднему краю рос жидкий кустарник, у которого Эрнст обломал нижние ветки. В нескольких метрах позади лежал убитый. Маскировочная куртка разрезана, обнаженная грудь бело-желтого цвета. Шея обмотана окровавленной повязкой, лицо повернуто в сторону и полуприкрыто стальным шлемом. У ног лежали два ящика с пулеметными лентами.

— Возьми ящики, Цыпленок. Высыпи патроны. Эти штуки хороши для упора в окопе.

Молча Блондин подполз к убитому. Когда подтаскивал ящики к окопу, сказал:

— Штурмман, кажется — из третьего взвода.

Эрнст не ответил. Он тщательно установил ящики, для маскировки использовал обломанные ветки.

— Отличный окоп, — улыбнулся он Блондину. — И отличный сектор обстрела.

— А где остальные?

— Или на холме, или внизу, в балке.

— А кто еще остался?

— Не знаю. В любом случае мы двое.

Их прервал лязг танковых гусениц. «Тигр»!

Эрнст махнул рукой. Танк дернулся, проехал в нескольких метрах мимо их окопа, мотор взревел, потом еще раз, и стальная коробка остановилась. Вдруг у улыбавшегося Эрнста вытянулось лицо:

— Ты дурак. Вот идиот!

«Тигр» стал медленно крутить пушкой, как слон хоботом, когда не понимает, что ему дальше делать. Эрнст сдвинул каску на затылок и вытер пот со лба.

— Проезжай, придурок! — закричал он. — Езжай дальше! Проезжай!

Он кинул комком земли в борт танка. Наконец, он сдался, снова сел на корточки, в бешенстве швырнул свой стальной шлем на землю, а заметив непонимающее лицо Блондина, злобно крикнул ему:

— У тебя такой же дурацкий взгляд, как и у этой идиотской стальной коробки! Понял? Когда начнется, кроме заупокойной над нашим крестом, нам ничего не светит!

Он вскочил снова и закричал:

— Бараны! Идиоты! Я сейчас вам по заднице накостыляю!

— При весе?

— Что?

— При весе! — крикнул ему в ответ Блондин. — При таком весе ты себе только ноги вывихнешь.

— Ерунда, он услышал! Видишь — поехал!

Они легли на бруствер. «Тигр» проехал десять-двадцать метров, остановился, слегка повернулся. Застыл. Эрнст хотел что-то сказать, но тут выстрелила танковая пушка. Лежа рядом, они напряженно смотрели поверх ящиков из-под пулеметных лент. Впереди поднималось грибовидное облако дыма.

— Уже кого-то подбили! — улыбнулся Эрнст.

Блондин хотел ответить, но свалился назад и уткнул лицо в траву. Рядом с их укрытием взрывом высоко швырнуло землю. Эрнст продолжал как ни в чем не бывало наблюдать дальше. Блондин снова, чертыхаясь, полез вверх, твердо решив досмотреть представление до конца, даже если польет дождь из дерьма. Поскольку разговаривать из-за грохота было нельзя, они то и дело поворачивали друг к другу головы, подмигивали, морщили носы, лбы, улыбались, открывали от неожиданности рты, с пониманием кивали головой, как будто говоря: «Так ему и надо. Где следующий? Внимание, слева появились еще Т-34! Черт! Промазал! Отлично!

Прямое попадание!» Эрнст хлопал своему другу ладонью по каске и улыбался как в кино. Только все кадры были сильно приправлены черно-коричневым соусом, запахом гари, а вместо музыкального сопровождения слышался постоянный треск и грохот, лязг гусениц и рев моторов. Час, два, три. Как долго продолжался этот ад? Подъехали новые «Тигры». Земля дрожала. Блондин зажал уши обоими указательными пальцами, а Эрнст показывал вперед, туда, где в дыму и пыли исчез его друг-танкист «дурак», «придурок» и «идиот». Эрнст махнул ему вслед рукой, довольно улыбнулся, сполз в укрытие, расстегнул сухарную сумку, пошарил в ней, нашел и протянул Блондину кусок хлеба. Тот кивнул и вытянулся, желая дальше наблюдать за происходящим поверх бруствера. Левая рука с поднятой вверх ладонью тянулась, пока не почувствовала корку. Оба с трудом жевали черствый хлеб. Один сидел в окопе, другой лежал на откосе бруствера. Один уже насытился тем, что происходило за укрытием, танковое сражение его уже не интересовало, потому что за пылью и дымом уже не было ничего видно. Другой пытался сопровождать взглядом шедшие вперед «Тигры», стараясь при этом не уронить ни крошки. Правой рукой он подносил ко рту хлеб, а левую ладонь держал под ней. Когда он проглотил последний кусок, то на минуту перестал жевать. Два «Тигра» дымились. Третий превратился в кучу металлолома. Несколько человек бежали через клубы дыма. Блондин хотел сказать об этом Эрнсту, но не стал, так как различил на них форму немецких танкистов. Он слизал крошки хлеба с ладони и снова услышал, как огонь танковых пушек снова приблизился. Увидел разрывы снарядов далеко впереди между последними «Тиграми», тщетно пытаясь разглядеть русские танки. Ничего не было видно.

— Видишь что-нибудь?

— Только наших.

Бой уже не гремел в непосредственной близости. Они снова слышали друг друга.

— Они стреляют лучше.

— Наши?

— Да.

— А откуда ты это знаешь?

— Да вон по тому нашему придурку там, впереди.

— По тому, которому ты хотел отвесить пинка?

— По нему самому. По нему промазали пять раз.

— Ты что, считал?

— Считал. Пять выстрелов — пять промахов. Наши так плохо не стреляют. Понял? Значит, наши стреляют лучше.

— У наших и калибр побольше.

— Зато русские быстрее.

— Но вон тот, слева от нас, ты сейчас его опять видишь. Ему попали в бок, гусеница отлетела.

— «Выстрел на родину», — улыбнулся Эрнст. — Ему повезло.

— Ты думаешь, ему посчастливилось?

— А что еще, Цыпленок? Такое попадание повредило танк, да так, что он не взлетел на воздух. Это — «выстрел на родину». Идеальный! Они вылезли, смотались и будут ждать нового танка. А пока его не получат или пока не отбуксируют и не отремонтируют новый, они будут бить балду.

— И почему ты не записался в танковый полк?

— Во-первых, у меня рост великоват. Во-вторых, я не выношу долгого сидения, и, в-третьих, мне не по нраву вонь.

— Ну эту ведь ты переносишь? — Пахло нефтяной гарью.

— Это еще ничего, в этом пока никто не сгорел.

Гром пушек перед ними начал стихать. Но левее еще гремело как на кегельбане. Дым и пыль перед их укрытием поднимались, словно занавес.

— Тигры останутся стоять, Эрнст. Видишь дымы от подбитых иванов? Выглядит так, как будто это огромный лагерь пимпфов во время слета гау.

— Ну и сравнения у тебя. — Эрнст покачал головой. — Лагерные костры пимпфов! Черт, Цыпленок, почему всегда тебе приходит в голову такая глупость. Хорошо, что нашим удалось этого добиться. Перебили пару дюжин.

— Больше, Эрнст! Спорим?

— Спорить? На что? У тебя же ничего нет, даже сигарет.

— Нет, есть! — рассмеялся Блондин и прикурил две сигареты, не спуская глаз с «Тигров». — Здесь, Эрнст. Но почему они не пробиваются дальше?

И, когда не последовало ответа, он продолжил:

— Они просто стоят повсюду на местности, как будто не знают, что будет дальше.

— А мы знаем?

— Осторожно, Цыпленок!

Взрыв заставил их вздрогнуть. Эрнст разочарованно поправил стальной шлем. Он воткнул окурок в землю, проворчав:

— Вот свиньи, ни минуты отдохнуть не дают!

Медленно, как будто против своей воли, он приподнялся и посмотрел поверх ящиков из-под пулеметных лент. После долгого и внимательного осмотра местности он постучал Блондина по стальному шлему:

— Ханс там, внизу, в балке. Думаю, что я его видел.

Вдруг огонь из танковых пушек разыгрался с новой силой.

Они посмотрели друг на друга, закинули карабины за спину, надвинули каски поглубже на лицо, большой палец на кулаке Эрнста поднялся вверх, затем — указательный, безымянный — они побежали. На бегу Блондин увидел подъезжающие штурмовые орудия. Он выругался про себя из-за того, что они не использовали

паузу в огне: «Если бы мы парой минут раньше увидели наше подразделение, это была бы прогулка. Если бы! Вот дерьмо! Это вечное если!» Ложись! Разорвались снаряды. Это из танковых пушек. Их совсем не слышно на подлете. А когда взрываются, падать уже поздно. Нет смысла залегать через каждые пять метров. Надо просто перебежать это место. Эрнст бежит в десяти-пятнадцати метрах перед ним, слегка пригнувшись — а все остальное — перестраховка. Эрнст оценил это расстояние в сто метров. Насколько длинными могут оказаться эти паршивые сто метров! Кругом гремело и свистело. «Боже мой! Дай мне пробежать эти паршивые сто метров!» Еще семьдесят. Дальше, быстрее, проклятые ноги в проклятых сапогах едва двигаются! Быстрее! Еще пятьдесят метров. Половина. Давай! К финишу, как раньше на спортплощадке. Но это не стадион и не гаревая дорожка, и на финише не стоит судья, а для победителя нет дубового венка и медали на геройскую грудь. Вместо них — каски и балка! Он спрыгнул в укрытие, скользя, перевернулся на бок, хотел выругаться, но ему не хватало воздуха.

Так и остался на некоторое время лежать в том же положении там, где упал.

— Мы бы стали неплохими спринтерами! Внимание!

Блондин сел повыше, закивал обессиленно головой, с закрытыми глазами: «Вот и хорошо, уже лучше, Эрнст...» Он устало открыл глаза и посмотрел вокруг. Эрнст, обливаясь потом, улыбался. В правой руке у него была фляга, а левую он сунул за борт маскировочной куртки.

— По глотку, потом — выкурим по сигаретке. Ханс считает, что иван на подходе и сейчас опять начнется.

Они выпили и покурили. Блондин держал сигарету между большим и средним пальцами. Сквозь дым он поглядывал направо. Длинный овраг был почти как противотанковый ров, в два этажа, переходящих один

Пауза между боями

в другой. Стены — глинистые и каменистые, поросшие осотом и кустарником. Заканчивался овраг кустарником, похожим на изгородь.

Блондин медленно перевел взгляд налево. Там балка была неглубокой и не такой длинной, дно ее было усеяно воронками. В балке стояли четыре ручных и два станковых пулемета. Солдаты снаряжали ленты и магазины. Кто-то раздавал винтовочные гранаты. Низкий кустарник в правом конце оврага зашевелился. Блондин видел, как из ветвей высунулся ствол противотанковой пушки. Он затушил окурок.

— Что с тобой? — Блондин только сейчас увидел белую повязку на запястье левой руки, которую его друг держал под курткой. — Что с рукой?

— Осколок! Рассек тыльную сторону руки. Ничего особенного.

Но Блондин захотел посмотреть на руку. Повязка была в крови, но сухая.

— Пальцами шевелить можешь?

— Для стрельбы — достаточно.

— Как стемнеет, иди в тыл, на перевязочный пункт.

— Там — бедные свиньи. — Мюнхенец с сомнением поднял плечи: — Хотят в тыл... Но под огнем?

В самом глубоком месте балки в воронках сидели два гренадера в повязках на головах. Один из них подносил сигарету ко рту шарфюрера, лежавшего в стороне. Брюки у него были разрезаны от бедра до колена. Повязка во многих местах пропиталась кровью. Четвертый, унтерштурмфюрер, сидел прямо, прислонившись спиной к земляной стене, свесив голову на грудь. Волосы короткие, слипшиеся от пота. Стального шлема нет. Пятнистый брезент закрывает нижнюю часть туловища и ноги до голенищ сапог. Ноги слегка подвернуты в сторону. Рядом с ним лежали двое мертвых. Брезент прикрывал верхнюю часть их тел и лица.

— Мы застряли, — проворчал Ханс, подсев к Эрнсту и Блондину. — На другой стороне очень много танков. Местность тоже плохая, не годится для наших «Тигров». Нет возможности использовать дальнобойные пушки. Слишком короткие дистанции.

— А где танки Сухопутных войск, которые должны были бить ивана во фланг?

— Где-то, — Ханс разочарованно отмахнулся. — Наши «Тигры» расхлебали дерьмо, хотя при этом многих подбили, а у остальных кончились снаряды, осталась еще пара штурмовых орудий, которые как раз выезжают на передовую, и мы.

— Отлично, — пробормотал Эрнст. — А какие армейские дивизии мчатся к нам и до сих пор не доехали?

— Не знаю, Эрнст.

— А что знаешь?

— Что мы удержимся.

— Три полудивизии против целой свежей танковой армии?

— Как раз нам по горло, — попытался улыбнуться Ханс. Его улыбка вышла неубедительной. — Если нам это не удастся, то все наступление будет провалено. Это точно.

— Ясно. А если мы удержимся, — продолжил Блондин, — то провалимся сами.

— И очень даже просто, Цыпленок. Это чисто вопрос стратегии.

— А что ты называешь стратегией, Эрнст?

Тот улыбнулся Длинному:

— То, что у нас осталось парой дразнилок больше, чем у ивана. Кто тогда должен войти в Курск?

Ханс покачал головой, распечатал пачку «Юно» и предложил закурить:

— Сначала наступление с трехмесячным опозданием. Потом — позиции с дотами и резервы. А теперь — даже новая армия! Просто у ивана слишком много всего.

— А нас слишком мало.

— Только потерь достаточно.

— Что с рукой, Эрнст? Пальцы выглядят не очень хорошо. Вечером пойдешь в тыл, заберешь с собой раненых. Ясно?

Эрнст улыбнулся:

— Да, надо так надо. Но до этого еще пара часов.

Снова загремели танковые пушки. Ханс кивнул обоим и поспешил наверх. Эрнст затушил сигарету и встал.

— Держи позицию, Цыпленок. Если что случится, сразу говори. Ну, счастливо.

Он спустился на дно балки, сел, положил карабин рядом, повернул к себе сухарную сумку и начал перекусывать. Блондин следил за ним и улыбался: «Пока у него есть аппетит, ему не так плохо». Его взгляд скользнул по раненым. Двое с перевязанными головами сидели, прислонившись друг к другу. Унтершарфюрер лежал тихо. Унтерштурмфюрер крутил головой, размахивал руками, открывал рот. Он кричал. Но из-за канонады ничего не было слышно.

Когда Блондин выглянул из-за края балки, то испугался. Жирный черный дым, фонтаны земли, стреляющие и горящие танки. Его глаза прижмуривались от ярких вспышек, сверкавших сквозь дым и пыль. «Русские! Т-34! Как они близко! Они просто прорвались. Что не успели подбить «Тигры», проехало дальше! Ни на что не обращая внимание! Как самоубийцы!» Рядом с ним грохнуло, и он спрятал голову. Не услышав разрыва, он понял: это противотанковая пушка справа в конце балки. При втором выстреле он улыбнулся. При третьем он от удивления забыл закрыть рот. Там стреляет не одна пушка. Там их целый взвод! Что не добили «Тигры», приканчивают противотанковые пушки, вряд ли заметные для русских: все, что появляется у них перед стволами из всполохов нефти, дыма

и пыли. Там все гремит, рвется и разлетается на куски. Все, что разыгрывалось перед его глазами, было адом, танковым сражением, бойней в полном смысле этого слова.

Невыносимо воняло. Было очень жарко. Солнце поблекло, его лучи с трудом пробивались сквозь дым и пыль.

Блондин замер, глядя на это неистовство. Он ничего не чувствовал, ни о чем не думал, не испытывал ни страха, ни радости, ни отчаяния. В голове лишь проскальзывали обрывки мыслей: «Так будет, когда наступит конец света. Именно так, когда пламя обрушится с небес и земля исчезнет в огне и дыму. Где это я слышал? Или читал? Кто это сказал? Библия! Прохоровка и Библия! И настанет день. Настанет? А это не он ли? Ведь земля уже дрожит, горит и дымится. Она ведь изрыгает уже камни, пыль, кусты и деревья. Разве не разлетается все с грохотом и треском? Это все еще война?» Сотни стальных чудищ мчатся друг на друга, словно древние ящеры. Сотни стальных коробок едут друг на друга, скрежеща гусеницами, стреляют, разлетаются на куски, взрываются без вариантов, без тактических ходов, одержимо, ожесточенно, подчиняясь лишь одной мысли: или я его прикончу, или он меня. Отправлю в ад этого или другого. Когда один танк разлетается на части, когда второй вздрагивает от удара и останавливается в искрах, языках пламени и клубах дыма, вперед выезжает следующий, следующий и следующий, пока они не превращаются в кучу дымящихся обломков. Немецкие танкисты сознают, что они лучше: лучше водят, стреляют и попадают. Русские — в отчаянном упрямом порыве, чтобы преодолеть превосходство массой, ожесточенно, фанатично, с ненавистью дерутся до последнего выстрела и, даже загоревшись, продолжают ехать с очевидным намерением таранить врага, взлететь на воздух

вместе с «Тигром»! Почти ни один танк не стреляет с места. Они едут, поворачивают, пытаются сманеврировать на узком участке местности, получить противника перед пушкой, отправляют одного к черту, чтобы через несколько мгновений самим взлететь на воздух. Действенную помощь «Тиграм» оказывают противотанковые пушки из балки, в то время как русские танки видят только своих противников и бьют только по «Тиграм», артиллеристы противотанковой пушки отправляют в цель каждый снаряд.

Блондин смотрел, и вдруг ему в голову пришла мелодия: «И если целый мир развалится, то мы не испугаемся». Он ударил кулаком по земле, положил голову, чтобы больше ничего не видеть, и стал кричать: «Дерьмо, дерьмо!..»

Это нечеловеческое взаимоуничтожение позднее в исторических книгах получит дату, количественные измерения и описание. Блондин повернул голову и снова посмотрел на позицию противотанковых пушек. «Идеальная, — подумал он, — стволы — почти на уровне земли и укрыты густым кустарником. Так как балка в этом месте неглубокая, артиллеристы по переду срезали откос и отбросили землю в кустарник. А потом поставили четыре орудия на позицию. Закопаны так, как русские танки в первый день наступления. Ну и нервы у этих артиллеристов! Стреляют, как на полигоне: спокойно, сосредоточенно...» Тут раздался взрыв, и прямо перед огневой позицией взлетела земля. Блондин притянул верхнюю губу. Справа приближались три Т-34, обстреливая противотанковые пушки. «Черт возьми! Сейчас они поимеют канониров в задницу!» Блондин испугался, когда позади него раздался резкий, разрывающий уши пушечный выстрел. Повернувшись, он сполз немного вниз по склону балки, поднял голову и увидел «Тигр». Его пушка снова выплюнула пламя. Блондин тут же по-

вернулся и посмотрел за верхнюю кромку своего укрытия на русские танки. Первый повесил пушку. Второй поворачивал башню в поиске новой цели. Бах! Башня поднялась, словно сорванная невидимой рукой, отлетела назад и упала набок. Третий танк дал задний ход. Он хотел отвернуть. Он дернулся, но башня осталась на месте и больше не вращалась. Снова раздался резкий звук. Танк опять вздрогнул, пошел серый дым, мотор взревел, и вдруг вспышка пламени рванула вверх крышки люков.

Блондин смотрел, замерев. Три попадания за пару моментов! Три Т-34 за несколько секунд! Он пошарил под курткой в поисках сигарет. После первых затяжек он немного успокоился и как зачарованный стал смотреть на картину ада. Перед ним были танки, дым и пыль. Справа от него — едущие, стреляющие, дымящие и горящие стальные гробы. Слева смотреть было не на что, а позади него — «Тигр», но уже не один. К нему медленно присоединился другой.

«Дерьмо, — проворчал он, — проклятое дерьмо эта свинская война. А я сижу буквально посреди этого дерьма. Зритель и слушатель». И вдруг он перестал чувствовать себя солдатом «ЛАГа», одетым в маскировочную куртку, стальной шлем, держащим в руках винтовку. Он превратился в безучастного наблюдателя, нейтрального свидетеля, корреспондента из Гонолулу. И в этот момент сражения под Прохоровкой он принял решение: «Как только я выберусь из этого дерьма, запишу события каждого дня и каждого часа, каждой минуты и каждого мгновения этого убийственного сумасшествия. Нет, не как писатель для неверящего читательского сообщества, а для себя. Это будет дневник коротких и длинных дней битвы под Курском с приземленной точки зрения солдата. Если, даст Бог, после войны я смогу вести нормальную жизнь, этот дневник станет для моих

сыновей и внуков большим, чем краткое, сухое сообщение в исторической книге. Они должны будут, по крайней мере, узнать, что видел обершарфюрер-танкист с Рыцарским крестом, который стоит в балке, смеясь как сумасшедший и одновременно вытирая слезы с закопченного лица. Что пережил роттенфюрер, который лежит перед ним в обгоревшей форме и с прожженным нефтью мясом, с обугленной головой, без бровей и ресниц, с безгубым ртом на сгоревшем лице, прежде чем его командир, вытащивший его из подбитого танка, затушил горящую одежду собственным телом и, почти сошедший с ума от боли, дотащил до балки, чтобы там понять, что все это было напрасно. И это только двое! Другие даже до балки не добираются. Лежат там, наверху. Их разрывает в их стальных гробах, они сгорают в них, кричат раненые между крутящимися и стреляющими танками, расставаясь с душой, покидающей тела, и никто их не слышит. И никто не может им помочь. Или они тщетно пытаются найти укрытие, обезумев от страха. Их давят гусеницы, разрывают снаряды, давят обломки железа».

Один экипаж целым выбрался из своей разбитой снарядами духовки, до того как она взорвалась. Танкисты бежали сквозь взрывы, град камней, по горящей нефти, под пулеметными очередями, бившими в стальные борта без направления, потеряв всякие ориентиры. Они пытались найти где-нибудь укрытие в этом сумасшествии, искали путь между взрывами и пожарами. Их накрыло взрывом, двое споткнулись и упали, двое бежали дальше, пытаясь вырваться из грохота и скрежета и спрятаться от осколков.

На другом танке радист попытался вытащить наводчика с его места. Он тащил, задыхаясь, просунув руки под мышки друга и сцепив их замком у него на груди. Голова била затылком ему в лицо. Он тащил, а пронзи-

тельные крики раненого резали его как бритва. Когда он увидел разбитые в кровавую кашу ноги, и сам закричал от ужаса, но продолжал тащить, а кровавая каша продолжала тянуться вверх и обрываться. Он ударился затылком о броню, закашлялся от едкого густого дыма, увидел плечи механика-водителя, с которых была сорвана голова, раздавленные и размазанные по стальным обломкам остатки тела командира. Он вытащил раненого из погнутого сплющенного металлолома, дотянул его до щитка гусеницы, вскочив, вскрикнул, согнулся, попытался ползти, хотел найти горящим взглядом своего безногого приятеля на танке — два метра отделяли их — две вечности.

Метрах в пятнадцати от балки подбили «Тигр». Пушка отказала и повисла. Экипаж вылез. Из башни один выскочил, словно прыгун-фигурист. Остальные тащились, спотыкались, зацеплялись, падали с корпуса танка, словно дохлые мухи. Их окутало клубом пыли от взрыва. Лишь один появился из осыпающейся земли, сделал, качаясь, несколько шагов, упал и остался лежать. Гренадеры в балке между взрывами слышали его крики.

Блондин прижал голову: «Черт возьми, мы сидим в нашем укрытии, как у Христа за пазухой, в полной безопасности или почти в полной. Потому что даже прямое попадание не причинит особого вреда. Слишком далеко друг от друга мы лежим. Наше укрытие хорошее, только раненые и Эрнст, сидящий рядом с теми двумя, у которых повязки на головах, и уничтожающий сигареты одну за одной, образуют группу. Если попадет в них, то прикончит сразу пятерых? Унтершарфюрер лежит тихо, а унтерштурмфюрер с вывернутыми, прикрытыми брезентом ногами перестал кричать и болтать головой. Пятерых? Нет, только троих. Мы смотрим из укрытия на битву, как на недельное кинообозрение, а там они подыхают».

Один штурман снял снаряжение, выскочил за край балки и побежал туда, откуда доносились крики. Когда он не вернулся, Пауль расстегнул ремень. Ханс схватил его за куртку и оттащил назад:

— Одного достаточно.

Крики становились тише и тише.

Блондин выругался, уткнувшись в сухую, пахнущую гнилью и горящей нефтью землю, зажмурил глаза, снова открыл, посмотрел поверх укрытия. Первые Т-34 стали пугающе заметны. Он понял: «Иван почти прорвал противотанковый рубеж, сейчас он снесет его и двинется дальше!» Когда он захотел отползти назад, противотанковые пушки снова открыли частую стрельбу. Он выпрямился и снова посмотрел поверх кромки. Несколько «Тигров» стояли полукругом слева от балки, словно стадо взбесившихся слонов, вытянув свои хоботы. Кулак сосредоточенной силы. Стальная стена, извергающая огонь. Один из них слегка дымился, но продолжал стрелять. У другого был пробит бок и разбиты катки и гусеница, но он тоже продолжал стрелять. По сторонам от этого последнего рубежа подползали другие танки — плоские и незаметные. Блондин улыбнулся: «Штурмовые орудия! Это штурмовые орудия, которые мы видели до этого далеко в тылу. Они подошли как раз вовремя, когда иван подумал, что уже прорвался». За несколько секунд Т-34 испустили грибовидные облака дыма. Резкий грохот противотанковых пушек и глухие удары штурмовых орудий были музыкой для его ушей.

— Вот у них ничего и не получилось.

Блондин не заметил, как Эрнст залег рядом с ним. Он улыбнулся мюнхенцу, а тот показал ему кулак с поднятым вверх большим пальцем.

— А мы смогли, Эрнст.

Тот попытался улыбнуться. Залитое потом лицо под стальным шлемом было бледным. Перевязанная рука лежала на земле. Бинты были грязными. Пальцы распухли и были зеленовато-синими. Блондин посмотрел на руку, как будто она была его собственной. Он подумал, что надо сказать мюнхенцу.

— Еще немного, и начнет вечереть.

Он перекосил лицо и стиснул зубы.

— Болит?

— Тянет до самых мозгов.

— «Выстрел на родину», Эрнст. Ты же всегда хотел такой. И кривишь лицо, как перед прокисшим молоком.

— Надо еще быть осторожным, чтобы еще доехать.

— Почему?

— Потому что позади такой же обстрел, как и на передовой.

— Для тебя это пустяки. У тебя все получится. — Блондин снова посмотрел на руку. — Правой!

— Да. Но что будет с тобой? Если меня не будет, затянет тебя под колеса. Это так же точно, как «аминь» в церкви.

Блондин хотел ответить. Вдруг он снова почувствовал проклятое тянущее чувство в желудке, чувство неопределенности, скрытый страх. Его пробил пот, холодный пот. Хотя он вспотел, на этот раз он знал причину, знал, почему тянущее чувство в желудке лишило его дара речи. Его правая рука поползла вверх. Осторожно, почти нежно она легла на руку друга, покрытую запекшейся кровью. Молчаливый, трогательный беспомощный жест. Они молчали, ничего не делали, их закрытые глаза были направлены туда, где продолжалась сумасшедшая бойня. И им не надо было ничего говорить, ничего делать и даже смотреть — они поняли друг друга.

Танковое сражение под Прохоровкой бушевало целый день. И вечер был таким же, как день, а ночь — такой же, как вечер. Горящие танки освещали местность призрачным колеблющимся светом. Остовы танков стояли близко друг к другу, в некоторых местах — кучами, так же, как погибшие гвардейцы и гренадеры, так как в танковое побоище русские загнали и свою пехоту. Они шли под прикрытием своих танков, висели, как обычно, на броне, и, как обычно, их скашивали оттуда очереди немецких пулеметов. По упавшим проезжали шедшие сзади Т-34, а когда в них попадал снаряд, гвардейские стрелки разлетались в стороны. Часто они потом суетились, словно пчелы вокруг лежащего жука-носорога. Блондин взял пример с артиллеристов. Он стрелял спокойно и точно. С каждым его взглядом в прицел и отдачей приклада он освобождался от тянущего ощущения в желудке и страха перед неопределенностью в своей душе. Эрнст помогал ему и считал попадания. И снова было похоже на противотанковую пушку, которой восхищался Блондин, потому что она стреляла как на стрельбище и каждый раз попадала.

Командир роты погиб ранним вечером или, как уточнил Эрнст, в начале сумерек. Их командир взвода погиб перед ужином. Ханс принял командование взводом, парой оставшихся горемык. Через этот ад Дори три раза подвозил боеприпасы и три раза невредимым возвращался назад. Четвертую поездку предпринял техник. До передовой он не доехал и назад не вернулся. Тогда Дори взял новый мотоцикл, нагрузил полную коляску боеприпасами и порулил на передовую. Перед самой балкой он увернулся от двух непрестанно стрелявших «Тигров», подбивших перед самым носом у гренадеров пять Т-34. Шестой случайно успел выстрелить. Дори вышибло с сиденья, и он, удивленный, но невредимый, приземлился в кустах. Оттуда, чертыха-

ясь и обливаясь потом, он пробрался к балке. Вздохнув, посмотрел на озабоченное лицо Эрнста и стрельнул сигарету.

— Что, теперь заделался партерным акробатом?

Дори осмотрелся:

— Где здесь передовая, а где тыл?

Эрнст улыбнулся:

— Там, где стреляют, — там передовая, где не стреляют — там тыл.

— А где не стреляют? — спросил Дори.

Вечер был удушающе жарким. Русские уже не атаковали широким фронтом, а пытались прорваться на узких участках группами Т-34. За ними ехали бронемашины с гвардейскими стрелками. Артиллерия молчала и с той, и с другой стороны. Артиллеристы не могли определить, куда стрелять, так как все перемешалось. Авиация тоже держала долгую паузу. Поле боя было покрыто дымом, пылью и пожарами. Оставались только маршруты выдвижения резервов. По ним еще работали немецкие бомбардировщики. Русским не надо было и подниматься, потому что у немцев резервов не было.

Рядом с балкой было относительно тихо, если не считать взрывающихся в подбитых танках боекомплектов и небольших дуэлей между группами из двух-трех русских танков, пытающихся проводить отвлекающие маневры, двумя «Тиграми» и противотанковыми пушками. При этом русские всегда оставались в проигрыше, так как видимость из-за многочисленных пожаров была хорошей, и передвижение между многочисленными остовами танков легко и быстро можно было заметить. Через пару минут к танковому кладбищу добавилось три или четыре остова.

Блондин тщательно вычистил винтовку и осторожно протер оптический прицел. Эрнст и Дори сидели

Танковое кладбище под Прохоровкой

в нескольких метрах рядом и беседовали. При этом Дори был ведущим в разговоре и курившим больше сигарет. Пауль и Йонг колдовали над своим разобранным пулеметом, Пимпф и Шалопай снаряжали ленты. Ханс в сотый раз оценил огневые позиции пулеметов, постоянно бегая кругами, как собака, не находящая себе места.

Довольный, Блондин отложил в сторону свою винтовку, прикурил окурок сигареты и откинулся назад. «Странно все это, — он попытался пустить колечки дыма, — в голове — никаких мыслей, ни дурацких, ни разумных. Ничего. И тянущее чувство в желудке прошло. Что со мной случилось?» Он загасил окурок. «Чувствую себя опустошенным. Выжатым, словно мокрая тряпка». Он вытер пот со лба, перевернулся на грудь, закрыл глаза и забыл притянуть губу к носу.

День одиннадцатый

12 ИЮЛЯ 1943 ГОДА

Вскоре после полуночи убили Йонга. Ирония обстоятельств. Совершенно бессмысленно. Дурацкий случай. Именно в самый спокойный момент сражения под Прохоровкой. Когда можно было отметить относительно спокойное время между атаками, передышку на фронте. Именно тогда это и случилось. Судьба иногда выкидывает редкие фортели. Каждый об этом знает, знал и Йонг. Но в тот момент никто об этом не думал, и Йонг — тоже.

Пулемет был установлен на бруствере. Пауль и Йонг сидели позади него в балке, курили и тихо разговаривали с Шалопаем. Пимпф спал. Они услышали свист тяжелого снаряда, но не пошевелились. Он разорвался перед их укрытием и опрокинул пулемет. Йонг чертыхнулся, отложил сигарету, как бы нехотя поднялся, чтобы забрать пулемет. Второй снаряд лег далеко справа. Йонг отпустил рукоятку пулемета, а его каска стукнула по прикладу. Пауль крикнул:

— Назад!

Когда Йонг не ответил, он пополз вверх, тряхнул его — ответа не было.

— Йонг! Йонг?

Он потащил своего друга назад, крича:

— Йонг! Йонга убило!

Эрнст удержал Блондина, попытавшегося достать перевязочные пакеты из кармана маскировочной куртки. Он только молча покачал головой, увидев осколочное ранение, протянувшееся через ухо в заднюю часть головы. Пауль сел рядом с убитым, обхватив голову обеими руками. Он ничего не говорил, ничего не делал, ни на что не реагировал, просто тупо смотрел перед собой.

Когда танки опять открыли огонь, он взвалил убитого на спину и понес его в самое глубокое место балки.

— Пауль! Останься здесь! — позвал его Ханс.

В свете огня горящих танков, под грохот пушек, свист и разрывы снарядов, в дыму и пыли Пауль начал рыть могилу для своего друга.

«Он сошел с ума, — подумал Блондин, — совсем рехнулся!» Он смотрел, как Пауль рыл землю, не обращая ни на что внимание. «Черт возьми, он действительно копает могилу, настоящую могилу во время танкового боя под Прохоровкой! Это ли не безумие?» Безумие? А может быть, наоборот? Разве это не нормально, что человек хочет похоронить своего друга, как если бы это было на родине, на кладбище? Нет только надгробной речи и салюта. Но тут больше, чем ружейный салют! Танки непрерывно стреляют салют! Безумие? Нормально? Что здесь такого? Убийственное уничтожение. Вонючая, чадящая ночь. Грохот артиллерии! Мрачно-красивая подсветка сцены! Копающий Пауль.

Он видел, как Пауль осторожно положил своего друга в могилу и так же тщательно и спокойно, почти торжественно стал его засыпать. Лопата за лопатой, не обращая внимание на разрывы, не замирая, когда приближается свист, он работал равномерно, как машина, с застывшей улыбкой на губах. И солдаты в балке видели это. Они были членами траурной процессии, к которой присоединились и артиллеристы противотанковых пушек. Когда Пауль закончил, он остался стоять со

скрещенными руками. И Блондин кивнул, подтверждая свои собственные мысли, и притянул верхнюю губу к носу: «Как я мог подумать? Он поминает, даже молится, и это — не кино, и даже не последняя сцена с раскатистым музыкальным финалом, и это никакой не героический роман, это происходит в действительности, это — реальность! Если кому-нибудь расскажу, он подумает, что я свихнулся».

Когда он увидел, как Ханс подошел к стоявшему Паулю и положил руку ему на плечо, то все стало действительно как в кино! Вместо органа гудели тяжелые калибры, танковые пушки отбивали такт, а пули пели «Аллилуйя!». Это не были похороны друга, это было погребение одного... Блондину вдруг стало холодно, когда он понял, что в могилу положили не только штурмана Дитера Йонга, но и всю веру и надежду целого поколения. *Его* поколения!

Пауль на негнущихся ногах медленно отходил назад, сел, положил руки на высоко поднятые колени и стал ждать. Он ждал до следующей атаки, а когда из ночи вынырнули темные силуэты гвардейских стрелков, швырнул пулемет сошками на бруствер, оттолкнул Шалопая, который хотел ему помочь, и стал выпускать из ствола ленту за лентой. Он отказался от своей знаменитой умелой смены позиций, стрелял, улыбался своей застывшей улыбкой, улыбался, когда, заменяя ствол, обжег себе руку. Потом передернул затвор, стрелял и улыбался. Когда пулемет замолчал, Эрнст и Блондин пробрались к нему, оттащили его и осторожно перевернули на спину. Четыре ранения — в плечо, руку, ключицу и последнее — в верхнюю часть груди.

Пауль открыл глаза. Его взгляд был спокоен и ясен. Так же спокойно он сказал:

— Они меня не прикончили. Ничто меня больше не прикончит.

Он лежал тихо, вытянув руки по швам, ноги вместе, мыски сапог чуть разведены в стороны. Ханс махнул Дори:

— Попытайся раздобыть мотоцикл! Иди и поторопись, ясно?

Дори поправил шлем, прикурил от окурка новую сигарету и пошел.

Перед дымным рассветом 12 июля на передовую выехал мотоцикл BMW R 75. Замасленный, покрытый пылью водитель привез боеприпасы, немного еды и термос с чаем. Водитель — Дори — посмотрел, как подняли Пауля, у которого даже не дрогнуло лицо, посадили в коляску и крепко привязали пулеметной лентой.

— Хреновые дела, Эрнст. Что ты скажешь про Пауля?

— Пауль? Выберется. Он поправится. Внешне будет таким же, но внутри он сломался.

Эрнст, как усталый старик взгромоздился на заднее сиденье. Протягивая здоровую руку, он улыбнулся:

— Бывай, Цыпленок. Теперь сам за собой смотри!

Это было долгое рукопожатие, они посмотрели друг на друга, Блондин кивнул:

— Да, Эрнст. Поправляйся. Еще увидимся.

— Да, — процедил он сквозь сжатые зубы. — Когда-нибудь где-нибудь. Самое позднее — после войны в Мюнхене.

Дори натянул на глаза очки, пожелал всем доброго утра и медленно тронулся. Последнее, что видел Блондин, — это был мюнхенец с непокрытой головой, махавший стальным шлемом.

Их осталось только двое. Двое из двенадцати. И всего за одиннадцать дней. Если причислить пополнение — Пимпфа и Шалопая, которые все еще оставались в отделении, это выглядело несколько лучше.

«Мечтой свиньи» или большим счастьем был «выстрел на родину», требовавший длительного процесса выздоровления. И совсем плохо, если «героическую смерть» описывали в газете в черной рамке под изображением Железного креста!

Ханс теперь командир взвода. Но как командиру командовать ему в общем-то некем. Он почти не говорит. И говорить ему нечего. Впрочем, он придерживается мнения, что битва под Курском провалилась. А Блондин подтягивает губу к носу и не находит ничего, что свидетельствовало бы против этого.

Пимпф принял пулемет Пауля, а Шалопай, чертыхаясь, стал таскать за ним ящики с лентами.

Дори остался Дори. После того как его друг техник пропал, он, кажется, почувствовал бóльшую связь с отделением. Точнее это знал бы только шпис, но он лежал в изрешеченном «Штейр-кюбельвагене», на котором хотел подвезти на передовую продовольствие и боеприпасы. Шпис больше не знает ничего.

День последний

15 ИЮЛЯ 1943 ГОДА

Монотонно сыплет дождь. Солдаты сидят в своих окопах, натянув над головами пристегнутые одна к одной плащ-палатки, и смотрят усталыми сонными глазами на ненастный день. Невысокие деревья со свисающими ветвями стоят, словно темная стена неизъяснимой печали. Чавкающая раскисшая глина, холодная сырая трава, пласты грязи и этот моросящий дождь пробирают до костей.

Блондин присел на поваленное дерево. По овражку тонкой серо-коричневой струйкой текла вода. Он смотрел через узкий разрез своей плащ-палатки на противоположный склон, по которому непрестанно вниз стекали ручейки, бороздящие пашню. Грязная вода журчала в глубоких промоинах овражка, стекая вниз, и на короткое время собиралась у его ног.

Пара сапог прочавкала мимо. Это, должно быть, Ханс.

Дождь вызывал мрачные мысли. Ручьи смывали их, уносили с собой и топили. Не думать, не чувствовать, не делать — ничего.

Через два часа они пошли в атаку.

* * *

«Мои дорогие!» — не так-то просто писать одной рукой. Бумага то и дело соскальзывает. Буквы выглядят словно пьяные.

Медсестра секунду наблюдала за усилиями Блондина, покачала головой, вышла из зала и через пару минут вернулась с красной резинкой для консервных крышек. Она прижала ею лист бумаги к подложке и ободряюще улыбнулась ему. Он поблагодарил, взял свой карандаш, притянул к носу верхнюю губу и продолжил писать:

«Лежу в госпитале и чувствую себя по-свински отлично. — Он зачеркнул «по-свински». — Рука уже почти не болит. Только по ночам ее прихватывает, как будто скребут и царапают тысячи чертей. Особенно ноют и горят пальцы. А когда я хочу их почесать, то замечаю, что чесать уже нечего. Это странно. Руки уже нет, а она как будто все равно здесь. Я могу двигаться, хотя все при мне и передвигаться никуда не надо. Нога уже в порядке, только крестец иногда сходит с ума, колет и тянет, как будто я поднял большую тяжесть. В любом случае, худшее уже позади, и я рад переводу в госпиталь на территории рейха».

Он критически рассмотрел написанное и довольно улыбнулся.

«Слава богу, мне угодили в левую. Рука пропала, и мало надежды, что вырастет новая». Глупости. Он взял карандаш и хотел зачеркнуть последнее предложение. Пожал плечами, скривил лицо, так как необдуманное движение причинило боль, оставил все, как было, и стал писать дальше: «Юмор висельника. Главное, я не теряю самообладания, иногда, по крайней мере. В любом случае, настроение у меня не такое, как у инвалида. Как это все случилось?

Мы пошли в атаку. Из оврага под проливным дождем. Небо сильно плакало, и вскоре нам тоже досталось. Мы — точнее сказать, то, что осталось от нашего батальона, — продвинулись далеко вперед. Помню только, как выглядели мои сапоги. На них налипли огромные комья грязи, с каждым шагом становившиеся все больше и тяжелее. Артиллерия наша была в отпуске. В любом случае, мы ее не видели и не слышали. Наши танки дрались с Т-34 и останавливались. И это было настоящим чудом. И тут началось! Иван! Мы, идиоты, бежали навстречу контратаке! Бежали? Мы пытались ковылять по земле, как кроты, которые не умеют плавать. Потом подошли русские танки и завершили дело. Они развалили едва выкопанные окопы, стреляли во все, что шевелилось, намотали раненых на гусеницы. Рядом со мной ранили Пимпфа. Он звал санитара, но тот не пришел, так как не мог прийти — лежал в нескольких метрах позади с простреленным животом. Я подскочил, чтобы помочь Пимпфу. Удар в левую руку опрокинул меня в грязь. «Ничего страшного», — подумал я. А Ханс — мой командир взвода — кричал, хотел узнать, что со мной случилось. Я крикнул, что со мной все в порядке, подполз к Пимпфу и лег за пулемет. Пимпф стрелять больше не мог. Осколком ему разорвало предплечье. Сначала я еще видел русских, потом не смог больше держать голову. Что было дальше — не помню.

Когда очнулся, почувствовал сильную боль. Дождь продолжал все еще лить как из ведра. Пимпф лежал рядом со мной. Он не шевелился и был перевернут, по-видимому, хотел бежать назад и при этом был убит. Я переломил его жетон и попытался отползти в глубокую воронку от крупнокалиберного снаряда. Можете себе представить, как я испугался, когда увидел там лежащего убитого русского. Перед другими воронками тоже лежали убитые гвардейские стрелки.

Я посмотрел на свои часы — они остановились.

Рукава куртки и рубашки у левого локтя стали твердыми от запекшейся крови. Счастье и несчастье. Кровь остановилась из-за того, что я лежал животом на руке. Попробовал пошевелить пальцами — не получилось. Осторожно маленькими ножницами для стрижки ногтей я разрезал рукава куртки и рубашки. Я резал все глубже и глубже через кровавое месиво. И странно — я не пришел в отчаяние и не испугался, когда увидел свою руку, лежащую отдельно от меня. Не понимая, почти помешавшись, я смотрел на желто-синюю руку и на часы, лежавшие передо мной, как на что-то такое, что было не частью меня. Механически я взял часы. Вы их, конечно, помните. Это был подарок дедушки на конфирмацию. Перетянул предплечье ремешком от котелка и осмотрелся. След танка отпечатался в нескольких метрах от позиции пулемета. Он был кривой, и колеи были наполнены водой. Собаки ехали от окопа к окопу. Почему именно меня они не взяли — не знаю.

Иван прорвался!

Повсюду валялось множество вещей. Я не стал ждать, пока стемнеет, надел русскую накидку и таким «полуиваном» отправился дальше. Мне навстречу проехало несколько Т-34. Они отходили. Значит, далеко прорваться им не удалось. В любом случае, я вежливо их пропускал. Рука горела огнем. Мне стало плохо. Ноги были как ватные.

Потом я нарвался на отделение русских. Теперь я понял, как был прав, захватив с собой автомат. Они попали мне в спину и в голень. Боль была нестерпимой. Но я дошел, и мне удалось сесть на «Тигр», ехавший в тыл. На главном перевязочном пункте стояли пустые бочки из-под бензина, из которых свешивались отрезанные руки и ноги. Вокруг лежали раненые и мертвые. Когда я снова очнулся, кто-то дал мне глоток водки и мягко сказал:

— Радуйся, приятель, для тебя война закончилась!

Культя левой руки была загипсована и забинтована. Я снова почувствовал левую руку, торчащие пальцы и снова подумал: странно, рука валяется в Прохоровке, а я могу сжать кулак, вытягивать и сжимать пальцы.

Несколько дней я оставался в Харькове. Там я услышал, что операция «Цитадель», наше наступление на Курск, действительно было прервано, хотя мы и прорвались! И несмотря на то, что мы удержались под Прохоровкой! Якобы американцы высадились где-то в Италии. Но зачем было прерывать? Зачем было тогда заваривать эту кашу? К чему терять столько жизней?

В любом случае, не беспокойтесь. Худое споро, не сорвешь скоро».

Он еще раз перечитал письмо. «Нет, такое домой посылать нельзя. Там они все в обморок попадают».

— А теперь — спать!

Когда медсестра увидела его удивленные глаза, улыбнулась и сказала:

— Завтра тоже будет день, не так ли?

Он лег. Одеяло было легким, белым и чистым. В зале постепенно становилось тихо. Кто-то стонал. В оконные стекла стучал дождь. Проклятый дождь. Культя руки горела и пульсировала.

Он посмотрел в потолок, притянул губу к носу, слегка повозился туда-сюда, глубоко вздохнул. Эрнст — Дори — Ханс. Ханс?

Длинного он больше так и не видел. Удалось ли ему выбраться? Дори отвез Эрнста в тыл. Эрнст хотел еще позаботиться на перевязочном пункте о Пауле, а Дори должен был отправиться назад в роту, по возможности с боеприпасами и продовольствием. Но он не приехал до их последней атаки. В любом случае, оба из нее вышли, совершенно точно. Он почувствовал, как глаза налились слезами. «Рева, — ругнулся он про себя, — сейчас,

когда все позади, тебе уже всего хватает, а ты начинаешь реветь, как разочарованная девочка».

Уни? Зепп, Пауль, Эрнст и он, может быть, Ханс и еще Шалопай. Это — в лучшем случае, семь из двенадцати, нет, с пополнением — семь из шестнадцати, которые выжили.

Он натянул одеяло до подбородка, почувствовал приятное тепло постели, прислушался к тихой дроби дождя и почувствовал ритм дергающейся культи. Что сказала медсестра? Завтра тоже будет день?

«Правда. Редкое чувство, новое, непривычное чувство. Сознание того, что завтра тоже будет день, снова день, совершенно точно день, и ты его проживешь».

Эпилог

Комната была не большой и не маленькой, не загроможденной и не бедной, обставленной не без вкуса. Типичной. Кровать, круглый стол со стульями, софа, комод с тазиком для умывания и кувшином и огромный платяной шкаф. На стенах две картины — «Рыбак на Кёнигсзее» и, прямо напротив нее «Охота Еннервайна». Жилище студента.

Ничего особенного, но среди руин, развалин, пепла и воронок от бомб — светлый мир. Светлый мир в Мюнхене, Зендлинге летом 1947 года.

— Еще хочешь?

Светловолосый хозяин комнаты покачал головой, улыбнулся и сыто откинулся назад:

— Нет, Эрнст. При всем моем желании, больше не могу.

Жареная селедка болталась, удерживаемая за хвост большим и указательным пальцами над коричневой оберточной бумагой.

— А я бы еще не прочь.

«Он совсем не изменился. Какая радость наблюдать за ним, когда он ест, — улыбнулся Блондин, — и если бы я не был сыт по горло, то у меня снова разыгрался бы аппетит».

— Ну, рассказывай. Или можешь предложить что-то другое?

— Да? Про что?

— Про что! Я про тебя ничего не знаю с Прохоровки. Только не на твоем баварском диалекте!

— Ты даже передохнуть не даешь.

— Итак?

— Итак... После того как я в балке раздал остатки организованной мною жратвы, забрался на мотоцикл Дори. Мне было трудно удержаться на заднем сиденье, так как Дори ехал как чемпион мира по слалому. После того как обстрел немного стих, после того как ночной воздух снова стал пахнуть воздухом, а не нефтью и дымом, я стал осознавать, что сражение под Курском для меня отгремело.

Мы сдали Пауля на перевязочный пункт. Потом мне пришлось ждать. У меня было время. Так много времени, что я очень пожалел о том, что так щедро распорядился своими запасами жратвы. Сейчас бы перекус был очень кстати...

Он продолжал рассказывать о снабжении, перевязке, отправке в госпиталь, об операции. Блондин вопросов не задавал.

— Когда я лежал на носилках, санитар улыбнулся и сказал: «О том, можно ли еще спасти руку, решат в тыловом госпитале на территории рейха». Я кивнул, и для меня стало ясно, что принимать это решение не поручу никому, кроме самого себя. И снова у меня было время. С тем различием, что было что-то поесть. Но я должен все-таки сказать, что мне, как человеку, способному прокормить самого себя, как организатору, — да, Цыпленок? — приходилось существенно легче.

Наконец я сел в санитарный поезд и отправился на запад. И...

Он рассказывал дальше, от отпуска по ранению, дальнейшего пребывания на фронте до попадания в плен, а Блондин наблюдал за другом, за тем, как он сидит, слегка наклонившись вперед, поставив ноги под широким углом, опираясь локтями о стол. Раньше он

смотрел на мыски сапог, а теперь он смотрит на свой стакан. «Ничего не изменилось. Ничто его не изменило. Он такой, как был всегда — крепыш, как говорят баварцы, образец здорового мужика, спокойного, умелого, твердолобого до упрямства и храброго до легкомыслия.

— А ты?

Блондин отпил глоток и пустил сигаретный дым в стакан. Он посмотрел, как расходятся клубы, и едва заметно кивнул.

— Дым, чад. Мы начали с ночи под Прохоровкой. После того как тебя ранили и ты успел все же вовремя уехать, остатки каши мы должны были расхлебывать одни. Хотя иван не прорвался, но по совершенно непонятным тогда для нас причинам на рассвете следующего дня мы отошли.

Сегодня я знаю, почему битва под Курском была прервана и почему не захотели нанести хотя бы половину удара, как это предлагал Эрих фон Манштейн. Сегодня тоже известно, что у ивана за Прохоровкой тоже ничего не было. Остановить он нас не смог бы. А высадка союзников в Италии? Кого это беспокоило под Курском? И приводимые сегодня оправдания, что удар из-под Орла навстречу нашему удару от Харькова не имел успеха, тоже не имеют под собой основания. Мы, мы сами все упустили! Более того, мы дали ивану время отдохнуть, укрепиться, а потом перейти в наступление, смявшее все южное крыло фронта. Как ты понимаешь, боевой дух был нулевой.

Постоянные дожди. Боеприпасов нет, есть нечего. Численность роты сократилась до взвода. И отступление. И иван, который, по крайней мере, был настолько же измотан, как и мы, однако чувствовал запах жареного и наступал, пусть даже медленно и не с таким ожесточением, как под Прохоровкой.

При отвлекающей атаке местного значения через несколько дней после твоего ранения я был ранен. Снайпер! Когда я очнулся, иван уже прорвался. Я обработал свое ранение, то есть отрезал себе левую руку, так как она висела только на кусках кожи. Наложил жгут и повязку и, поскольку было, слава богу, темно, отправился по направлению к родине. Хотя русская артиллерия поставила заградительный огонь, мне удалось через него перебраться. Потом ампутация на главном перевязочном пункте. Лазарет в Харькове — самое плохое.

Напротив, неплохим было мое расставание с Харьковом. Целыми днями слышалась русская канонада. И ее раскаты приближались. И в один прекрасный день началось! Лазарет начали сворачивать. Пара санитарных автомобилей и грузовиков на несколько сотен тяжело раненных. Оставаться никто не хотел. Каждый, кто мог хотя бы ползти, хотел уехать. Лазарет превратился в сумасшедший дом. С костылями и без костылей, в гипсе и окровавленных бинтах, некоторые — в одних ночных рубахах, крича, ругаясь, умоляя, они ползли и ковыляли к выходу. Только бы выбраться оттуда!

Вот я и вышел, заковылял мимо переполненных санитарных машин и уже отъезжающих грузовиков. И просто пошел, не имея ни малейшего представления, куда, не зная направления и цели. Просто хотел уйти оттуда.

Блондин обработал свой нос верхней губой, затушил сигарету и, слегка улыбаясь, продолжал:

— Мимо проезжала колонна армейских грузовиков. Я махнул своим костылем. И случилось чудо. Один из грузовиков остановился! Рядом с водителем сидел — Эрнст, ты не поверишь! — очень высокопоставленный интендант! А колонна грузовиков вывозила остатки запасов армейских продовольственных складов Харькова!

Мой интендант не только подвез меня, но и организовал мою отправку в тыловой госпиталь на территории рейха. И когда я, потяжелевший на несколько килограммов, залезал в санитарный поезд, у меня было столько бельевых мешков со жратвой, сколько у тебя в твои лучшие времена. Ты ошарашен?

Эрнст отрицательно покрутил головой:

— Чем?

— Да количеством наполненных мешков.

— Этим меня не ошарашишь. Немного удивлен и рад за тебя задним числом.

— В любом случае, пока я ехал в санитарном поезде, я часто думал о времени, которое мы провели в России. Бывало чертовски холодно, иногда — удушающе жарко, нечего пить, нечего есть и...

— Ты об этом думал?

— Думал, а что?

— Да, ты всегда был большим мыслителем. При любой подходящей, а чаще — неподходящей возможности ты думал и решал проблемы. Знаешь, Цыпленок, я бы не хотел иметь такую башку, как у тебя. Мне даже сегодня от нее плохо. Я на тебя смотрю прямо, как ты думал день и ночь, в одной руке колбаса, а в другой — бутерброд. — Он наморщил лоб. — Да-а, такого никогда не было. А между жратвой, выпивкой и куревом корчил рожу и полировал нос. Так?

Блондин не заметил замечания.

— А ранение? Я имею в виду проблему инвалидности?

Блондин постучал косточками пальцев по своей деревянной руке и покачал головой:

— Странным образом, для меня это никогда не было проблемой. Может быть, в момент, когда я перерезал лоскуты кожи, когда рука лежала передо мной в грязи, примирился с тем, что остальную жизнь проведу инвалидом. Может быть, сознание того, что я живу, что

я выжил, было важнее того, *как* живу и *как* выжил. Последующая ампутация в тыловом госпитале была всего лишь косметической корректурой. Пустой болтающийся рукав мундира с самого начала мне не мешал и не повергал в депрессию. Никогда.

Блондин рассмеялся:

— Рука никогда не была проблемой. Тыловой госпиталь, Отпуск, Отставка, Жизнь. Вот что было.

Курт ПФЁЧ

Родился 26 января 1924 года, поэтому всегда относился к 1923 году призыва, всегда был младшим и поэтому всегда «Цыпленок».

Его воспитывал дед, так как отец переехал на жительство в США. В детстве он вступил в детскую организацию, а затем — во взвод фанфаристов. Одним из самых памятных событий для него было участие фанфаристом в партийном съезде 1938 г. в Мюнхене, где впервые он увидел «Лейбштандарт Адольф Гитлер». С тех пор он стремился поступить на службу в это элитное соединение. Как и все ученики его класса, он записался добровольцем.

В Берлин-Лихтерфельде он прошел начальную военную подготовку в батальоне охраны. С осени 1942 года в составе этого батальона воевал в России. После ранения под Прохоровкой был признан негодным к строевой службе. Он решил пройти курс подготовки учителя национал-политической академии по специальности искусство, история и спорт, продолжая дальнейшую службу при «ЛАГе».

В связи со своей принадлежностью к этой дивизии, после войны он попал в плен. Так как Пфёч начал учиться еще во время войны, после ее окончания он хотел продолжить образование, что бывшим служащим «ЛАГа» было строго запрещено. Тем не менее он получил диплом по специальности искусствоведение, история и педагогика.

В 1949 году он женился. Свидетелем на свадьбе был его фронтовой товарищ и лучший друг — Эрнст Даннеман. Вскоре родился сын.

На батальонную встречу в 80-е годы прибыли семь человек. В их числе неожиданно оказался Уни: после того как он отдал последние почести умершему Ханнесу, был тяжело ранен и поэтому не смог догнать наступавших товарищей. В госпитале ему ампутировали ногу. После войны Уни жил в Каринтии, умер несколько лет назад.

Вот уже двадцать пять лет доктор Пфёч работает научным экскурсоводом. Во время длительных поездок он занимается рисованием.

Эрнст Даннеман умер несколько лет назад.

У Курта Пфёча — два внука, и сегодня он проживает в Брауншвейге. В 2008 г. из солдат батальона охраны «ЛАГа» в живых оставалось трое.

Содержание

Введение. Битва под Курском в июле 1943 г. 5
Пролог. 1 июля 1943 года 13
День первый. 2 июля 1943 года 23
День второй. 3 июля 1943 года 59
День третий. 4 июля 1943 года 77
День четвертый. 5 июля 1943 года 100
День пятый. 6 июля 1943 года 171
День шестой. 7 июля 1943 года 197
День седьмой. 8 июля 1943 года 226
День восьмой. 9 июля 1943 года 245
День девятый. 10 июля 1943 года 251
День десятый. 11 июля 1943 года 259
День одиннадцатый. 12 июля 1943 года 298
День последний. 15 июля 1943 года 304
Эпилог 310
Курт Пфёч 316

Научно-популярное издание

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА.
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

Курт Пфёч

ЭСЭСОВЦЫ ПОД ПРОХОРОВКОЙ

1-я дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» в бою

Ответственный редактор *С. Кузнецов*
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *И. Кондратюк*
Корректор *Е. Сырцова*

ООО «Яуза-пресс».
109439, Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2.
Тел.: (495) 745-58-23, факс.: 411-68-86-2253.

Подписано в печать 02.06.2010.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Прагматика».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 4500 экз. Зак. № 631

Отпечатано в типографии ООО "Самарский дом печати"
443052, г. Самара, пр. Кирова, 24

ISBN 978-5-9955-0171-8

Уникальные фронтовые воспоминания ветерана 1-й дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», участвовавшего в знаменитом сражении под Прохоровкой. Величайшая танковая битва глазами простого эсэсовца, из боевых порядков немецких гренадеров и танкистов. «Тридцатьчетверки» против «тигров», скорость и маневренность против мощной брони и цейсовской оптики, русская отвага против германской стойкости, советская гвардия против войск СС!

«Блондин выглянул из-за края балки и, как зачарованный, стал смотреть на Прохоровское поле. Там был ад: жирный черный дым, фонтаны земли, горящие танки… Сотни стальных чудищ, скрежеща гусеницами, мчатся друг на друга, словно древние ящеры, стреляют, взрываются, разлетаются на куски, но все равно прут вперед – без тактических уловок, одержимо, ожесточенно, подчиняясь лишь одной мысли: или я его прикончу, или он меня!.. Немецкие танкисты лучше водят, лучше стреляют и чаще попадают, но русские в отчаянном порыве, бешено, фанатично дерутся до последнего выстрела и, даже загоревшись, продолжают мчаться вперед с очевидным намерением таранить врага, взлететь на воздух вместе с «тигром»!..»

ISBN 978-5-9955-0171-8